

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет

Ю9
С60

Е.Л. Солдатова

**СТРУКТУРА И ДИНАМИКА
НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА
ПЕРЕХОДА К ВЗРОСЛОСТИ**

Монография

Челябинск

Издательство ЮУрГУ
2007

ББК Ю937+Ю937.4
С 60

*Одобрено
Советом факультета психологии*

Рецензенты:
Г.Г. Горелова, М.В. Чумаков

Солдатова, Е.Л.
С60 Структура и динамика нормативного кризиса перехода к
взрослости: монография / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во
ЮУрГУ, 2007. – 267 с.

ISBN 978-5-696-03755-4

Монография посвящена исследованию изменений, происходящих с личностью в процессе перехода от юности к ранней взрослости. Автором разработана теоретическая концепция нормативных кризисов личности, в период взрослого развития. В качестве методологического основания выбраны культурно-историческая концепция и концепция эго-идентичности. Представлена динамическая модель нормативного кризиса. Изменения, происходящие в нормативном кризисе, описаны в терминах системы отношений личности. Автор рассматривает три уровня отношений (социальной ситуации развития), в том числе рефлексивный. Рефлексия личностью изменений, происходящих с ней в кризисе, связана с динамикой статусов эго-идентичности. Экспериментальное исследование структуры и динамики нормативного кризиса перехода к взрослости позволило уточнить границы, возрастные задачи, определить новообразования кризиса. В работе представлены основные подходы к организации психологического сопровождения молодых людей в период нормативного кризиса перехода к взрослости.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей факультета психологии, для специалистов, работающих в области психологии личности, психологии развития и психологического консультирования.

ББК Ю937+Ю937.4

© Солдатова Е.Л., 2007.

ISBN 978-5-696-03755-4

© Издательство ЮУрГУ, 2007.

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние общества характеризуется интенсивной динамикой изменений, в том числе и в онтогенетическом развитии человека: растягивается период детства и юности, увеличивается период обучения как допрофессионального, так и профессионального. Удлинение переходного периода к взрослости связано с обучением в вузе, службой в вооруженных силах, затянувшимся поиском работы. Пролонгированный переход к взрослению неоднозначно сказывается на процессах развития личности в этот период. С одной стороны, общество предоставляет молодежи мораторий для поиска себя и самоопределения, с другой стороны, не предлагает достаточно адекватного и конструктивного образа будущего, без которого сложно определить направление развития. Идеальный образ будущего (представление о будущем) должен включать, представления о профессиональной и карьерной линии развития; приоритеты семьи и стремление к саморазвитию – это те направления, которые связаны с задачами развития личности в период ранней взрослости или молодости.

Требования к отдельным возрастным периодам изменяются и влекут за собой изменение возрастных границ и задач возраста, изменяются представления о стабильных и переходных периодах развития. Если вопросы периодизации детства, в том числе и связанные с возрастными кризисами детства, давно и успешно разрабатываются в психологии развития, то кризис перехода к взрослости, связанный с формированием готовности молодых людей к активной жизненной позиции в профессиональной, семейной среде, в саморазвитии и определении собственных целей, требует уточнения и тщательной разработки.

Сложившиеся в современной психологии различные подходы к пониманию онтогенетического развития, в основном, определяют его как непрерывный, неравномерный и гетерохронный процесс системных изменений, затрагивающих различные психические структуры. Вместе с тем, многообразие принципов и теоретических подходов к развитию после детства свидетельствует о недостаточности понимания механизмов развития и необходимости дальнейшего движения в этом направлении. Актуальной задачей сегодня является понимание закономерностей развития взрослого человека. В связи с этим необходимо исследовать психологическое содержание кризисов развития в период взрослости и, в первую очередь, кризиса перехода к ранней взрослости. Важно определить источники, природу и вклад индивидуальных, типологических и общевозрастных составляющих в процессы развития.

В данной работе рассматриваются особенности кризиса перехода к ранней взрослости (молодости). Предметом исследования стало психологическое содержание и закономерности кризиса перехода к взрослости; структура и динамика эго-идентичности как центрального новообразования нормативного кризиса взрослости.

Методологическим основанием настоящего исследования являются культурно-историческая теория Л.С. Выготского; концепция критических возрастов К.Н. Поливановой; концепция эго-идентичности Э. Эриксона.

В данной работе теоретически и экспериментально проверялись следующие положения.

Смена возрастных этапов взрослости обусловлена культурно-историческим содержанием возрастных задач и соответствующими им структурно-личностными изменениями.

Возрастные кризисы развития взрослых являются закономерным и нормативным явлением онтогенеза и возникают вследствие изменения объективной составляющей социальной ситуации развития и субъективным открытием идеальной формы следующего возрастного этапа.

Возрастные новообразования в период взрослости опосредованы задачами следующей возрастной стадии, латентно формируются в предшествующей стадии, проявляются и интериоризируются в периоды нормативных кризисов.

Возрастные задачи представлены в культуре в виде нормативных критериев возраста, выраженных в возрастной терминологии, периодизации, ожиданий и стереотипов, заданных в качестве подразумеваемой нормы, элементов возрастной культуры, по которым представители данного возрастного класса идентифицируют себя как принадлежащие этому возрасту и отличаются от всех остальных.

Интериоризация новообразований взрослости в возрастном кризисе определяет психологическую готовность к переходу на следующий возрастной этап и является новообразованием нормативного кризиса.

Динамика новообразований нормативных кризисов развития в период взрослости связана с динамикой кризиса, а содержание новообразований кризиса опосредовано возрастными закономерностями.

Целью данного исследования стало теоретическое обоснование и экспериментальное решение концепции возрастных кризисов взрослости как нормативного явления; изучении динамики, особенностей детерминации и специфики нормативного кризиса перехода к ранней взрослости (молодости), возрастных изменений структуры личности.

В связи с этим предпринято философское и общепсихологическое обоснование сущности кризисов развития как нормативного явления; проведен анализ психологического содержания, условий возникновения и динамики возрастных кризисов взрослости; анализ психологических новообразований возрастов и новообразований нормативных кризисов развития в период взрослости. Проведено изучение культурально-возрастных ожиданий и особенностей интериоризации образа возраста. Создан и апробирован метод исследования новообразований возрастных кризисов взрослости. Проведено экспериментальное исследование содержания и динамики новообразования кризиса перехода к ранней взрослости, исследована структура и определена специфика социальной ситуации развития при переходе к взрослости. Исследованы особенности системы ценностей, временной трансспективы и представлений о будущем как идеальной формы развития в разных фазах кризиса перехода к молодости.

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСОВ И НЕПРЕРЫВНОСТИ РАЗВИТИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

1.1. Общие основания исследования проблемы непрерывности развития в онтогенезе. Понятие развития

Понимание непрерывности онтогенеза, т. е. продолжения процессов развития после детства не является однозначным в психологии. Зачастую это связано с толкованием самого понятия развития. Отождествление развития с ростом, накоплением, увеличением приводит к редуцированному пониманию изменений, происходящих во взрослых возрастах, сведению их к застою и регрессу. Следовательно, необходимо определить содержание понятия развития вообще и психического развития в онтогенезе, в частности. Очевидно, что только выделение возрастных стадий во взрослом периоде онтогенеза позволяет определить качественные различия на разных этапах взрослости. Признание качественных различий между стадиями влечет за собой необходимость постановки вопросов о причинах этих качественных изменений, условиях и вариантах, и, главное, о способах перехода от одной стадии к качественно новой, другой. В данном контексте представляется необходимым определить концептуальный подход к исследованию кризисов, как переходных периодов между стадиями. Важно обратиться к имеющимся теоретическим и эмпирическим данным о содержании кризисов взрослости. Необходимо, но не достаточно рассмотреть специфику протекания кризисов во взрослом периоде. Важно, в связи с проблематикой данного исследования, определить общевозрастные закономерности и механизмы возникновения кризисов в период взрослости, их роль в развитии. Для этого обратимся к культурно-исторической концепции возрастных кризисов детства и определим возможности и ограничения этого подхода к развитию в период взрослости.

Интерес к проблемам развития человека актуален в различных отраслях научного знания, содержание развития уточняется на стыке наук: биологии, генетики, психогенетики, психологии, акмеологии, геронтологии, антропологии, социологии, культурологии, философии и др. Принцип развития давно и прочно утвердился в естествознании, стал предметом философского исследования, является одним из основных в психологии. Подходы к пониманию процессов развития и интерпретации изменений с ним связанных находятся в динамике и в зависимости от становления научного знания. До сих пор нет устоявшегося единого взгляда на особенности и природу психического развития человека, а динамика этих взглядов вызывает безусловный интерес и дает представление о влиянии на движение научной мысли в этом направлении сегодня.

В психологии понятие развития ассоциируется, а иногда и отождествляется с понятиями роста и изменений. Такое редуцирование понятия приводит к определенным ограничениям в исследовательских подходах к многогранной реальности динамических процессов. Рассмотрим соотношение понятий рост, изменение и развитие, обычно присутствующих в описании динамики психических функций и особенностей личности человека.

Понятие изменения означает в самом общем смысле отсутствие застоя. Развитие – это целый ряд изменений, происходящих на определенном отрезке времени. Необратимость изменений обеспечивает преемственность процесса развития, – невозможно отменить то, что уже произошло, – в каждом новом облике измененного объекта всегда присутствуют «следы» прошлого опыта. Закономерные изменения свидетельствуют о наличии определенных причинно-следственных связей. Отсутствие закономерностей свидетельствует о случайности изменений. Развитие – это необратимое, направленное, закономерное изменение, которое происходит по определенным законам. Изменение в одном направлении – прогрессивном, связанным с количественным накоплением описывается понятием роста. Рост трактуется как систематическое изменение, когда определенный фактор внутри одной системы возрастает, прогрессирует в отношении численности, величины или веса. Если рассматривать развитие с точки зрения вектора – направления изменений, то следует отметить, что развитие не исчерпывается ростом и прогрессом. Развитие включает в себя и регресс.

В процессуальном смысле изменения могут идти как эволюционным, так и революционным путем. Эволюционные – это последовательные, поступательные изменения. Революционные изменения носят взрывной характер, однако, не являются неожиданными с точки зрения логики развития, а имеют причинную обусловленность. Итак, развитие можно характеризовать как изменение, при котором наряду с поступательным, эволюционным движением присутствуют революционные изменения, когда в определенные критические моменты наступают структурные изменения во всей системе.

В данной работе мы исходим из представлений о непрерывности онтогенеза, полагая, что развитие человека осуществляется на всем жизненном пути, что онтогенез состоит из определенных этапов, между этапами существуют переходные периоды, развитие – процесс закономерный и взаимообусловленный системой внутренних и внешних факторов, а в период взрослости, и субъективными факторами. Следует признать, что такое представление об онтогенезе является необходимым, но не достаточным условием для выделения возрастных кризисов взрослости как нормативного явления в развитии личности. Обратимся поэтому последовательно к пониманию принципа развития в философии, рассмотрим различные концепции психического развития, не ограничиваясь теориями периодизаций, полагая, что трансформация и ассимиляция знаний обогащает теории и способствует их развитию на новом этапе.

1.2. Принцип развития в философии

Как любое фундаментальное понятие, термин «развитие» имеет достаточно емкое семантическое пространство и включает как объективные, общеприродные смыслы, так и субъективные, личностные. Начало научно-логической системы значений понятия «развитие» положила диалектика Гераклита. Образ потока, как вечно текущего, изменяющегося, движущегося сущего, стал центром его философского учения о текучести вещей. Вечное и постоянное изменение передано метафорой реки, в которую нельзя войти дважды и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии. Понятие необратимости времени и изменений развивал Августин Блаженный через метафору «стрелы времени».

В глубокой древности был известен образ спирали – метафоры диалектического развития. Принцип диалектического развития остается до настоящего времени одним из центральных мировоззренческих и методологических оснований в естественных и социальных науках.

Диалектический метод лег в основу идеи эпигенетического развития (Аристотель, Ламарк, Гете). Суть идеи развития в учении Аристотеля – в принципе поступательности и все возрастающей сложности организации живых тел. Г. Лейбниц соединил принципы диалектики с идеей преформации, где в самом начале заданы, закреплены, зафиксированы как те стадии, которые организм пройдет, так и конечный результат. А. Бергсон противопоставляет этим теориям идею творческой эволюции, т. е. многовариантности развития. Утверждая, что эволюционное движение не может быть столь простым, что жизнь описывала бы одну единственную траекторию, предлагает трактовать развитие как огромное число расходящихся направлений.

Шеллинг развивал идею полярности мира как одном из главных его свойств: каждая вещь, явление представляет собой противоборство и единство противоположностей и способно развиваться, превращаясь в иные сущности согласно определенным законам. Шеллингианскому пониманию созвучно экзистенциальное направление, трактующее развитие как диалектическое слияние прерывности и непрерывности, возникновения и уничтожения, наступления и ухода, происхождения и гибели.

Универсальность принципа развития была показана в немецкой классической философии. Гегель, диалектика которого – учение о всеобщем развитии, раскрыл его механизм, источники возникновения и основные законы. Гегель представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. непрерывного движения, изменения, преобразования и развития. Каждая из ступеней развития имеет свой принцип: переход, рефлексия (отражение) и собственно развитие. В диалектическом принципе, идеалистическом по объекту изучения, представлены все категории философского и научного мышления: качество, количество, мера, сущность и явление, тождество и различие, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность и т. д. Попытку материалистического осмысления диалектики осуществили Герцен,

Белинский, Чернышевский, которые усмотрели объяснительные возможности диалектического принципа не только относительно идеалистических категорий, но и применительно к естествознанию и явлениям социальной действительности. Представление о диалектике как о всеобщем принципе развития отстаивали идеологи марксизма, рассматривая развитие как атрибут материи (Ф. Энгельс, «Диалектика природы») и общественных процессов (К. Маркс, «Капитал»).

Современное философское понимание трактует понятие развитие как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов. Только одновременное наличие всех указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений. В результате развития возникает качественно новое состояние объекта, которое выступает как изменение его состава или структуры (т. е. возникновение, трансформация или исчезновение его элементов и связей). Способность к развитию трактуется как одно из всеобщих свойств материи и сознания. Объяснение развития физических и природных процессов закономерно с точки зрения объективной логики законов эволюции, описание процессов развития человека включает, наряду с этим, законы субъективности.

1.3. Психологические концепции развития личности. Непрерывность онтогенеза

Интерес к психическому развитию (*изменению, связанному с возрастом*) в психологической науке появился не сразу. Долгое время психология существовала как наука, изучающая особенности психики человека: его мысли и переживания, позднее, поведение. Объектом для изучения был, разумеется, взрослый человек, однако существовало мнение, что взрослость – период «окаменелости» (Клапаред) – достигнув определенных высот в росте своих биологических, физиологических и психических возможностей, человек останавливается в развитии, а затем начинает резко регрессировать, деградировать, стареть.

Период расцвета психологии развития как психологии детства приходится на XX век. Самые разнообразные подходы к исследованию детства, к определению стадий и периодов развития, к источникам и условиям, определяющим развитие, были реализованы в это время. Стали классикой теории, возникшие в начале XX века: бихевиоризм и эмпиризм, психоанализ, генетическая теория развития интеллекта Ж. Пиаже, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского. Многочисленные направления исследования проблем детского возраста находят достойное продолжение в современных концепциях онтогенеза.

Интерес к другому полюсу изменений психики человека – к старости возник гораздо позже. А развитию в зрелости вообще долгое время не уделялось внимание.

Тем не менее, постепенно взгляд на развитие менялся и объектом исследования психологов становился взрослеющий человек, развивающийся на всем его жизненном пути.

Как показал Л.С. Выготский, существует много различных типов развития. Он выделял: преформированный и неформированный типы развития. Преформированный тип – это когда в самом начале заданы, закреплены, зафиксированы как те стадии, которые явление (организм) пройдет, так и тот конечный результат, который явление достигнет. Здесь все дано с самого начала. Примером может служить эмбриональное развитие. Несмотря на то, что эмбриогенез имеет свои особенности (наблюдается тенденция к сокращению нижележащих стадий, самая новая стадия оказывает влияние на предшествующие стадии), это не меняет типа развития. В психологии попытка представить психическое развитие по принципу эмбрионального развития принадлежит Ст. Холлу. В основе его теории рекапитуляции лежит биогенетический закон Геккеля: онтогенез есть краткое повторение филогенеза. Психическое развитие рассматривалось Ст. Холлом как краткое повторение стадий психического развития животных и предков современного человека.

Неформированный тип развития наиболее распространен. К нему относится развитие Вселенной, развитие планеты, процесс биологической эволюции, социальное развитие. Процесс психического развития человека также относится к этому типу. Неформированный путь развития не предопределен заранее. Люди – представители различных культурно – исторических эпох развиваются по-разному и достигают разных уровней развития. В этом смысле верно представление о том, что возраст – категория конкретно – историческая. Развитие человека не предопределено биологически или генетически, с рождения ребенку не заданы те этапы, через которые он должен пройти, не определены итоги, которых он должен достичь в процессе развития.

По мере развития психологии подходы к толкованию процессов, происходящих в человеческой психике с возрастом, изменялись. На сцену выходили и выходят разные научные теории и концепции, общим для большинства из них, пожалуй, является понимание того, что развитие – это смена этапов, границы которых очерчены весьма условно. Каждая научная концепция пытается определить закономерности процессов развития, источники и условия, его опосредующие.

Деление онтогенеза на отдельные периоды и стадии, фазы и эпохи, возрасты суть периодизации психического развития. Основание для периодизации определяется конкретной концепцией – теоретической или эмпирической. Рассмотрим некоторые концепции, обращающиеся к феномену онтогенеза с точки зрения такого деления и учета возрастных закономерностей.

У современных периодизаций возрастных изменений человека есть предшественники – древние системы, которые делят человеческую жизнь на периоды в 7, 14 или 21 год, и системы, которые выделяют пять, семь или девять неравных жизненных фаз. Б. Ливехуд, анализируя некоторые периодизации, приходит к заключению, что различий между многообразными подходами меньше, чем представляется вначале, что практически во всех системах важнейшие поворотные пункты биографии идентичны, а деление на этапы происходит по второстепенным критериям (44):

Старейшая система, которая оказала влияние на западную культуру, это греческое деление на 10 периодов по семь лет. Птолемей делил жизнь на равномерные фазы, которые подчиняются влиянию отдельных планет. Римляне знали пять фаз жизни: 0–15 лет – годы раннего детства и латентная фаза первых школьных лет; 15–25 лет – юность; 25–40 лет – первая фаза взрослого возраста; 40–55 лет – вторая фаза взрослого возраста; с 55 лет – до смерти – старость. Рюмке добавляет еще предстарость – с 55 до 65 лет и считает началом старости 65 лет.

Уотеринг следует после Рюмке греческому делению на 10 фаз по 7 лет:

0–7 лет время жизни фантазий;

7–14 лет: время воображения, имагинации;

14–21 год: половое созревание и юность;

21–28 лет: завоевание жизненного базиса;

28–35 лет: подтверждение и сличение найденных основ жизни;

35–42 года: вторая половая зрелость, переориентация в профессиональных целях;

42–49 лет: маниакально-депрессивный период;

49–56 лет: борьба с собственным закатом;

56–63 года: мудрость;

63–70 лет: вторая молодость – переход признают сознательно – в этой фазе человек может еще раз достичь кульминации своей жизни.

Вайнгаарден различает три больших фазы:

0–18 лет: изучение внутреннего и внешнего мира;

18–42 года: принятие внутреннего и внешнего мира;

с 42 лет и до конца: осознание внутреннего и внешнего мира.

Ш. Бюлер (представитель персонализма) разделяет взгляды Рюмке на выделение фаз. Идея Ш. Бюлер – у каждого человека есть лейтмотив, на основе которого он ставит перед собой цель и выбирает путь к осуществлению этой цели. По Ш. Бюлер, в течение человеческой жизни осуществляется развитие на основе определенных биологических стремлений: удовлетворение потребностей, самоограничивающаяся адаптация изнутри, называемая также регулированием жизни, поддержание внутреннего порядка, благодаря которому становится возможной последовательность (Ш. Бюлер приводит в пример совесть, которая способствует самоограничению «благодаря подлинной самости») и творческая экспансия.

Различные фазы жизни определяются этими основными стремлениями с различной интенсивностью. Кроме того, возможность развития по Ш. Бюлер основываются на противоположности между виталитетом (жизненной силой, биолого-физическим аспектом человека) и менталитетом (душевым складом, духовным аспектом человека, ориентированным на осуществление жизненной задачи.) Она видит две линии развития во взаимодействии –биологическое и душевно-духовное развитие. От биологической личности исходят основные стремления, от духовной личности – мотивы.

Согласно представлениям Ш. Бюлер развитие – это изменение в определенном направлении, подчиняющееся законам созревания. «Развитие это

фундаментально-биологическое свойство. Благодаря количественному росту любой организм достигает той точки, когда старая примитивная структура больше не может управлять расширившимся организмом. Продолжение роста тогда означает либо распад организма (примером может служить биологическая смерть), либо реорганизацию внутренней структуры организма, которая снова смогла бы управлять расширившимся организмом.

Развитие – это рост, происходящий от структурного кризиса к структурному кризису. При этом развитие проходит несколько фаз: рост всего организма или его частей; дифференциация и образование органов (образование субсистем); при этом функции, которые сначала глобально исполняла вся система, концентрируются в субсистемах, достигающих более высокой степени совершенства (образование органов); иерархизация; определенные органы управляют другими органами, иногда это называют иерархической интеграцией; наконец, интеграция в новую систему; весь организм работает на более высоком уровне и с возросшей комплексностью.

Биологическое развитие финишно-ориентировано, направлено к одной цели, поставленной в самом начале, к зрелому организму. В этом процессе играют роль созидание, равновесие и упадок. Этому закону подчиняются все живые организмы, не является исключением и человек. Однако развитие человека не сводится только к биологическому созреванию. Психологический образ человека глубже и содержательнее. Потому, кроме биологического, рассматривают психическое, социальное и духовное развитие.

Философ Гвардини в книге «Возрасты жизни» пишет, что «человек характеризует себя всегда по-новому... во всех фазах он всегда один и тот же человек, который живет здесь... собственно персона, которая знает о себе и несет ответственность за соответствующую фазу жизни... Каждая фаза своеобразна, она не может быть выведена ни из предшествующей, ни из последующей... Жизненные образы создают и оценочные фигуры. В них возникают определенные ценности с определенными доминантами... Ребенок не только для того существует, чтобы взрослеть, а и для того, и прежде всего, чтобы он сам именно как ребенок был человеком. Потому что человек является живущим в каждой фазе своей жизни... Таким образом, настоящий ребенок не меньше человек, чем настоящий взрослый» (цит. 44). Гвардини ищет для каждой фазы доминанту оценочной фигуры, центр тяжести или середину. Выделяемые им фазы жизни следующие:

1. жизнь в чреве матери, рождение и детство;
2. кризис созревания (половая зрелость);
3. молодой человек (юность);
4. кризис из-за приобретения опыта (переход от юности к экспансивному взрослению);
5. совершенный человек (тридцатые годы);
6. кризис узнавания границы (начало сороковых годов);
7. отрезвленный человек;
8. кризис овобождения;
9. мудрый человек.

Обращает на себя внимание в этой периодизации неоднородность периодов, выделяемых Гвардини. Удивительно, но он отмечает переходы между фазами жизни, как кризисы, связанные с созреванием, опытом, переопределением своих границ в обществе, эти кризисы ведут к определенным изменениям человека. Каждая фаза в этой периодизации существует ради целого и ради любой другой фазы.

М. Мере в работе «Фазы развития человеческой жизни» описывает жизнь как задачу, которую должен решать человек с помощью своих физических и душевно-духовных сил. Духовные силы придают жизни собственный и более глубокий – соответствующий человеческому достоинству – смысл. Она рассматривает человеческую жизнь как прогрессирующее развитие духовного в человеке, определяет в качестве центрального требование к взрослому человеку развивать себя самого. Не случайно, поэтому она вводит для средней фазы взрослого возраста – периода от начала двадцатых до начала сороковых годов, следующие понятия: жизненно-душевные устремления, деловые устремления и духовные устремления. В каждой фазе описываются творческая работа и способ решения своих задач, социальные связи и общее отношение к ценностям.

1. первая жизненная фаза: детство и юность примерно до 14 и 21 года;
2. вторая жизненная фаза: первая фаза взрослости и двадцатые годы, 21–28 лет;
3. третья жизненная фаза: примерно от 28 лет до 42 лет;
4. четвертая жизненная фаза: примерно от 42 до 56 лет;
5. пятая и шестая жизненные фазы две фазы старости.

В мировоззрении Штайнера и его образе человека центральным является понятие развития. В отношении биологического развития он примыкает к учению Гете о метаморфозах, подхватывает учение Шиллера о триединстве духовных устремлений человека и развивает из них совершенно иное мировоззрение, рассматривающее человека как единство тела, души и духа. Тело, подчиняющееся определенным законам развития, возникло в результате длительной эволюции. В отличие от него дух, проникающий и сознание человеческого «Я» ориентирован на будущее и стремится к свободе. Между обеими сферами находится человеческая душа или психика – та арена, на которой встречаются обе силы и где человек предстает как человек здесь и теперь. Штайнер также исходит из десяти периодов развития, по семь лет каждый: 3 раза по семь лет на физически – душевное развитие, 3 раза по семь лет на собственно душевное развитие, 3 раза по семь лет на развитие духа. Таким образом, за 63 года человек проходит основные ступени развития, и потом у него остается еще десятое семилетие, чтобы закрепить развитие. Семидесяти лет он готов собирать плоды своей жизни и возвращать их обществу.

Согласно взглядам Б. Ливехуда, всякий живой организм хронотипически определен своим родом. Если предположить, что продолжительность жизни человека составляет около восьмидесяти лет, то в ходе человеческой жизни можно различить три фазы:

1. период роста, в который происходит более созидание, нежели разрушение;
2. период, равновесия между созиданием и разрушением, и
3. период инволюции, нарастающего разрушения.

Б. Ливехуд утверждает: «Аргумент о постепенном изменении, которое исследуется только путем наблюдения за небольшими интервалами, мало что говорит о существовании детства, юности и о взрослении. Здесь происходит то же, что и при переходе от дня к ночи. Если следить за ним с минуты на минуту, то нельзя сказать: «Теперь закончился день, наступила ночь». И все же вдруг становится совершенно темно, наступает ночь, и можно различать день и ночь. Столь же маловероятно назвать определенный день перехода от юности к взрослому состоянию, и все же есть момент, когда человек приобрел так много характерных черт взрослого и отбросил так много юношеского, что теперь с полным правом можно говорить о достижении взрослого состояния (предварительной формы)» [146](Б. Ливехуд,).

И, не смотря на то, что разделение на жизненные фазы до сих пор не является аксиомой в психологии развития, снова и снова предпринимаются попытки систематизировать знание о развитии через деление человеческой жизни на фазы. Наиболее известные теоретические концепции психологии развития сложились в прошлом веке и получили свое признание в связи с тем, что ввели в психологию определенный понятийный аппарат, строгие научные суждения (конечно, в рамках определенной парадигмы) и обосновали представление о психическом развитии.

Анализ доступных исторических представлений о динамике изменений в психике человека свидетельствует о том, что подходы к интерпретации источников, условий и фаз развития, во-первых, весьма разнообразны, во-вторых, суммируют разные представления и пытаются обосновать их в логике, доступной научному знанию соответствующей эпохи.

Так, если не принимать во внимание различные внешние факторы (такие как влияние планет и других стихий), то можно обнаружить в самых первых теориях следующие основания для выделения фаз или этапов:

- изменение и переживание мировосприятия (Уотеринг);
- изучение и принятие внутреннего и внешнего мира (Вайнгаарден);
- изменение жизненных целей и путей их реализации (Ш. Бюлер);
- изменение жизненных ценностей (Гвардини);
- динамика жизненных смыслов (М. Мере);
- возрастное изменение соотношения телесного, душевного и духовного в человеке (Штайнер, Ливехуд).

Современные концепции часто содержат аналогичные историческим представления о содержании развития, предлагая соответствующие современному уровню развития науки объяснительные принципы и эмпирические обоснования.

Выяснение источников и причин возрастных изменений – основная задача теорий онтогенеза. Через выявление соотношения объективного и субъективного, биологического и социального, роли природы и общества, среды и воспитания в контексте детерминации процессов развития психологические теории трактуют содержание его источников, механизмов, условий, направленности изменений в онтогенезе, причины личностного развития в детстве, юности, зрелости, старости.

Наиболее ранние психологические концепции развития (Ст. Холл, А. Гезелл, К. Бюллер, В. Штерн) строились в основном, на объективных законах эволюции. В основе этих теорий («теории рекапитуляции») лежит биогенетический закон Геккеля: «онтогенез есть краткое и быстрое повторение филогенеза». Ст. Холл считал, что ребенок в своем развитии повторяет развитие человеческого рода и что развитие детского рисунка отражает те стадии, которые прошло изобразительное творчество в истории человечества. Им впервые была сделана попытка показать, что между историческим и индивидуальным развитием существует связь. Идеи Ст. Холла оказали влияние на А. Гезелла, К. Бюллера и автора «теории конвергенции двух факторов» В. Штерна. Среди них выделяется позиция А. Гезелла, который был преемником идей Ж. Руссо и признавал наличие «внутренней силы развития» – спонтанной, не поддающейся обучению. Оставаясь в рамках преформизма, А. Гезелл наметил последовательность форм поведения в ходе созревания и ввел понятие возрастной нормы. Он считал, что роль обучения и воспитания лишь в том, чтобы своевременно следовать за процессами созревания, тем самым А. Гезелл первым сделал акцент на самом ребенке, признавая его субъектность в развитии.

Психоаналитический подход стал поистине революционным шагом в описании закономерностей развития и преемственности возрастных изменений личности. Теория З. Фрейда оказалась наиболее разработанной и наиболее полно раскрывавшей механизмы развития, действующие на каждой стадии. Теория и метод психоанализа, разработанные З. Фрейдом, положили начало целому направлению в теоретической и прикладной психологии, актуальному и в настоящее время.

Он разработал трехуровневую классификацию конфликтующих между собой тенденций, составляющих структуру личности. Три обособленные подсистемы человеческой личности: *Ид*, *Эго* и *Суперэго* возникают в процессе развития закономерно, а особенности их взаимодействия и внешние факторы способствуют организации уникальной структуры личности.

В момент рождения младенец обладает только *Ид*. Но очень скоро настоячивые требования *Ид* наталкиваются на суровую ограничивающую реальность. Конфронтация между желанием и реальностью ведет к возникновению целого ряда новых реакций, которые призваны примирить их между собой. Конфликты формируют новую подсистему личности – *Эго*. *Эго* возникает из *Ид* и предназначено для служения ему. Но, в отличие от *Ид*, *Эго* подчиняется *принципу реальности*, это – прагматично. С возникновением *Суперэго*, *Эго* оказывается в сложной ситуации, так как две других части находятся на противоположных полюсах, противоречат друг другу. Возникает новый конфликт. Согласно теории Фрейда, конфликт между этими тремя силами происходит внутри человека, причем решающее значение для него имеют детские переживания и все это находится за пределами человеческого сознания. Для погашения внутренних конфликтов, личность «изобретает» психологическую защиту.

Психодинамические теории З. Фрейда, Э. Эриксона, Г. Меррея, Р. Лэнга ведущую роль отводят инстинктивному биологическому источнику развития, где социальное либо травмирует, либо задает объективную модель воспитания и развития, либо создает условия для несвободы субъекта и его отчуждения от общества.

Теории А. Адлера и Э. Фромма акцентируют процесс развития на социокультурные влияния. А. Адлер соотносит развитие с понятием «жизненный стиль», который особенно ярко проявляется и формируется при столкновении с новой сложной ситуацией, где вступают в действие скрытые в обычной, комфортной ситуации неосознаваемые внутренние нормы поведения. В связи с этим ученик Адлера Ф. Кюнкель указал на возможность типологизации жизненного стиля по характеру основных отношений субъекта к себе и окружающим. По Адлеру – социальный интерес врожден так же, как стремление к превосходству и власти. Но это – не лидерство или высокое положение в обществе. Это – могущественный динамический принцип развития, под которым Адлер подразумевал нечто сходное с «самостью» Юнга и «принципом самоактуализации» К. Гольдштейна. С рождения до смерти стремление к превосходству ведет человека на все более высокие стадии развития. «Все душевные феномены в целом определяются стремлением к превосходству, но все несут в себе индивидуальные нюансы этого стремления и того общественного чувства, которое соединяет данного индивида с другими. Последнее, данное человеку от рождения, должно постоянно развиваться в раннем детстве, иначе индивид будет испытывать затруднения в приспособлении к обществу [6]. (Адлер, 1993 с. 136)

Индивидуальная психология А. Адлера дополнила психоанализ положением, что подлинной движущей силой развития личности является генерализованное чувство неполноценности и, стало визитной карточкой теории Альфреда Адлера. Первоначально Адлер относил это чувство неполноценности к телесным недостаткам. Ребенок с наследственными органическими недостатками попытается их компенсировать за счет более интенсивного развития дефектной функции. Позднее Адлер расширил понятие неполноценности, включив в него все виды физических, душевных или социальных недостатков – реальных или мнимых. Он также полагал, что слабость и беспомощность ребенка, его зависимость от окружающей обстановки ведет к появлению чувства неполноценности, столь знакомого каждому человеку. Ребенок осознает свою неполноценность и необходимость преодолеть недостаток, но при этом им движет врожденное стремление к превосходству. В итоге такой процесс движет индивида по направлению к все большему совершенству и реализации.

Наиболее интересными с позиции нашего исследования являются положения индивидуальной психологии А. Адлера о *стиле жизни* и *творческой силе Я*. Стиль жизни обычно формируется уже к 4–5 годам и в дальнейшем с трудом поддается каким-либо изменениям. Он задает рамки для восприятия и упорядочивания всего доступного жизненного опыта.

По мнению Адлера, постоянство личности человека на протяжении жизни объясняется именно *стилем жизни*, которым определяются пути и способы, используемые человеком для решения жизненных проблем. Знаменательно, что он говорит о *трех фундаментальных проблемах, с которыми сталкивается человек в своей жизни – это работа, дружба и любовь*. Эти задачи всегда взаимосвязаны и решение их зависит от индивидуального стиля жизни. «Решение одной помогает приблизиться к решению других; и действительно, мы можем сказать, что они представляют собой разные аспекты одной и той же ситуации и одной и той же проблемы – необходимости для живых существ сохранять жизнь и продолжать жить в том окружении, которое у них есть» [261] (цит. Л. Хьелл и Д. Зиглер, 1997).

Адлер предложил условную типизацию, хотя соглашался с тем, что сложно такое сугубо индивидуальное понятие как стиль жизни привести к определенным типам. Тем не менее, на основе двухмерной системы, где одно измерение представлено социальным интересом, а другое – степенью активности индивида, он выдел четыре типа установок:

- управляющий тип – напористый, активный, но с невысоким социальным интересом;
- берущий тип – «паразитирующий» на других и низкой степенью активности;
- избегающий тип – отсутствуют и активность, и социальный интерес;
- социально-полезный – наиболее зрелый тип с высокой степенью социального интереса и уровнем активности.

Концепция творческой силы Я составляет основную идею его теории. Адлер высказал предположение, что человек может сам формировать свою личность в соответствии с собственным уникальным стилем жизни. Эта творческая сила составляет активный принцип человеческого существования. Адлер считал, что, скорее, индивид сам определяет свою судьбу, нежели оказывается объектом воздействия детского опыта. В этом смысле стиль жизни формируется под влиянием творческих способностей личности, которые связаны с социальным интересом и степенью активности человека. Творческая сила определяет способы достижения цели и формирует саму эту цель. *Творческая сила*, по мнению А.Адлера – качество истинно человеческое, оно *развивается в раннем детстве и влияет на его индивидуальный жизненный путь, на его мировосприятие*.

Для Э. Фромма объективность означает не научную абстрактность и отстраненность, а заинтересованность, уважение и способность субъекта видеть объект таким, каков он в действительности и реально осознавать себя, как субъекта. Доминирующий фактор развития личности определяется главной формулой его теории – «иметь или быть». *Всестороннее самопознание и развитие человека и его близких определяется как высшая цель жизни*. «Чувство безопасности, чувство идентичности и уверенности в себе, основанные на вере в то, что он существует, что он есть, на внутренней потребности человека в привязанности, любви, единении с миром, пришедшей на смену желанию иметь, обладать, властвовать над миром и таким образом стать рабом своей собственности [251, 252] (Э. Фромм, 1990 С. 176). Рассмотренные выше теории

передают ступенчатый характер развития, присущий эпигенезу, по принципу «лестницы существ» Аристотеля.

Выделяется в этом ряду аналитическая психология К. Юнга, который не делил развитие в онтогенезе на четко обозначенные периоды, но обращался к роли объективного и субъективного, сознательного и бессознательного. В своей статье «Стадии жизни» он сравнивал человеческую жизнь с Солнцем, где круг жизни делится на четыре части. Первая четверть – детство, когда ребенок не осознает собственных проблем. «У маленького ребенка еще не разгорелся «спор факультетов» и его художественные, научные и религиозные возможности еще дремлют в спокойной рядоположенности, так же, как у первобытных людей элементы искусства, науки и религии еще сосуществуют в нераздельном хаосе магической ментальное» [274, 275](Юнг К., 1997, С. 95). Вторая и третья четверти наполнены осознаваемыми проблемами. В глубокой старости человек становится в некоторой степени проблемой для других. В этом символе Солнца заключена для Юнга завершенность, целостность, цикличность развития. Это соответствует главному положению юнгианской психологии – человек имеет тенденцию к развитию в направлении стабильного единства. *Развитие* для Юнга – это раскрытие изначальной врожденной недифференцированной целостности. Объективно заданная архетипами бессознательного эта целостность идет по пути все большей дифференциации и индивидуации к ментальному центру. Главный символ его аналитической теории – «мандала». Он выражает основную цель развития личности – самореализацию. Его концепция развития, своего рода, точка отсчета субъектной парадигмы в психологической науке.

Главные отличия аналитической психологии К.Г. Юнга от психоанализа З. Фрейда касаются вопроса о природе либидо. Если Фрейд характеризует либидо преимущественно в терминах сексуальной сферы, то для Юнга это жизненная энергия вообще, в которой сексуальная сторона присутствует только как один из компонентов.

Для Юнга человек определяется не только прошлым, но в равной мере и своими целями, ожиданиями и надеждами на будущее. По его мнению, формирование личности вовсе не завершается в детстве. Человек может меняться на протяжении всей своей жизни.

Юнг добавил еще одно измерение в понимание бессознательного: врожденный опыт человечества как вида, унаследованный им от своих животных предков (*коллективное бессознательное*). Юнг выделял два уровня бессознательного: индивидуальное бессознательное, состоящее из всех воспоминаний, импульсов и желаний, нечетких восприятий и другого личного опыта, подвергнутого вытеснению или просто забытого и более глубокий уровень – *коллективное бессознательное*, неизвестное индивиду и содержащее в себе аккумулированный опыт прошлых поколений, включая и животных предков. Коллективное бессознательное содержит в себе универсальный эволюционный опыт и составляет основу личности человека. Важно отметить, что опыт, находящийся в коллективном бессознательном, является действительно бессознательным. Человек не может осознать его, каким-либо образом вспомнить, как это возможно

с содержанием индивидуального бессознательного.

Наиболее важным архетипом Юнг считал самость. Сочетая и гармонизируя все аспекты бессознательного, самость создает единство и стабильность личности. Таким образом, *задача самости – интеграция различных подсистем личности в процесс развития.*

По его убеждению, самоактуализации можно достичь лишь в среднем возрасте, а потому этот возраст (между 35 и 40 годами) Юнг рассматривал как критический период для личностного развития – рубеж, на котором личность претерпевает глубокие и благотворные преобразования.

Эпигенетическая теория Э. Эриксона рассматривает развитие личности на протяжении всей жизни человека, от рождения до самой смерти. При этом *центральной проблемой развития выступает поиск собственной идентичности (107, 108).* Э. Эриксон не был непосредственным учеником З.Фрейда, однако он продолжил его теорию, сохранив в ней больше идей первоисточника, нежели другие представители психоанализа.

По Эриксону, человек на протяжении своей жизни проходит восемь *психосоциальных* стадий, каждая из которых включает в себя конфликт или кризис, требующий разрешения. Подобные кризисы неизбежны, нормативны.

Каждая такая стадия включает в себя кризис, с которым человек сталкивается в своем развитии. Определяют развитие социальные и физические условия среды, создают ситуации нового вызова общества. Человек может выбирать между двумя основными путями разрешения кризиса: адаптивным или неадаптивным. И только когда кризис завершается, человек приобретает адаптивное или неадаптивное качество и готов к преодолению нового кризиса. Человек способен преодолеть или скорректировать негативные последствия детских конфликтов. Всегда сохраняется возможность достижения главной цели человеческой личности – установления позитивной идентичности эго.

Кризис идентичности эго, По Э. Эриксону должен быть решен в юности. (примерно 12–18 лет). Именно в этот период должна происходить консолидация личности, когда человек формирует и оптимизирует образ собственного Я. Именно эти процессы позволяют сохранять преемственность с прошлым опытом и определять цели на будущее. По Эриксону, принятие идентичности – процесс сложный и необходимый на этой стадии развития. Те, кто по тем или иным причинам потерпел неудачу в обретении чувства идентичности, по мнению Эриксона, неминуемо должны столкнуться с кризисом идентичности.

Концепция идентичности эго Эриксона стала предметом довольно многочисленных экспериментальных исследований (104). В целом эти исследования подтвердили, что те юноши, которые сумели обрести достаточно сильное и позитивное чувство идентичности, лучше и более адаптивным образом справляются с кризисами ранних стадий развития. Те же, кто обладает более слабой идентичностью эго, в целом справляются со своими кризисами менее адаптивным образом. Эти исследования подтверждают основные положения концепции Эриксона. В то же время есть данные, говорящие о том, что кризис идентичности может иметь место и в более позднем возрасте, нежели юность. По

мнению одного из его последователей, кризис идентичности происходит в поздней юности, а более 30 процентов испытуемых продолжают поиски идентичности вплоть до 24 лет (Archer). Другие данные свидетельствуют о том, что те подростки, которые после окончания школы начинают самостоятельную трудовую жизнь, раньше, чем их сверстники-студенты, обретают идентичность эго, а учеба в колледже может на некоторое время замедлить процесс формирования идентичности эго. В работах Эриксона есть указание на то, что формирование идентичности продолжается всю жизнь.

Персоналистический подход к пониманию человека упор делает на значение, которое имеет для человека высшее «Я», на личность, ставящую перед собой цели, взвешивающую и выбирающую, находящую и устанавливающую ценности и нормы. После второй мировой войны возникла *гуманистическая психология*, занимающаяся описанием и исследованием человеческой личности, ее проявлениями и ее развитием, включая возможность достичь психического здоровья, активного душевного покоя, способности к творчеству и мудрости. Теории гуманистического направления (А. Маслоу, Ш. Бюллер, К. Роджерс) *трактуют идею развития с точки зрения реализации внутренней сущности личности, учитывая при этом удовлетворение потребностей, адаптивное самоограничение, творческую экспансию и внутреннюю гармонию.*

По К. Роджерсу, главным мотивом деятельности человека является *стремление к самоактуализации*. Хотя это стремление носит врожденный характер, его развитию могут способствовать (или, напротив, препятствовать) детские переживания и научение. Роджерс подчеркивал значение взаимоотношений мать–дитя, поскольку это существенным образом влияет на рост самосознания ребенка. Первым и непременным условием здорового развития личности является безусловное позитивное внимание к ребенку. Мать должна проявлять свою любовь к ребенку и полное его принятие вне зависимости от того или иного его поведения, особенно в раннем детском возрасте. Только в этом случае личность ребенка развивается полноценно, а не ставится в зависимость от тех или иных внешних условий. Таков единственный путь, позволяющий человеку в итоге достичь самоактуализации.

Самоактуализация представляет собой наивысший уровень психического здоровья личности. Концепция К. Роджерса в значительной мере похожа на понятие самоактуализации у Маслоу. Различия между этими двумя авторами касаются разного понимания психического здоровья личности. Для Роджерса психически здоровая или актуализировавшая свое развитие личность характеризуется следующими чертами: открытость по отношению к опыту любого типа; намерение жить полной жизнью в любой момент жизни; способность прислушиваться больше к собственным инстинктам и интуиции, чем к рассудку и мнениям окружающих; чувство свободы в мыслях и поступках; высокий уровень творчества.

В теориях саморазвития развитие индивидуума тоже предполагает становление личной идентичности, реализацию «Я-концепции» личности в жизненных отношениях и профессиональной деятельности (У. Джемс, Т. Шибутани, Р. Бернс, И.С. Кон, Е.Т. Соколова, М.Ф. Секач, А.В. Иващенко, В.С. Агапов и др.).

Представителей экзистенциальной психологии (Бинсвангер, Босс, Франкл, Лэнг, Купер, Мэй, Бугенталь) объединяет то, что *основой развития считается обретение смысла жизни, где личностное развитие является процессом становления, самотрансцендирования*. Экзистенциальный анализ строится на реконструкции внутреннего мира и субъективного опыта человека. Существование не статично, это процесс становления нового, процесс самотрансцендирования. Структура мира индивида раскрывается через его жизненную историю.

В. Франкл выдвигает в качестве главной движущей силы развития личности *«волю к смыслу»*. Основной тезис учения В. Франкла о свободе воли гласит, что человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода ограничена объективными обстоятельствами. Свобода – это не то, что он имеет, а то, что он есть. «Человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя – всегда формирование себя» [247](Франкл В. 1990, с.114). Он выделяет поэтическое измерение, в котором локализованы смыслы. Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем развития личности.

В концепции Л. Бинсвангера главное понятие – *миро-проект*, который определяет, как будет действовать человек в определенной ситуации и какие при этом обнаруживать характерные черты. Границы проекта могут быть узкими и сжатыми или широкими и экспансивными. По мнению Бинсвангера, миро-проект – ориентир для любого действия личности. Он указывает на *способность психически здорового человека изменяться, расти вместе с жизненным опытом, переживать крах одного своего проекта, чтобы перейти к другому*. Гессе процесс развития представляет через полярность и двойственность, которая живет в любом человеке и делает его жизненный путь извилистым, с чередой взлетов и падений, ощущением самоценности, полноты жизни, с одной стороны, и пустоты и никчемности – с другой, человек состоит не из двух натур, а из сотен, из тысяч. Его жизнь (как жизнь каждого человека) вершится не между двумя только полюсами, такими как инстинкт и дух или святой и падший, она вершится между несчетными тысячами полярных противоположностей. Вечная смена идеалов, сознание их относительности, легкий переход от одного к другому, отсутствие какой-либо окончательной цели – эти черты существования, как принцип развития, принятый экзистенциальным направлением, соответствуют принципу нелинейности развития.

Культурно-исторический подход в психологии развития трактовал особенности онтогенеза с позиций диалектики, и, являясь продуктом своего времени, соответствовал революционным взглядам на процессы социального развития вообще. Однако потенциал концепции Л.С. Выготского оказался настолько высок, что в положениях его теории о детском развитии до сих пор находят источники научного вдохновения многие современные исследователи онтогенеза.

Л.С. Выготский и многие его последователи (Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, М.И. Лисина и др.) отождествляли процессы развития с ростом, т.е. исследовали стадии и кризисы развития в детских возрастах, там, где происходит прогресс физических и психических функций. В последнее время внесен существенный вклад в понимание содержания важнейших понятий культурно-исторической теории, таких как возрастной кризис (К.Н. Поливанова), социальная ситуация развития (О.А. Карабанова), новообразования (Л.И. Бершедова), что значительно обогащает и структурирует феноменологию онтогенеза.

Д.И. Фельдштейн, говоря об учении Д.Б. Эльконина, обобщил основные положения о возрастном развитии в культурно-исторической парадигме, трактуя его как: «общее изменение личности, формирование нового плана отражения действительности, изменение в деятельности и жизненной позиции, установление особых взаимоотношений с окружающими, формирование новых мотивов поведения и ценностных установок». Понятие возраста, возрастных границ и возрастных особенностей в культурно-исторической концепции развития имеет не абсолютное, а относительное значение, что подтверждается, например, тем, что в настоящее время пересматриваются традиционно сложившиеся представления о возрастных возможностях детей. Тем не менее, психологические особенности возраста существуют как наиболее типичные, характерные, указывающие на общее направление развития. Диалектические представления о процессе развития, в той интерпретации, которую им дал в свое время Л. С. Выготский, описывают этот процесс как внутренне детерминированный (то есть детерминированный не случайным набором внешних обстоятельств, а внутренними противоречиями; только через призму этой внутренней логики преломляются любые внешние влияния, только на ее «языке» они говорят), целенаправленный (способный суммировать, накапливать изменения), развивающийся процесс, где «плавные», эволюционные периоды сменяются «скачками», «перерывами постепенности» [242. 243].

В отечественной психологии деление онтогенеза на отдельные возрасты и выделение критических, «переходных возрастов» впервые предложил П.П. Блонский. Он ввел понятие «критический период», которое было связано с феноменом трудновоспитуемости и утвердилось за возрастом полового созревания, П.П. Блонский отметил неустойчивость нервной системы, немотивированное и неуравновешенное поведение детей в критические периоды. П.П. Блонский же с понятием критического периода связал прерывистость развития, определив кризис как скачок в развитии.

Анализ Блонского базируется в основном на обобщении многочисленных эмпирических данных [36][Блонский П.П., 1997.]. Вслед за П.П. Блонским кризисные периоды в общую схему детского развития включил Л.С. Выготский.

К.Н. Поливанова, оставаясь в рамках культурно-исторического подхода к исследованию возрастного развития, выводит понимание кризиса как конфликтного соотношения реальной и идеальной форм в развитии. Под реальной формой понимается актуальная социальная ситуация развития. Идеальная форма – представление о возможном будущем, которое оказывается привлекательным,

притягивающим. Открывая неполноту реальной формы, ребенок сразу пытается реализовать наиболее общие представления об идеальной форме, которые, как правило, являются идеализированными и наивными. Кроме того, появляются различные преграды на пути к реализации идеальной формы как внешнего (ригидность систем воспитания), так и внутреннего (недостаточность способностей) характера. Вследствие этого возникает рефлексия способностей как интериоризация конфликта между желаемым и реальным и появляется мотивация преодоления кризиса, – то есть создаются условия для преодоления кризиса [191][Поливанова, 2000].

А.Н. Леонтьев, исходя из идей Л.С. Выготского и развивая теорию деятельности, предположил, что деление онтогенеза на периоды необходимо проводить по критерию деятельности и смены типов деятельности и для каждого периода определил ведущий тип деятельности, – в рамках которой наиболее интенсивно происходит психическое развитие и зарождаются другие формы деятельности [142][Леонтьев А.Н., 1983].

Д.Б. Эльконин вслед за Леонтьевым признавал роль ведущей деятельности в смене одной стадии развития к другой и, предлагал три критерия периодизации: 1) *социальная ситуация развития*; 2) *ведущая деятельность*; 3) *личностные новообразования*. Кроме того, Д.Б. Эльконин выдвинул гипотезу чередования кризисов психического развития в детском возрасте, согласно которой, периоды развития мотивационно-потребностной сферы сменяют периоды освоения общественно выработанных способов действия с предметами [271][Эльконин Д.Б., 1971].

В концепции ведущей деятельности субъекта, которая была ведущей в отечественной психологии многие годы (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин), процесс развития рассматривался как процесс самодвижения субъекта благодаря его деятельности. Индивидуальный стиль деятельности Е.А. Климов характеризовал, как индивидуально – своеобразную систему «психических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» [115, С. 49](Климов Е.А., 1996, С.49).

Еще одна группа теорий связана с *ведущей ролью субъекта в развитии*. (Б.Г. Ананьев; С.Л. Рубинштейн; А.В. Брушлинский). Собственная активность человека, способность выстраивать самому линию своей жизни возводится в принцип развития, по мере взросления которого, все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и, соответственно, большой удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют внешние причины, влияния и т.д.

В.С. Мухина предлагает модель онтогенетического развития как развитие возрастных форм *самосознания*. Взятые в качестве критерия выделения возрастных этапов, формы самосознания определяются автором как ценностные ориентации, образующие систему личностных смыслов, которые составляют

индивидуальное бытие личности [171](Мухина В.С.1995).

Среди современных концепций развития интересными представляются подходы к изучению *смыслообразования и субъективности* в индивидуально – психологическом развитии личности. Так М. Лобок, анализируя проблему смыслопорождения в онтогенезе, обращается к мифу. Именно миф расставляет перед человеком систему своеобразных «указателей»: что должно являться более ценным, а что – менее, что должно являться более значимым, что – второстепенно и третьестепенно по своей значимости. Процесс развития рассматривается через мифологические механизмы субъективности. Именно миф – иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя – создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение. Концепция субъективной реальности В.И. Слободчикова строится на развитии механизмов рефлексии в диапазоне целостного онтогенеза. Автор проводит *параллель между развитием личности и культуры*. «В ходе человеческой истории происходит изменение ее смысловых ориентиров, эпоха за эпохой человечество сочиняет смысловые предположения. В жизни отдельного человека его смысловое поле не остается неизменным. Можно говорить об определенной мифологической динамике личности как одного из самых ярких критериев личностного развития вообще. Реальным инструментом, позволяющим преодолеть тот или иной миф и выйти в пространство новых смысловых ориентиров, является рефлексивное размышление, позволяющее взглянуть на мир собственных смыслонесущих ценностей, на мир собственного мифа глазами стороннего наблюдателя» [211, 212, 213, 214] (Слободчиков В.И., 1994, С. 642).

К особой реальности бытия человеческой субъективности причисляется духовность (В.И. Слободчиков) и находит свое высшее выражение в рефлексии. Способность человека придти через рефлексию к самоотношению, самооценке, самопринятию Д.А. Леонтьев называет смыслом, пятой гранью личности. А.И. Зеличенко рассматривает такие формы развития как: самоопределение и нравственный поиск. Самоопределение – это принятие решения, выбор между возможными ролями. Внимание концентрируется на формировании мировоззрения, направленности и ценностей, самопознании, «Я-концепции» и представлении о своих способностях и стремлениях. Центральным вопросом психологии развития А.И. Зеличенко называет вопрос о побудительных силах развития, о том, что направляет жизнедеятельность человека, который идет через развитие духовности к Богу.

С духовным ростом личности связывает развития В.П. Зинченко. «Границы между человеком и миром становятся безусловными на личностном уровне развития человека, когда он самоопределяет себя и свое отношение к миру, доопределяет мир собой, своей деятельностью, познанием, сознанием, совестью или противостоит ему. Лишь на личностном уровне возможна высшая форма рефлексии относительно дихотомии Я и Мир» [105, 106, 107] (Зинченко В.П., 1994).

В отдельном ряду в психологии развития стоят работы по исследованию

психологического возраста (А.А. Кроник, Е.И. Головаха, Л.А. Рудкевич, Е.Ф. Рыбалко и др.) и *жизненного пути* (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логинова и др.). Еще Б.Г. Ананьев выделял целостные качества жизненного пути, зависящего от устойчивых свойств субъекта индивидуальной истории и от меры талантливости жизненного пути. Он понимал жизненный путь как историю формирования и развития личности в определенном обществе. «Положение о том, что развитие – основной способ существования личности на всех этапах ее индивидуального пути выдвигает перед психологией в качестве одной из наиболее актуальных и наименее исследованных задачу психологического исследования целостного жизненного пути личности» [10, с. 38] (Ананьев Б.Г., 1980, с. 38). Н.А. Логинова выделяет два аспекта в изучении жизненного пути, связанные с двумя главными направлениями биографических исследований в психологии – возрастными особенностями и своеобразие психологического развития конкретной, единичной личности, специфика развития которой состоит в ее исторической природе, понимаемой как включенность индивидуальной жизни в исторический процесс общества. Эти представления близки позиции Л.С. Выготского о конкретно-исторической природе возрастного развития.

И.С. Кон предлагает рассматривать жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования, а развитие человека в проекции трех автономных систем отсчета. Первая система – индивидуальное развитие, включающее термины «онтогенез», «течение жизни», «жизненный путь», «жизненный цикл», «биография». Составляющие развития – «стадии развития», «возрасты жизни». По его мнению, возраст и его измерения многомерны и определяются биологическим, социальным и психологическим возрастом. Вторая система отсчета – социально-возрастные процессы и социально-возрастная структура общества, описываемая в терминах «возрастная стратификация», «возрастные слои», «возрастные группы», «поколение» и т.д. Третья группа отсчета – возрастной символизм, отражение возрастных процессов в культуре – «возрастные обряды», «возрастные стереотипы» [122, с. 65]. (Кон И.С., 1989, С. 65).

В исследованиях проблемы психологического возраста (А.А. Кроник, Е.И. Головаха, Л.А. Рудкевич, Е.Ф. Рыбалко) рассматриваются в качестве детерминирующих развитие индивидуальные особенности и возрастная динамика самореализации личности. Данные показывают, например, что люди с активной жизненной позицией характеризуются высокой сохранностью продуктивности даже в позднем онтогенезе.

Концепция К.А. Абульхановой-Славской предлагает рассматривать жизненный путь личности как стратегию жизни, имеющую три основных признака: выбор человеком основного направления, способа жизни и определение ее основных задач; решение противоречий жизни, достижение своих планов и задач; созидание ценности своей жизни. Принцип «раздвоения» – объективного и субъективного, отраженного и переживаемого лег в основу ее классификации личностной регуляции времени. С одной стороны – организация времени, как

способность включаться в события социальной жизни, улавливать их сущность и логику. С другой стороны – самоорганизация человека во времени субъективного пространства. В связи с этим, К.А. Абульханова-Славская выделяет три аспекта времени жизни, – развитие, способности организации жизни во времени и активность и четыре типа регуляции времени по характеру регуляции времени жизни или ее отсутствию и активности: пассивно-ситуативный, активно-ситуативный, активно-ситуативный, пассивно-продолжаемый и активно-продолжаемый по характеру регуляции времени жизни или ее отсутствию и активности. Данная типология, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, позволяет понять, что только один последний тип обладает способностью к целостной, продолженной регуляции и организации времени жизни, является в подлинном смысле субъектом своей жизни. Личность – это развивающийся, качественно изменяющийся и становящийся во времени объект. Личности присуще специфическое движение во времени, как субъекту жизни. Введенное ей понятие «психологическая перспектива» соотносима со способностью предвидеть свое будущее и личностную перспективу, выстраивать свою «стратегию жизни». «Для каждой личности (в соответствии с ее индивидуальностью) характерен свой, неповторимый, уникальный способ жизни, способ ее структурирования организации, с одной стороны, и способ ее оценивания, осмысления – с другой» [4, с. 245] (Абульханова-Славская К.А., 1991, С. 245).

Рассмотрев многообразие подходов к пониманию онтогенетического развития в психологии можно сделать некоторые выводы.

Роль ранних теоретических теорий развития заключается в том, что их основоположники предприняли попытки научно обосновать процессы изменений, происходящие в психике человека в связи с его возрастом, ввели понятие возрастной нормы, уникальным образом отнесли к пониманию природы возрастных изменений, предложили научные методы познания, которые впоследствии, развиваясь, приобретали все большую точность, надежность, и универсальность. Но самое главное, на наш взгляд, акцентировали внимание на преемственности развития, определяя влияние источников развития, роль движущих сил, направляющих развитие, тем самым, подтвердив неразрывность и неслучайность процессов развития.

Для современного состояния научного знания в области психологии развития характерно, что современные научные школы, оставив ортодоксальные взгляды основателей на суд истории, ассимилируют накопленные в науке знания, в том числе, заимствуя факты и подходы из других парадигм. Современные представления о развитии в силу этого не исключают, а взаимодополняют друг друга. Это приводит к тому, что вопросы и проблемы, которые ранее не подлежали объяснительным принципам той или иной теории или просто игнорировались ее носителями, теперь обращают на себя внимание исследователей. Все это существенно расширяет возможности теоретического знания относительно процессов развития.

Большинство современных теорий, объясняющих развитие, определяет его в зависимости от взгляда на источники и цели развития. Подходы к пониманию

источников, условий, типов, направления развития весьма разнообразны, тем не менее, внимание к таким реалиям как непрерывность и преемственность онтогенеза, возрастные закономерности, роль субъекта и среды, роль культуры в особенностях развития на протяжении всей жизни человека позволяет констатировать, что изучение онтогенеза в настоящее время более продуктивно и многогранно.

Вместе с тем, многообразие взглядов свидетельствует о недостаточном понимании процессов развития и отсутствии единого методологического подхода к исследованию онтогенеза вообще и, столь важного для понимания закономерностей развития личности, периода онтогенеза – взрослости.

Наиболее перспективными, на наш взгляд, являются подходы, интегрирующие представления о роли культуры, особенностей формирования субъективных смыслов и жизненных целей развивающейся личности, представлений о собственном жизненном пути, месте рефлексии в процессах развития, саморазвитии и творческой силы развития. Диалектическое понимание психического развития как чередования процессов перехода, рефлексии и собственно развития, связанное с признанием непрерывности онтогенетического изменения, чередованием стабильных и критических периодов, по-прежнему актуально и может быть, с учетом современных подходов, положено в основу концепции развития личности в периоды взрослости.

Итак, исходными для исследования нормативных кризисов взрослости должны стать представления: о непрерывности психического развития на протяжении всего онтогенеза; о стадиальности развития, т. е. членении онтогенеза на отдельные этапы (возрастные стадии); о существовании общевозрастных закономерностей развития во взрослых возрастах.

Глава 2. НОРМАТИВНОСТЬ И КРИЗИСЫ РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

2.1. Анализ концептуальных подходов к периодизации взрослого периода онтогенеза. Критические и переходные периоды

Диалектический принцип предполагает последовательное прохождение качественно различных стадий развития не только в детстве, но и на протяжении всего жизненного пути человека, включая взрослость и до глубокой старости. Выделение качественно своеобразных этапов на всем пути развития предполагает наличие обязательных переходных периодов, несущих революционные изменения, разделяющих и объединяющих стабильные этапы. Отсюда следует, что: во-первых, необходимо обосновать возрастную периодизацию развития после детства, охватывающую весь взрослый период онтогенеза; во-вторых, определить возрастные границы каждого периода и в-третьих, обосновать роль и содержание переходных периодов как нормативного явления в онтогенезе.

Современное состояние проблемы исследования онтогенеза характеризуется многочисленными эмпирическими и разнообразными теоретическими данными, подтверждающими существование общевозрастных закономерностей развития в

периоды взрослости. Следует отметить, при этом, что не существует единой теоретической и методологической базы для определения и объяснения этих закономерностей. Для того, чтобы осуществить периодизацию взрослости, необходимо обратиться к существующим периодизациям с тем, чтобы определить возрастные границы стадий. В связи с этим необходимо рассмотреть понятие возраста, исследовать современные подходы к пониманию кризиса с тем, чтобы выделить кризис как нормативный, переходный период в онтогенезе и исследовать общие и особенные для разных типов кризисов признаки и варианты их проживания.

Проблема периодизации взрослости имеет несколько составляющих: существует неоднозначность понимания процессов развития по окончании детства – непрерывно или стадийно оно осуществляется, плавные переходы или революционные изменения происходят между стадиями, каково соотношение индивидуального и общевозрастного в развитии взрослого человека. Большинство авторов отмечает, что во взрослом периоде развития по сравнению с детством усиливается гетерохронность развития всех психических функций человека. Значительную роль в качестве источника развития личности взрослого человека исследователи отводят индивидуально-личностным, субъектным особенностям. Вопросы возраста остаются актуальными и не однозначными в психологии развития.

Возраст – многомерное понятие, включающее различные ипостаси: биологический возраст; социальный возраст; психологический возраст [44, 78, 123, 133][Кон И.С., 1988; Бочаров В.В., 2000; Кроник А.А., Головаха Е.И., 1984; Стамбулова Н.Б., 1999]. Биологический возраст определяется состоянием и функционированием организма, социальный возраст связан с уровнем социального развития индивида, психологический возраст в зависимости от концептуальных подходов описывается через интеллектуальный возраст, степень нравственной зрелости, психосексуальный возраст, субъективно переживаемый психологический возраст, зависящий от опыта и самореализации. Мы полагаем необходимым и возможным учесть эти линии возрастного развития, их соотношение в разные периоды жизни, выделив в качестве основания для периодизации взрослости содержательные критерии возрастного развития.

Остановимся на некоторых подходах к решению вопроса о содержании возраста и его детерминантах в период развития личности после детства. Так, безусловный интерес представляет периодизация зрелости на основе определения микровозрастных интервалов психофизиологического и интеллектуального развития взрослых, предложенная Е.И. Степановой, обобщившей многочисленные эмпирические исследования представителей психологической школы Б.Г. Ананьева.

Возрастные периоды развития психических функций [Степанова Е.И., 2000]

Периоды	Возраст, годы		
	Ранняя зрелость	Средняя зрелость	
		первый период	второй период
Макропериоды	18–25	26–35	36–46
Микропериоды	18–21; 22–25	26–29; 30–33; 34–35	36–40; 41–46

В этой периодизации макро- и микропериоды разделены между собой фазами значительного снижения функций. Б.Г. Ананьев отмечал, что в критические моменты развития, предшествующие оптимумам, происходит значительное снижение в развитии функций. Эти моменты, следовательно, можно рассматривать как своего рода «скрытым периодом перестройки функций, подготавливающим ее подъем» [13, С. 313][Ананьев Б.Г., 2001, С. 313]. Исходя из этого, критическими, скрытыми периодами в развитии психических функций взрослого являются возрастные периоды: 25–26 лет и 35–36 лет. Возрастные макропериоды отличаются различными темпами развития психических функций и интеллекта, понимаемого как результат межфункциональных связей. Показателем темпа развития служит смена подъемов и спадов в уровне развития каждой функции. Первый макропериод характеризуется более частой сменой подъемов и спадов в уровне каждой функции. Во втором и третьем макропериодах наблюдается умеренные изменения с более растянутыми интервалами в смене подъемов и спадов в уровне развития функций. Кроме того, границы между периодами развития определяются и по структуре межфункциональных и внутрифункциональных связей. Выявлено, например, что во всех периодах развития одни показатели развития доминируют, а другие на время исчезают. В средней зрелости значительно увеличивается интегрированность структур и происходит перегруппировка центральных признаков [235][Степанова Е.И., 2000].

В.А. Ганзен и Л.А. Головей [70, 79][Ганзен В.А., Головей Л.А., 2001], предлагают системное описание онтогенеза человека как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности. Они проводят анализ понятий «стадия», «период», «фаза» и приходят к выводу, что эти понятия нельзя употреблять как рядоположенные. Понятие стадии следует употреблять, когда речь идет не просто об изменении уровня психической функции, «а о разрыве непрерывности, как в количественном, так и в качественном плане. Причем эти изменения захватывают несколько или даже все уровни развития человека как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности» [70, 79] [Ганзен В.А., Головей Л.А., 2001, С. 84.]. «Периоды существуют внутри стадий, а переход от одного периода к другому сопровождается в основном количественными

изменениями, захватывающими несколько уровней, однако в ряде случаев имеется и качественная динамика характеристик. ...фаза сопровождается только количественной динамикой характеристик; изменения охватывают не все уровни, носят локальный характер» [70, 79] [Ганзен В.А., Головей Л.А., 2001, С. 85.]. В.А. Ганзен и Л.А. Головей приводят сетку временных и уровневых отношений онтогенеза, где выделяется семь уровней: генетический, морфологический, физиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический и социальный. Постнатальный период онтогенеза авторы делят на три стадии. Граница между первой и второй стадиями определяется как 19–21 год, так как завершается главная фаза биологического развития, здесь отмечаются пики всех видов чувствительности, а также психофизиологических, психических и интеллектуальных функций, завершается формирование высших эмоций и самосознания. Значительные изменения происходят и в социальном плане, имеется в виду уход из родительского дома, появление собственной семьи, освоение профессиональных ролей, – т. е. изменения затрагивают все уровни и носят как качественный, так и количественный характер. Граница между второй и третьей стадиями онтогенеза проходит в возрасте 55–65 лет и также затрагивает все выделяемые уровни. Во второй стадии выделяются два периода с границей в 32–35 лет, а внутри периодов второй стадии отмечается наличие отдельных фаз. Внутри первого периода этой стадии происходят сдвиги на морфологическом уровне: с 27 лет – появление седых волос и начало облитерации черепных швов; на социальном уровне, начиная с 25 лет, имеет место консолидация социальных и профессиональных ролей, таким образом, возраст 25–27 лет является границей фаз внутри первого периода второй стадии. Внутри второго периода границей фаз является возраст 40 лет. Сдвиги, в этом возрасте происходят: а) на морфологическом уровне – стирание и выпадение зубов, значительная облитерация черепных швов; б) на физиологическом уровне – менопауза, снижение мышечной силы, жизненных специальных и социальных ролей, ослабление внутрисемейных связей [70, 79] [Ганзен В.А., Головей Л.А., 2001]. Заметим, что границы между стадиями, периодами и фазами, определяемые как потеря непрерывности, качественный или количественный скачок соответствует определению кризиса развития. Исходя из приведенного системного описания онтогенеза, авторами выделяются следующие кризисные этапы в развитии взрослого – это 19–21 год (переход к взрослости) и 55–65 лет (переход к позднему возрасту) – это наиболее значимые кризисы, затрагивающие все структурные уровни. В 32–35 лет выделяется критический момент, обусловленный сменой периодов развития, а 25–27 лет и 40 лет – критические периоды, обусловленные изменениями на нескольких уровнях.

Обращение к положениям культурно-исторической концепции для объяснения закономерностей развития взрослого периода, не смотря на уверенность ее основателей, что закономерности детского и взрослого развития совершенно различны, подчеркивает ее богатый потенциал.

В.Ф. Моргун и Н.Ю. Ткачева полагают, что не существует разрыва в развитии между детством и взрослостью. Пересмотр оснований для периодизации,

принятый в культурно-исторической парадигме осуществлен ими для взрослого периода с учетом того, что у взрослого человека чередования и протяженность стабильных и критических возрастов подвержены смещениям и могут внешне не проявляться. Это не означает, однако, что эти чередования не поддаются закономерному описанию. Перераспределяя значимость критериев периодизации, авторы на первый план выдвигают *личностные новообразования*, второй по значимости во взрослом периоде развития полагают *ведущую деятельность*, а *социальная ситуация* – результат действия первых двух [166, [Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю., 1981].

Логика авторов данного подхода понятна: как и многие исследователи, они исходят из того, что зрелая личность – все в большей степени становится субъектом собственного развития и поэтому, психологически изменяясь, может изменять, преобразовывать свою ведущую деятельность и социальную ситуацию развития, а благодаря этому, и саму себя. Тем не менее, трудно согласиться с «перевернутым» представлением о закономерностях развития, оставаясь в рамках методологии культурно-исторической теории.

Интерес представляет предложенная периодизация развития личности, включающая юность, зрелость и старость.

Период юности (18–23 года) – переходный период от детства к взрослости. С этого момента психическое развитие и процесс становления личности дифференцируются, так как начинается развитие личности через саморазвитие, самосовершенствование. Ведущей деятельностью на этом этапе является личностное и профессиональное самоопределение. Этот период авторы считают переходным, так как здесь происходят существенные изменения социальной ситуации развития (уход из дома, стремление к независимости) и отмечаются значительные личностные перестройки. Молодость (24–30 лет) – начальный период зрелости, здесь идет активный поиск себя, выработка индивидуальности, окончательное осознание себя как взрослого человека с правами и обязанностями. Складывается более конкретное представление о будущей жизни, создание семьи, выбор профессии. Ведущей деятельностью является профессиональная, которая ставит задачу специализации в избранной профессии.

Переход к расцвету (около 30 лет) – квалифицируется как нормативный кризис, связанный с пересмотром сложившихся представлений о жизни. Отмечается, что тяжесть кризиса является следствием недостаточной подготовленности личности к жизни и деятельности и недостаточно благополучно прошедшей эпохи самоопределения. Расцвет (31–40 лет) – период высокопродуктивного творчества, человек приобретает богатый жизненный опыт, становится полноценным специалистом и семьянином.

Переход к зрелости (около 40 лет) – характеризуется как кризисный этап, связанный с осознанием утраты молодости. Зрелость (40–55 лет) – вершина жизненного пути личности, достижение вершин профессионального мастерства и положения в обществе, ведущая деятельность определяется потребностью в передаче опыта и часто воплощается в коллективном творчестве.

Нормативный кризис 50–55 лет связан с поворотами в социальной ситуации

развития (в профессиональной и семейной сфере) и осознанием возрастных перестроек организма. Завершающей эпохой жизни является старость, где выделяется пожилой возраст (55–75 лет), старческий (75–90 лет) и долгожительство (свыше 90 лет). Каждый из трех выделенных кризисных этапов связывается со значительными личностными перестройками. Рассматривая возрастные кризисы зрелости как изменение социальной ситуации развития, авторы подтверждают нормативный характер кризисов развития как переходов от одной возрастной стадии к следующей.

Указывая на ведущую роль личностных новообразований, В.Ф. Моргун и Н.Ю. Ткачева полагают, что взрослый может осознанно, целенаправленно и своевременно осуществлять личностные перестройки, изменять иерархию мотивов, направленность и, следовательно, ситуацию развития. При этом авторы допускают возможность бескризисного варианта развития.

Б.С. Братусь, анализируя исследования А.Н. Леонтьева и Д.Б. Эльконина, выводит, что *возникающие противоречия в ходе движения деятельности между двумя ее основными сторонами: мотивационной (смысловой) и операционально-технической (познавательной)*, определяют развитие личности на протяжении всей жизни, а кризисы зрелости, так же как и кризисы детства, происходят в точках значительного расхождения этих сторон деятельности. Он отмечает, что для периода зрелости перечень ведущих деятельностей остается постоянным (работа, семья, общение), *изменения происходят в их строении, соотношении, соподчиненности*. С помощью биографического метода Б.С. Братусь исследует развитие личности за границами юношеского периода, которое осуществляется не линейно «как накопление и расширение мотивационных устремлений и смысловых отношений к миру. Здесь возникают определенные и порой достаточно драматичные переходы к иным мотивационным путям, к иной смысловой ориентации основных видов деятельности» [46, С. 7][Братусь Б.С., 1980, С. 7.]. Периоды жизни, с прохождением которых наиболее часто связаны личностные сдвиги: 28–34 года, 40–45 лет, 50–55 лет. Негативные переживания в кризисах связаны с осознанием человеком угнетающего расхождения между Я-реальным и Я-идеальным, между желаемым и возможным [46]. [Братусь Б.С., 1980].

В связи с тем, что существуют прямо противоположные представления о негативном характере кризисов, полагаем необходимым уточнить понятие кризиса, тем более, что в культурно-историческом подходе оно является ключевым.

На возможность управления негативными проявлениями кризисов указывал, например, А.Н. Леонтьев: «Неизбежны не кризисы, а переломы, качественные сдвиги в развитии. Наоборот, кризис – это свидетельство не совершившегося своевременно перелома, сдвига. Кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым процессом» [Леонтьев А.Н., 1965, С. 506.]. Обратим внимание на то, что он различал кризис как негативное проявление и критический период развития, как явление нормативное. Согласно его представлениям, критический период – это

неизбежный переход с одной стадии развития на другую, а кризисов может не быть при адекватном управлении процессом развития.

Здесь возникает ряд вопросов, связанных с динамикой и содержанием критических (переходных) периодов развития если переход от стадии к стадии процесс нормативный, значит, необходимо определить, что является нормой развития; что или кто определяет эту норму; кто является ее носителем; как этим процессом можно управлять; как нормативность связана со своевременностью; что определяет время переходов – возраст, готовность или внешние факторы? Культурно-историческая концепция в той или иной степени отвечает на эти вопросы относительно детских возрастов. Для того, чтобы ответить на эти вопросы относительно взрослого периода, следует расширить обзор концепций и рассмотреть и другие подходы к развитию в период взрослости.

Интерес представляет модель перехода между возрастными периодами [132, 238,.....] [Г. Крайг, 2000; Х. Томе, 1978; Boom, J.,1992; Caspi A., 1987; Levinson D.,1990]. Согласно этому подходу, развитие человека характеризуется последовательностью важных, ожидаемых событий, которые можно предвидеть и, в отношении которых, можно строить планы. Здесь большую роль играют *задачи развития* или *жизненные задачи* каждого периода взрослости [Havighurst, 1953; Эриксон Э. 1968; Zirckel S., Cantor N.,1990; Heimans P., 1994]. Жизненные задачи определяются как сознательно понимаемые цели, которые индивид ставит себе в определенные моменты жизни. Это важные, аффективно переживаемые лично значимые интересы, которые во многом определяют направление самореализации. А.Caspi (Caspi A.,1987) указывает, что ситуация перехода открывает возможности как для успеха, так и для неудачи; как для изменения, так и для стабильности. Актуализация жизненных задач происходит в связи с изменением жизненной ситуации. Модель перехода предполагает определенную психологическую перестройку личности. В концепции переходов большое внимание уделяется тому, что знание и предвидение общих закономерностей человеческой жизни и распространение этих закономерностей на логику своей жизни помогает успешно адаптироваться к новому возрастному этапу – новым проблемам и целям, а, следовательно, подойти к решению новых задач развития. Этот процесс получил название «антиципаторной социализации» [132][Крайг Г., 2000]. Благодаря антиципирующему совладанию, человек имеет возможность нивелировать неожиданность трудной ситуации, освободиться от определенной части отрицательных эмоций, подготовиться к испытаниям и наметить способы их разрешения [..., 15] [Clauser J.A.1986; Анцыферова Л.И., 1994].

В отечественной науке жизненные задачи как элемент культуры рассматриваются в социальной антропологии (И.С. Кон, В.В. Бочаров). Жизненные задачи представлены как система связанных с возрастом социально-психологических экспектаций и санкций (социальный возраст). Возрастной символизм включает в себя взаимосвязанные элементы – нормативные критерии возраста:

– принятая культурой периодизация жизненного цикла с указанием длительности этапов и основных задач;

- возрастные стереотипы – приписываемые культурой лицам данного возраста черты и свойства и задаваемые им в качестве подразумеваемой нормы;
- возрастные обряды – ритуалы, структурирующие жизненный цикл;
- возрастная субкультура – специфический набор признаков, с помощью которого представители определенного возраста осознают и утверждают себя в качестве общности.

И.С. Кон отмечает, что «в системе возрастного символизма фиксируется не жизненный путь с его открытостью и вариативностью, а жизненный цикл как нечто повторяющееся, обязательное и нормативное» [123, С. 94] [Кон И.С., 1988, С. 94]. «Любая периодизация жизненного цикла соотносится с нормами культуры, она не столько описательна, сколько ценностно-нормативна. Это наглядно выступает в таких понятиях как «созревание», «совершеннолетие», «зрелость», но фактически нормативны все возрастные категории, включая понятия «детство», «юность», «взрослость» [123, С. 99] [Кон И.С., 1988, С. 99].

В.В. Бочаров исследуя «индивидуальный возрастной процесс» с позиций антропологии, социологии, этнографии и психологии, указывает на «возрастное расписание», существующее в каждой культуре. Индивид в процессе жизни ориентируется на него, соотносит свое индивидуальное возрастное развитие, с этих же позиций оценивают его развитие окружающие [44, С. 17–21] [Бочаров В.В., 2000, С. 17–21].

По мнению Л.И. Анцыферовой кризисы зрелого возраста имеют общественно-историческую природу, хотя в ее представлении кризисы вызываются «отставанием индивида в значимой для него области жизнедеятельности» [17, С. 57] [Анцыферова Л.И., 1980, С. 57]. Подобная точка зрения на критические периоды взрослости весьма распространена и является продолжением упомянутого подхода А.Н.Леонтьева. Например, В.Р. Манукян считает, что жизненные задачи отдельной личности, а также переходы и кризисы взрослости могут формироваться в тесной зависимости от возрастнo-ролевых ожиданий и стереотипов, существующих в данной культуре, в обществе. Поэтому человек, успешно и своевременно решающий характерные для данного возраста задачи развития бесконфликтно переходит на следующую возрастную ступень. Несмотря на это во время перехода люди в большей степени склонны осознанно относиться к себе и своему месту в мире, пересматривать свои жизненные задачи. Здесь налицо смешение понятий «кризис развития», «конфликт», «внутренний кризис», как переживание, связанное с несостоявшимися ожиданиями. Обратимся к этим и другим понятиям и их содержанию в следующей главе.

Классической, трактующей процесс развития *через решение возрастных задач*, является концепция психосоциального эпигенетического развития Э. Эриксона [272, 273] [Эриксон Э., 1996, 1968;]. Развитие личности здесь представляется как прерывный, проходящий через нормативные кризисы, процесс формирования новых качеств личности. Содержание и форма каждого новообразования определяется общением индивида с социальным окружением – миром значимых людей и общностей, все это, однако, опирается на внутренние предпосылки развития, которые и определяют избирательное воздействие внешних факторов.

Система социальных требований (возрастных задач) к развивающемуся индивиду имеет большое значение в концепции Э. Эриксона. От успешного решения возрастных задач зависят качества, определяющие отношение индивида к обществу, к себе и к миру. Сформировавшееся отношение становится центром личностной идентичности, которая неизбежно нарушается в результате созревания новой психофизиологической системы и предъявления со стороны общества новых социальных ожиданий. Стадии развития личности Э. Эриксон называет кризисами. Содержанием кризиса является выбор между двумя альтернативами: благоприятным и неблагоприятным направлением развития. Э. Эриксон указывает, что понятие кризиса употребляется, чтобы «выделить не угрозу катастрофы, а момент изменения, критический период повышенной уязвимости и возросших потенций...» [Erickson E.H., 1968, С. 96]. «Нормативные кризисы развития отличаются от навязанных, травматических или невротических тем, что каждый процесс роста приносит новую энергию; а общество, в соответствии с преобладающим в нем представлением о фазах жизни, предлагает для ее использования новые и специфические возможности» [Erickson E.H., 1968, С. 162–163].

Понятие нормативного кризиса в концепции Э. Эриксона по содержанию тождественно пониманию стабильного периода, принятому в культурно-исторической психологии.

Э. Коуэн, описывая жизненный цикл выделяет одиннадцать жизненных стадий, каждой из которых соответствуют: определенная социальная система (социальное окружение человека в каждый период жизни), задачи развития (связаны с выживанием человека и достижением счастья), ресурсы развития (содержание, необходимое человеку для решения его жизненных задач развития) и кризисы развития. Кризисы разрешаются в зависимости от характера решения жизненных задач с использованием ресурсов. В основе схемы лежат индивидуально и социально значимые возрастные особенности человека, связанные с изменением места в системе культурных взаимоотношений. Непосредственно взрослому периоду отводится три стадии – взросление (23–30 лет), переходный возраст (30–35 лет) и зрелость (36–50 лет), соответственно, выделяется и три нормативных кризиса взрослости.

Р. Гаулд, Д. Левинсон, Д. Вейллант [71, [Гаулд Р., Левинсон Д., 1977; Levinson D., 1986] описывают период развития взрослого человека через чередование периодов стабильности и периодов изменений. Они выделяют семь периодов взрослой жизни, три из которых являются критическими – это переход 30-летия (29–32 года), переход к середине жизни (40–42 года) и кризис пожилого возраста (после 50 лет). Д. Левинсон считает, что в периоды стабильности развитие индивида характеризуется постепенным достижением поставленных целей, существенные задачи всего развития на этом этапе представляются решенными. Это означает, что различные компоненты жизни человека (работа, семья, дружеские отношения, идеалы), находятся в равновесии между собой, причем некоторые компоненты являются центральными. Обычно такой период длится около 6–8 лет. В переходной фазе сами способы самореализации

оказываются предметом анализа для индивида, а новые возможности – предметом поиска. В период изменений взрослый человек переоценивает значимость различных сторон своей жизни, реализованность своих идеалов и возможностей и приходит к необходимости изменений в себе самом и в своей жизни. Существенным признаком перехода по Д. Левинсону [Levinson D., 1986] становится анализ субъектом тех характеристик его жизни, которые в стабильном периоде не были предметом анализа.

В данной концепции важно обратить внимание не только на выделение «переходов» между возрастными периодами, сколько на то, что эта модель близка по своей сути культурно-исторической концепции тем, выдержана в традициях диалектического принципа: генезис включает изменение, рефлексию, развитие. Вместе с тем, важно отметить, что в работах Д. Левинсона отсутствует описание механизмов и психологического смысла переходного периода.

Субъектный подход в психологии развития (В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев) выделяют критические периоды в динамике преобразований «со-бытийной общности», устойчивой системы связей и отношений между людьми, имеющей единые ценностно-смысловые образования. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев выделяют два вида возрастных кризисов: кризис рождения и кризис развития. Кризис рождения – принципиальная смена типов развития в период становления новой формы событийной общности, знаменующая собой вступление на новую ступень развития субъектности. Кризисы рождения культивируются обществом, а с определенного момента – самим человеком, решающим задачи саморазвития. Кризис развития – возрастно-нормативный перелом в развитии, связанный с выростанием индивида из существующей формы со-бытийности с другими людьми и освоением новых, собственных способностей. Вслед за оживлением», «одушевлением» и «персонализацией» (в детстве), субъектность проходит ступени «индивидуализации» и универсализации» во взрослости.

Таблица 2

Схема периодизации субъективной реальности в период взрослости
(Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1991)

Ступени развития субъектности	Матрица возрастов			
	Период становления со-бытийности		Период реализации со-бытийности	
	Кризисы рождения	Стадии принятия	Кризисы развития	Стадии освоения
Индивидуализация	Кризис юности 17–21 год	Молодость 19–28 лет	Кризис молодости 27–33 лет	Взрослость 32–42 года
Универсализация	Кризис взрослости	Зрелость 44–60 лет	Кризис зрелости	Старость 62–...

	39–45 лет		55–65 лет	
--	-----------	--	-----------	--

Каждая ступень, относительно завершённый цикл в развитии, представлена как последовательность периодов становления и реализации, проходящих через стабильные и критические стадии. Последовательность ступеней и смена форм развития субъективности в онтогенезе определяются единым ценностно-смысловым содержанием и целевой детерминацией развития. Взрослость описывается двумя со-бытийными общностями: воспроизводство и творчество в системе общественных деятельностей, творчество в системе экзистенциальных деятельностей. Вхождение в новую общность характеризуется кризисами рождения. Вступая в первую из названных общностей, субъект переживает кризис юности (17–21 год) как разрыв идеала и реальности, при вступлении во вторую – кризис взрослости (39–45 лет) – разрыв личного и общечеловеческого смыслов жизни. В кульминационной точке общности происходит кризис развития – момент, когда заканчивается освоение новых способов взаимодействия и начинается развитие индивида внутри общности. В указанных общностях – в первой строится мировоззрение (27–33), во второй – собственная позиция личности в культуре и истории.

Обобщив и проанализировав источники, в связи с проблемой исследования выделим еще раз возрастные кризисы в развитии в период взрослости и определим их содержание на основе рассмотренных в данной главе подходов.

Таблица 3

Нормативные кризисы взрослости и критерии их выделения

Авторы периодизации	Кризис	Критерии выделения кризисов	Результаты кризиса
Е.И. Степанова	25–26 35–36	Перестройка структуры межфункциональных и внутрифункциональных связей	Изменение и перегруппировка центральных признаков развития
В.А. Ганзен Л.А. Головей	19–21 25–27 32–35 40 50–65	Изменения на биологическом и физиологическом уровнях	Изменения в социальном плане

	Авторы периодизации	Кризис	Критерии выделения кризисов	Результаты кризиса
3.	В.Ф. Моргун Н.Ю. Ткачева	18–23 30 40 50–55	Личностные новообразования и изменившаяся ведущая деятельность влекут изменения в социальной ситуации развития	Уход из дома, стремление к независимости, личностные перестройки Пересмотр сложившихся представлений о жизни Осознание утраты молодости Осознание возрастных перестроек организма
4.	Б.С. Братусь	28–30 40–45 50–55	Осознание и переживание расхождений между Я-реальным и Я-идеальным	Существенные личностные сдвиги
5.	Г. Томе, Д. Левинсон, Н. Коуэн и др.	30 35 (40–42) 50	Решение жизненных задач в зависимости от собственных ресурсов	Анализ и переоценка значимости идеалов жизни
6.	В.И. Слободчиков Е.И. Исаев	Кризисы рождения и кризисы развития	Динамика преобразований со-бытийной общности	Вырастание индивида из существующей со-бытийности и освоение новых способностей

Анализ различных подходов к периодизации взрослых периодов онтогенеза позволяет сделать определенные выводы.

Большинство современных учений онтогенеза признает непрерывность психического развития. Развитие не заканчивается детством, развитие охватывает

все возрастные периоды, включая зрелость и старость. Выделение возрастных стадий осуществляется на основании различных подходов к интерпретации изменений, происходящих с человеком на протяжении жизненного пути. Эти изменения носят общевозрастной характер.

Возрастные кризисы зрелости обусловлены: физиологическими характеристиками индивида (гормональные сдвиги, индивидуальные различия в процессах акселерации и ретардации); внешними социальными условиями (изменение требований и ожиданий окружения, смена культурной и социально-экономической среды); изменениями в психологическом возрасте личности.

Несмотря на разные основания выделения критических или переходных периодов, возрастные границы их практически совпадают, а содержание переходных периодов всегда связывается с существенными осознаваемыми и рефлекслируемыми изменениями.

Большинство концепций указывает на важную роль переходных периодов между стадиями. Эта роль состоит в реструктурировании существующих связей и отношений в пользу новых, более приемлемых для следующей возрастной стадии, соответствующих социальными ожиданиям и возможностям самого субъекта.

Несмотря на то, что культурно-историческая концепция, имеющая огромный потенциал в интерпретации закономерностей психического развития с позиций диалектического и системного подходов, не обращалась к взрослым периодам развития, приняв за аксиому представление о том, что развитие в зрелости опосредуется индивидуальными особенностями, современные представления о логике развития взрослого человека все больше выходят за пределы данного постулата. Наряду с европейскими и американскими психологами, отечественные исследователи, обращаясь к изучению личности в периоды зрелости, оперируют такими понятиями, как «возрастные задачи», «личностные новообразования возраста», «готовность к переходу на следующий возрастной этап. Обращаются к переходным периодам и выделяют так называемые «нормативные кризисы», т.е. кризисы развития. Рассматривая такие субъективные и индивидуально-типологические особенности взрослой личности как система ценностей, жизненные цели, идентичность, временная перспектива, жизненный путь и др., современные исследователи признают, что эти особенности находятся в динамике, а их изменения связаны не только с индивидуальным опытом человека, но и с культурными представлениями о возрастных нормах, а, следовательно, могут быть связаны с общевозрастными закономерностями развития.

На наш взгляд, решение задач связанных с периодизацией зрелости, возможно в логике культурно-исторического подхода с учетом современных представлений о развитии, переосмыслением и уточнением основных понятий, постулатов и закономерностей. Именно эта концепция позволяет определить содержательные критерии возраста, о необходимости введения которых, мы говорили в начале данной главы. В первую очередь требует уточнения содержание понятия «кризис развития», который рассматривается здесь как

необходимый переходный этап между возрастными стадиями, как сензитивный период развития личности, период качественных изменений. Уточнение понятия нормативных кризисов развития необходимо для понимания закономерностей онтогенеза.

2.2. Анализ подходов к классификации кризисов в психологии.

Понятие нормативного кризиса развития

Понятие кризиса происходит от греческого слова *krisis* – «решение, поворотный пункт, исход, суд», то есть, резкий, крутой перелом в течении какого-либо процесса, меняющий его форму, направление а также точка выбора, перечеркивающая что-то в прошлом. Распространено понимание кризиса как точки болезненного перехода, как момента, после которого «организм либо выздоравливает, либо гибнет». Следует заметить, категория кризиса далеко не всегда наполняется одинаковым содержанием. Существуют концепции, акцентирующие внимание на различных, часто прямо противоположных аспектах кризиса и кризисных явлений в жизни человека. Анализ теоретических и эмпирических источников показывает, что весьма распространенной является трактовка кризиса как проявления болезни, нарушения здоровья человека на уровне функционирования его организма или развития личности [199,...] (Х. Ремшмидт, 1994, П.И. Буль, 1974, М.С. Лебединский, 1971, В.Е. Рожнов, 1982). Часто понятие кризис ассоциируется с понятиями: угрозы, риски, опасности, катастрофы. Такое понимание касается не только так называемых «психиатрических» кризисов, но и автобиографических и возрастных. Часто представление о кризисе возникает на основе сравнения с тем, что было ранее, или чаще с тем, что должно было быть, т.е. с некоторым нормативным представлением о жизни, ощущением «нормальности» [99, С. 8][Здравомыслов А.Г., 1999, С. 8]. По мнению И.С. Кона «слово «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия, появления новых потребностей и перестройки мотивационной сферы личности» [121] [Кон И.С., 1988, С. 76]. Понимание кризиса как состояния, порождаемого вставшей перед человеком проблемой, от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом [Caplan, 1963] имплицитно присутствует в описаниях многих типов кризисов.

Вместе с тем в современной психологической и психотерапевтической литературе получило широкое распространение определение кризиса, данное китайскими учеными – «полный опасности шанс» [148] [Лисбет Ф. Брюдаль, 1998, С. 12]. Исходя из этого, кризис рассматривается как процесс, имеющий две стороны: опасность для личностного роста и потенциал личностного роста.

Анализируя разнообразные концепции кризисов, предлагающие всевозможные трактования их сущности, особенностей протекания на различных этапах жизни человека, способов и стратегий преодоления, следует отметить отсутствие единой классификации жизненных кризисов.

Среди наиболее известных: возрастные: кризисы детского развития и кризисы

периода взросления (идентичности и самоопределения); психиатрические кризисы, биографические (по Р.А. Ахмерову, 1994: кризисы нереализованности, опустошенности, бесперспективности), личностные (возрастные и временные – кратковременные и долговременные, конструктивные и деструктивные); связанные с мотивацией деятельности: операциональный, мотивационно-целевой и смысложизненный.

По степени предсказуемости: предсказуемые (кризисы развития и созревания), ситуационные (следствие внезапных и неожиданных событий) и кризисы, занимающие промежуточное положение между двумя выделенными формами [Лисбет Ф. Брюдаль, 1998] [148].

По критерию результативности: конструктивные и деструктивные. Деструктивные последствия кризисов могут проявляться в форме личностных нарушений, эмоциональной стагнации, психосоматических заболеваний, различных невротических проявлений (фобии, депрессии, расстройства сна), а также в форме реактивных и продолжительных психозов [199,][Ремшмидт Х., 1994; Caplan 1963].

Наиболее обобщенную классификацию кризисов предлагает Э.Ф. Зеер: *нормативные* – необходимые для нормального, поступательного хода личностного развития (кризисы психического развития в детстве и кризисы профессионального развития в зрелости) и *ненормативные*, которые носят вероятностный или невротический характер, обусловленные различными психическими изменениями: «перестройка сознания, бессознательные впечатления, инстинкты, иррациональные тенденции – все, что порождает внутренний конфликт, рассогласование психологической целостности» [Зеер Э.Ф., 1997, С. 131].

Отдельно в акмеологии выделяется класс профессионально-обусловленных кризисов [Климов Е.А., 1996, Маркова А.К., 1996, Зеер Э.Ф., 1997, Митина Л.М., 1997; Горелова Г.Г., 2000 и др.]. Они рассматриваются и как самостоятельные кризисы в акмеологии, но, на наш взгляд могут быть частью других типов кризисов – как возрастных (нормативных), так и биографических (ненормативных).

Различное описание содержания кризисов в психологии связано с полифонией обозначений изучаемого явления. Понятие «кризис» зачастую отождествляется с понятиями «критическая ситуация», «конфликт», «критический возраст» и др., большинство исследователей употребляют эти понятия либо как рядоположенные, либо выбирают один из приведенных терминов. Это создает существенные трудности, как при построении периодизаций, так и для понимания логики развития взрослого периода, интерпретации эмпирических данных. Содержание этих понятий требует уточнения в связи с задачами исследования.

Критические жизненные ситуации определяются обычно как события в жизни личности, связанные с изменениями в течении жизни и соответствующим приспособлением личности к этим изменениям. Критическая жизненная ситуация – это стадия неравновесия, неконгруэнтности между личностью и окружающей средой, когда у индивидуума нет готовой программы поведения [Маничев С.А.,

2001]. В этом смысле критическая ситуация в большей мере обусловлена факторами среды, а кризис – это реакция личности на критическую ситуацию, требующая от нее определенных психологических изменений. Категория кризисной жизненной ситуации характеризует широкий класс явлений, включая обыденные случаи и экстремальные явления. В этом подходе отметим связь внешних влияний, являющихся условием возникновения кризиса и внутренних трансформаций, как необходимого следствия влияния ситуации; неразрывность внутреннего и внешнего; диалектичность процесса изменений. Однако к нормативным явлениям кризиса, обусловленные жизненной ситуацией, не относятся.

А.Н. Леонтьев разделял «кризис» и «критический период», где последний понимается как неизбежный переход с одной стадии развития на другую, связанный с качественными изменениями в развитии, а «кризис» трактуется как негативное явление, свидетельство несовершенство своевременно перехода. В этом подходе критический период отражает суть процесса развития, состоящего из относительно стабильных и, прерывающих стабильность, периодов. Понятие кризис связано с оценкой восприятия личностью этих революционных изменений.

А.Г. Амбрумова рассматривает психологический кризис как следствие конфликтов и утрат в высокозначимой для личности сфере, приводящее к социально-психологической дезадаптации. События, имеющие переломное значение для психологической целостности человека, вызывают дисбаланс конструктивных и разрушительных тенденций и форм психической деятельности. Существует личностная предрасположенность к формированию кризисных реакций, которая зависит от устойчивости адаптации и глубины социализации личности. Кризис рассматривается как реакция дезадаптации, возникающая в ответ на переломные события в значимой для личности сфере.

С подведением итогов, «рождением индивидуального образа себя в жизни» связывают процесс кризиса Е.А. Донченко и Т.М. Титаренко, полагая, что осознание невозможности реализации задуманного сопровождается ощущением субъективной остановки времени и резким ограничением жизненного пространства [88] (Донченко Е.А., Титаренко Т.М., 1987, С. 31).

Вообще, представление о том, что кризис затрагивает многие структуры личности, отражено в большинстве исследований кризисов, при этом одни подчеркивают исключительно негативный характер, другие – положительные результаты кризиса.

Так, изменения в эмоционально-волевой сфере выражаются как психологический дискомфорт, повышение тревожности, снижение способности к волевым действиям, перераспределение значимости удельного веса некоторых раздражителей. В критической ситуации нарушается вся система саморегуляции, обеспечивающая в других условиях синхронную работу рационального и иррационального в психике человека. Преобладание отрицательных эмоций затрудняет преодоление кризисов [178, 75, 51, 88] [Ниемела П., 1987; Глуханюк Н.С., 2001.; Брюдаль, 1998; Донченко Е.А., Титаренко Т.М., 1987]. С кризисом связаны изменения на познавательном уровне – снижение познавательных

способностей (память, внимание, мышление) (Ананьев Б.Г., Степанова Е.И. и др.), изменения в восприятии себя и своей жизни (Кон И.С., В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев); в ценностно–мотивационной, в смысловой сфере личности [144] [Леонтьев Д.А., 1999]. Кризисы связаны с изменениями в самосознании и Я-концепции личности анализируют Л.Ф. Бурлачук и Е.Ю. Коржова [52, 124][Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю., 1998] с точки зрения его воздействия на «Я-концепцию» и работу самосознания в целом. Выделяют три типа такого протекания: кризис приводит к интеграции ранее вытесняемого и отвергаемого опыта осознания «Я-концепции» субъекта; кризис ведет к усилению прежней «Я-концепции», на которую не влияют объективная действительность и новый жизненный опыт; кризис приводит к разрушению существовавшего представления о себе и мешает способности действовать. При любом типе протекания происходит возникновение и рост эмоционального напряжения, чувства угрозы, паники, страха и других психических расстройств, в связи с дезориентацией работы самосознания.

Напротив, положительные изменения, сопровождающие кризис, связаны с деятельностью, ее изменением. Происходят перестройка смысловых структур профессионального самосознания, переориентация на новые цели, коррекция социально-профессиональной позиции, а также изменения в самой деятельности – в занятиях, в средствах, видах и условиях труда [Ниемела П., 1987; Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., 1999; Глуханюк Н.С., 2001].

Обобщая, отметим, что в психологии развития категория «кризис» является одной из базовых. Скорее всего, трудности в систематизации и дифференциации кризисов связаны с тем, что они являются системными по своей природе и структуре, т.е. затрагивают все значимые на данном этапе развития личности стороны. Например, объективно открываясь в профессиональной сфере, критическая ситуация распространяет свое влияние на семейную сферу, включает переживания, отражающиеся на представлении об идентичности человека, включает все больше интра- и интерличностных структур. Иными словами, кризис неизменно охватывает всю личность и приводит в итоге к существенным изменениям.

Динамика кризиса всегда связана с эмоциональными переживаниями и изменениями в когнитивной сфере, в области ценностей, целеобразования и самосознания. В личностных изменениях, сопровождаемых сильными эмоциональными переживаниями, когнитивным диссонансом, переоценкой ценностей и мировоззренческих основ, часто прослеживаются общевозрастные проблемы, с которыми сталкивается большинство людей в определенные годы или жизненные фазы.

Выскажем гипотезу о том, что оценка или переживание личностью изменений, связанных с разрывом процесса развития в кризисе, не является неизменной на протяжении критического периода, а, скорее всего, отражает динамику переживания личностью различных его фаз.

Несмотря на то, что подходы к пониманию кризиса различаются в связи с методологическими основами, есть и то, что их объединяет. В понимании кризиса

заложен важный подход к изучению проблемы кризиса в жизни человека, который понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент в развитии, «после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» (Э. Эриксон, 1996).

Наиболее общим признаком психологических кризисов является критический уровень социально-психологического противоречия ситуации, приводящий к невозможности реализации самых значимых сторон жизнедеятельности человека. В современных подходах отмечается единодушие в том, что развитие и связанные с ним психофизиологические, личностные и социально-ролевые перестройки, происходящие на протяжении всей жизни, наиболее интенсивно трансформируются в критические, кризисные или переходные периоды.

Возможности движения по прогрессивному или регрессивному пути, заключенные в кризисе, содержащийся в нем потенциал роста, позитивных изменений, являются ключевой характеристикой данного явления. Об этом говорил и Л.С. Выготский, обращаясь к проблемам возрастной психологии: «Фактическое исследование показывает, что негативное содержание развития в переломные периоды – только обратная, или тeneвая, сторона позитивных личностных изменений личности, составляющих главный и основной смысл всякого кризисного возраста» (Л.С. Выготский, 1984). Кризис дихотомичен по своей сути в любой сфере развития: будь то профессиональное становление, экзистенциальные трансформации, такие как процесс самоактуализации, нормативные возрастные кризисы. Дихотомия проявляется в одновременном присутствии в кризисе опасности регресса и личностного выбора, связанного с потенциалом прогресса. Таким образом, особенностью психологического кризиса является то, что в результате его адекватного разрешения личность может перейти на качественно новый способ жизнедеятельности. Причины для переживаний могут трансформироваться в результате реакции преодоления во внутренний опыт, регулирующий дальнейшие принципы и программу жизнедеятельности.

Между тем анализ различных подходов к пониманию кризиса, позволяет утверждать, что зачастую словом «кризис» обозначаются *разные уровни одной реальности* и именно с этим связано разное а, главное, неполное толкование, данной реальности. Рассмотрим эти разные стороны многогранного понятия с тем, чтобы **сформировать понятие нормативного кризиса развития.**

Кризис – неизбежный *переход* от стадии к стадии (нормативный кризис) или переход от бытия к бытию; от состояния к состоянию и т.д. (ненормативный, ситуационный). В данном контексте кризис – это переходный период, т.е. *процессуальная характеристика изменений реальности* – от устоявшегося течения событий – к новому, иному.

Кризис – *потеря равновесия*, устойчивости, разрыв чего-то привычного, обычного течения жизни, событий и т.п. В этом контексте под кризисом часто понимают *кризисную ситуацию*, которая вдруг открывает другую, новую, часто неожиданную реальность, т.е является «пусковым механизмом» для кризиса как

процесса. В случае ненормативного кризиса – это случай, потеря или, наоборот, неожиданное обретение, исцеление и т.д. в случае нормативного кризиса – это *изменение объективной стороны социальной ситуации* (этот аспект рассмотрим подробнее в гл.3.).

Кризис – *конфликт* между внутренним миром и внешними изменениями, который выражается в острых *переживаниях несоответствия* этих сторон, сопровождается сильными эмоциями, сужением мировосприятия. Внутренний конфликт обычно связан с опустошенностью, утратой смысла и целей, сомнениями в собственной системе ценностей. Это – переломная точка или фаза кризиса как процесса и обязательная, поскольку без рефлексии противоречий процесс не может продолжаться. С рефлексии противоречий в апогее кризиса начинается движение к выходу из него. Внутренний конфликт обязателен как для нормативного, так и для ненормативного кризиса.

Кризис – *момент разрешения противоречия*, освобождение от негативных переживаний, мучительных сомнений; инсайт, возрождение, выход с присвоенным опытом, новым знанием и т.д. Разрешение или завершение кризиса – обязательный этап, *результат нормально протекающего кризиса*.

Кризис – *крах, регресс*, как закономерный *результат нарушенного*, не запрограммированного *течения кризиса* как процесса.

Кризис – *оценка, переживание* личностью *происходящих* с ней *изменений* в любой фазе кризиса. Например: переживание потери равновесия, утрата размеренного течения жизни – в дебюте кризисного процесса; сомнение в себе, собственных ресурсах при переживании внутреннего конфликта – в апогее кризиса, как процесса; радость озарения при выходе из процесса кризиса.

Очевидно теперь, что исходя из данных дефиниций, некоторые позиции кризиса легко можно заменить более точными их обозначениями. Вместе с тем, остаются и требуют дополнительного уточнения центральные определения. Поскольку в центре нашего исследования находятся нормативные кризисы развития, определим их относительно нормативности развития.

Итак, *кризисный период* – это неизбежный переход, период, связанный с изменением социальной ситуации развития, с разрушением старой системы отношений, открытием, а затем освоением и принятием новой, т. е. переход от одной возрастной стадии к следующей.

Диалектический подход и концепция нормативности кризисов развития позволяют определить кризисный период как неизбежный переход, связанный с изменением социальной ситуации развития, с разрушением старой системы отношений, открытием, а затем освоением и принятием новой, т. е. переход от одной возрастной стадии к следующей. *Нормативный кризис развития* – как процесс проживания, прохождения личностью кризисного периода в развитии. Проживание личностью всех фаз периода – от фазы разрушения, к реструктурированию, а затем созданию и освоению новой системы отношений к миру и к себе. Понятие «проживание» здесь – внутренний процесс по осознанию, рефлексии, внутренней работе личности, направленной на выход из кризиса. В результате этой работы изменяется и сама личность. Нормативность

изменений в кризисе развития связана с содержанием культурально-возрастных экспектаций и готовности личности к решению новых возрастных задач.

Обратимся далее к содержанию кризисов взрослости, связанных с общевозрастными проблемами, т.е. являющихся по своей природе нормативными. Определим особенности этих кризисов по сравнению с нормативными кризисами детства и очертим круг проблем, связанных с их концептуализацией.

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ ВЗРОСЛОСТИ

3.1. Анализ психологического содержания кризисов взрослости

Нормативные кризисы взрослости, как и кризисы детства, были открыты эмпирически. В этом смысле история повторяется. Эмпирически известные, описанные в художественной литературе, широко обсуждаемые в жизни, эти кризисы не систематизированы и недостаточно пока освещены в научных концепциях.

Принято считать, что во взрослом периоде развития по сравнению с детством усиливается гетерохронность развития всех психических функций человека, повышается влияние субъективных факторов, именно поэтому сложно определить общевозрастные особенности развития и признаки кризисов. Источником развития личности взрослого человека полагают преимущественно индивидуально-личностные, субъектные особенности. Еще одна сложность, связанная с определением кризисов во взрослости связана с тем, что границы кризисов более размыты, чем в детстве и, потому они сложнее поддаются систематизации. Вместе с тем, отдельные подходы к описанию симптомов кризисов, как возрастных проблем, широко известны в психологической и психотерапевтической литературе. В обыденной жизни и во многих научных и популярных изданиях стали вполне привычны описания так называемых «кризиса тридцати» и «кризиса сорока лет» или «возраста Христа» и «кризиса середины жизни».

Подобно тому, как в начале изучения детских кризисов, подходы к исследованию кризисов взрослости часто носят односторонний характер, связанный с той или иной исследовательской проблемой, в рамках которой они обнаружены. Например, период перехода от юности к взрослости (а чаще говорят о переходе от детства к взрослости, что не верно, на наш взгляд), описывается в терминах профессионализации, кризис тридцати часто обсуждается лишь в связи с потерей смысла жизни, кризис «середины жизни» или «среднего возраста» связывают с супружескими изменами или ощущением ненужности взрослеющим детям. Такая односторонность, тем не менее, указывает на наиболее яркие и наиболее общие проблемы для людей определенных возрастных групп. Именно общие признаки проживания кризисов и схожесть переживаний дают представление об их обусловленности аналогичными причинами, общих паттернах совладания с внутренними конфликтами а, значит, и об их нормативности.

Поэтому, на наш взгляд, более уместно употреблять понятие *нормативных кризисов психического развития* взрослости, вместо «возрастных кризисов», как это принято в психологии детства. Тем самым мы подчеркиваем, что они не привязаны жестко к определенным возрастным границам, но могут быть описаны в категориальной системе психологии возрастных кризисов культурно-исторического подхода.

В связи с задачами исследования рассмотрим содержание психического развития в периоды нормативных кризисов ранней и средней взрослости. Однако описать содержание кризисов – значит сделать только первый шаг в их исследовании. Необходимо их проанализировать в категориях определенной научной концепции, определить структуру, динамику, механизмы возникновения и разрешения. Обратимся, в связи с этим, к эмпирическим данным, обобщенным представлениям о кризисах, которые определим пока условно как кризисы «двадцати лет», «тридцати лет» и «сорока лет». При этом будем иметь в виду, что границы кризисов взрослости шире, нежели в детстве, поэтому рассмотрим известные упоминания о кризисах, границы которых находятся в пределах 17–25; 27–35; 37–45. Определимся с названием кризисов с тем, чтобы избежать фиксированной привязки к паспортному возрасту.

Кризис перехода от юности к ранней взрослости. Существует представление, что юность плавно перетекает в молодость – начало зрелости или что юность является переходным периодом от детства к взрослости.

В.А. Ганзен и Л.А. Головей возраст 19–21 год определяют как *пограничный* между первой и второй стадиями взрослости, т.к. завершается главная фаза биологического развития. В этом возрасте отмечаются пики всех видов чувствительности, а также психофизиологических, психических и интеллектуальных функций, завершается формирование высших эмоций и самосознания. Значительные изменения происходят и в социальном плане: юноши и девушки уходят из родительского дома, заводят собственные семьи, начинают освоение профессиональных ролей, – т.е. изменения на этом этапе затрагивают все уровни и носят как качественный, так и количественный характер, что указывает на кризис развития.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. связывают так называемый *кризис юности* (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1991) с вхождением субъекта в новую общность и описывают его как связанный с разрывом идеала и реальности, который ведет к построению нового мировоззрения.

В.Ф. Моргун и Н.Ю. Ткачева полагают, что *период юности* (18–23 года) – переходный период от детства к взрослости. С этого момента психическое развитие и процесс становления личности дифференцируются, так как начинается развитие личности как саморазвитие, самосовершенствование. Ведущей деятельностью на этом этапе, по их мнению, является личностное и профессиональное самоопределение. Этот период авторы считают переходным, так как здесь происходят существенные изменения социальной ситуации развития (уход из дома, стремление к независимости) и отмечаются значительные личностные перестройки. Переходным этот этап является по отношению к

молодости (24–30 лет) – начальному периоду зрелости. В молодости происходит активный поиск себя, выработка индивидуальности, окончательное осознание себя как взрослого человека с правами и обязанностями. Складывается более конкретное представление о будущей жизни, происходит создание семьи, переход от кочевого образа жизни к оседлости. Ведущей деятельностью является профессиональная, которая ставит задачу специализации в избранной профессии.

Границы рассматриваемого кризиса связаны, на наш взгляд, с окончанием профессионального обучения, с изменением позиции обучающегося, переходом к самостоятельной профессиональной жизни, во-первых, и со стремлением к установлению интимных отношений (основными задачами возраста по Э. Эриксону) – во-вторых. По Левинсону, основная задача юности – увязать мечты с реальностью, найти наставника, обеспечить карьеру и наладить интимные отношения.

Эти задачи актуализируются именно при переходе от юности к взрослости. Молодой человек определяется с тем, каким он будет в каждом из основных направлений дальнейшего своего развития: профессионально-карьерном, интимно-личностном. Он ищет себя, определяя цели и способы их достижения, ориентируясь на свой потенциал.

В годы юности все имеет характер абсолюта и, одновременно, характер временного. Это странная и, сама по себе, противоречивая ситуация, но не очень беспокоящая самих молодых людей. Суждения и чувства абсолютны – во всяком случае, в данный момент. Каждый выбор пусть временно, но абсолютен. Юноши всегда удивляют родителей своим максимализмом в суждениях, убеждениях, но – это особенность этапа. При переходе к зрелости все вдруг, так же максималистски, подвергается сомнению, пересматриваются юношеские мечты, сопоставляемые с реальным миром. Поиск своего места в жизни, адаптации к изменившейся ситуации и системе отношений (профессиональный коллектив, возможно, собственная семья) – это период, во время которого многое пересматривается с позиции реальных условий.

Наиболее общей характеристикой кризиса перехода к ранней взрослости принято считать вхождение в субкультуру взрослости. По словам И.С. Кона [Кон И.С., 1987], понятие взрослости подразумевает с одной стороны адаптацию, освобождение от юношеского максимализма и приспособление к жизни, а с другой – творческую активность, самореализацию. С точки зрения социологических теорий в период взросления происходят изменения социально-ролевого поведения. Появляется необходимость осваивать новые роли, что сопряжено с трудностями из-за типичных для взросления и резко выраженных изменений: разрыв с родительским домом, начало профессиональной деятельности, партнерство в личной жизни и т. п., что отличает данный период от более или менее защищенного детства. Уже освоенные роли требуют уточнения. Явная прерывность в развитии ведет к неопределенности в отношении ролей и статуса и способствует появлению кризисов идентичности [Ремшмидт Х., 1994]. Вхождение в период взрослости в социальных науках рассматривается как вид «социального перехода» – переход индивида из одного социального состояния – в

другое [Бочаров В.В., 2000, С. 19]. Вхождение во взрослый период начинается с юношеского кризиса самоопределения, в нем решаются задачи профессиональной и нравственной, мировоззренческой идентичности. Указывая на роль в данном кризисе задач профессионализации, некоторые исследователи указывают на общие признаки переходных периодов юности и ранней взрослости: «кризиса первокурсника» и «кризиса молодого специалиста». Эти кризисы связывают с началом, становлением собственного образа жизни, развитием навыков саморегуляции и планирования жизни [Кутрона К.И., 1990; Стамбулова Н.Б., 1999; Сыманюк Э.Э., 1999; Зеер Э.Ф., 1997; Белокрылова Г.М., 1997].

Главное противоречие кризиса перехода к взрослости – между сложностью и важностью задач самоопределения с одной стороны и, социальной незрелостью юноши, его небогатым жизненным опытом, – с другой. который разделяет и, вместе с тем, объединяет две возрастные стадии – юность и раннюю взрослость,

Выделив основные проблемы, определяющие возникновение и разрешение данного кризиса, важно отметить, что кризис – это процесс, а возрастные изменения не происходят одномоментно, они имеют определенную динамику. Недостаточно поэтому просто обозначить проблемы кризиса – *готовность* юношей (биологическую, физическую, мотивацию – желание) перехода во взрослую самостоятельную жизнь и психологическую незрелость, как *неготовность* решать проблемы, встающие перед взрослым человеком. Динамика возникновения и разрешения этого диалектического противоречия определяет всю динамику нормативного кризиса. Исследовать содержание и роль нормативного кризиса перехода к молодости, значит рассмотреть динамику кризиса с точки зрения разрешения основных противоречий переходного этапа, внешние и внутренние изменения.

Обращение к эмпирическим материалам подтверждает противоречие переходного этапа, его сложность связанную со множеством внутренних конфликтов и проблем, с которыми сталкивается юноша на пути к самоопределению профессиональному и личностному. Сами юноши, переживающие или прошедшие данный кризис, отмечают сложность кризиса, его многогранность, то, что он затрагивает все значимые сферы развивающейся личности. Рефлексия происходящих изменений доступна как по окончании кризиса, так и в процессе (но такая работа часто требует специальной организации, например, психологического сопровождения).

Для иллюстрации динамики переживаний во время кризиса перехода к зрелости воспользуемся примером из нашей практики консультирования.

С.О. (23г) рассказывает о периоде после окончания университета:

*«Я искал свое место в этой жизни. Сменил несколько фирм за полтора года. Попытка работать менеджером по продажам, кадровым агентом и т.д. Еще полгода назад я думал, что самое большое событие, которое может со мной произойти в ближайшее время – получение прав на управление автомобилем. Но как я заблуждался! **Вдруг** я увидел, осознал основные цели, к которым мне нужно идти. Я не буду говорить о них подробно, скажу лишь, что это очень сильное впечатление, как будто закончился какой-то этап неопределенных метаний и,*

все стало на свои места. Именно с этого момента все началось. Я женился, этим летом у нас родился сын. Я, совместно с авторитетным для меня человеком, создал собственную фирму, в которой сейчас являюсь директором. Я смотрю в будущее с радостью – у меня много планов».

В этом интервью выражены многие нюансы нормативного кризиса и переживаний, связанных с его динамикой. Во-первых, произошло объективное изменение социальной ситуации – той системы отношений, в которую был включен юноша в период профессионального обучения. Во-вторых, поиск места в жизни методом проб и ошибок, суета и ощущение безысходности – это то, как описывает клиент попытки выхода из кризиса. Полтора года длился осознаваемый процесс поиска себя, связанный с негативными переживаниями, ощущением «застревания» и безысходности, но, тем не менее, с явной мотивацией к действию, активности. В-третьих, он отмечает следующий этап, ассоциированный с «вдруг» открывшимся новым взглядом – четкими целями и направлениями развития. В-четвертых, создание семьи и собственное дело, которые клиент связывает с открывшимися новыми перспективами – основные задачи этапа взрослости. В-пятых, эти задачи клиенту ясны, он рефлексировал все происходящее, осознает свои изменения, воспринимает их как внутренние изменения и принимает.

Обобщим выявленные особенности кризиса перехода к ранней взрослости.

1. Кризис перехода к ранней взрослости (молодости) связан с основными задачами молодости, которые заключаются в обретении самостоятельности, профессиональном самоопределении и создании собственной семьи.

2. В процессуальном плане, с одной стороны, кризис *прерывает развитие*, но лишь его равномерное течение по пути накопления количественных изменений. С другой стороны, *объединяет два «соседних» возраста*, качественно различных по задачам, содержанию, системе отношений, структуре мировоззрения и т.д. В этом смысле кризис является залогом непрерывности развития, т.к. предшествующий этап подготавливает изменения последующего (профессиональное обучение – подготовка к профессиональному самоопределению; эмоциональное развитие, личностная рефлексия – подготовка к установлению интимных отношений с избранником), а в кризисе осуществляется переход от предыдущего этапа к последующему.

3. Кризис перехода к молодости затрагивает разные стороны личности: когнитивную, эмоциональную, мотивационную.

4. Изменения, происходящие в данном кризисе доступны наблюдению и рефлексии, осознанию.

Таким образом, предположения об особом характере переходного периода от юношества к ранней взрослости, как о нормативном кризисе развития, нашли подтверждение в известных фактах. Однако особый интерес в этой связи имеет дальнейшее экспериментальное исследование динамики и структуры данного кризиса, возрастных новообразований.

Кризисы средней взрослости часто обозначают как кризисы, связанные с

кардинальными изменениями в образе жизни и деятельности человека и считают их сугубо индивидуальными либо связанными с ситуативными причинами. Зачастую, говоря о средней взрослости, обозначают лишь один кризис, условно называя его кризисом среднего возраста. На самом деле, если выделяется период средней взрослости, значит, его отграничивают два нормативных кризиса: кризис, связанный с переходом от молодости к средней взрослости и кризис, связанный с переходом от средней взрослости к следующему этапу – зрелости. В связи с этим мы рассмотрим два кризиса – кризис тридцати лет и кризис сорока лет, как переходные периоды между указанными возрастными стадиями взрослости, поставив задачу определить их содержание и роль в развитии.

Одним из первых исследователей **кризиса тридцати лет** был Д.Левинсон, он выделяет период 28–30 лет как переходный период от одной стадии зрелости к другой. Он считает, что полноценное развитие и адаптация на этой стадии зависят от предыдущего этапа – периода «начинаний». Это время, когда разрешаются конфликты юношеского периода, определение себя в мире взрослых, принимаются обязательства, предполагающие стабильное, предсказуемое течение жизни. Кризис тридцати лет приносит осознание того, что структура жизни, выстроенная на протяжении второго десятка, больше не является удовлетворяющей, возникает необходимость пересмотреть структуру жизни и необходимость сделать более правильные выборы. Этот кризис проявляет себя в ощущении необходимости «что-то предпринять». После кризиса 30 лет, человек ищет возможность укрепления своей ниши во взрослой жизни – подтверждения своего статуса взрослого: он хочет иметь хорошую работу, он стремится к безопасности и стабильности. Человек еще уверен в том, что еще возможно полное воплощение надежд и чаяний, образующих юношескую мечту, и интенсивно трудится для этого.

Д. Левинсон, проводил исследования на мужской выборке 35–45 лет различной расовой этнической и профессиональной принадлежности. В качестве метода он использовал биографическое интервью, самоанализ, а также биографии знаменитых людей в поисках устойчивых характеристик развития во взрослости. В дальнейшем подобные исследования были проведены на женской выборке. Оказалось, что для женщин более значимым индикатором являются стадии семейного цикла (не переходы 30–40–50 летия, а рождение детей – взросление детей – оставление дома выросшими детьми). Выяснилось, в частности, что перед женщинами стоят те же задачи, но решаются они по-другому: женские мечты о будущем неоднородны (присутствуют различные варианты сочетания карьеры и замужества); отношения с наставниками и упрочение карьеры осложнены тем, что женщины не перестают числиться новичками в избранной области вплоть до достижения среднего возраста, тогда как мужчины достигают зрелости в сфере труда к концу перехода тридцатилетия.

Кроме того, выявлены гендерные различия в процессе переопределения жизненных целей – у мужчин сосредоточенность на работе и карьере не изменяется, хотя они могут сменить работу или образ жизни, женщины часто мечтают от сосредоточенности на карьере к сосредоточенности на семье.

Соответственно представления о будущем у мужчин значительно проще, женские мечты более разнородны, и им труднее достичь целей. Таким образом, дифференциация перехода по половому признаку состоит в том, что мужчины в большей степени пересматривают свои карьерные установки и способы их реализации, а женщины делают окончательный выбор между карьерой и семьей.

Интересна в этом отношении работа Г. Шихи, проведенная в рамках концептуальных подходов Д. Левинсона. Он отмечает переход 28–32 лет, в котором наиболее ярко идут процессы по переоценке жизненных ценностей, целей, окончательно решаются конфликты юношеского периода, идет поиск места в обществе взрослых и приобретаются новые обязанности.

Как Д. Левинсон, так и Г. Шихи считают, что именно от успешности преодоления кризиса тридцати лет зависит адаптация и успешное развитие в следующее десятилетие – период середины жизни.

Б. Ливехуд описывает этот переход как фазу, которая начинается в конце двадцатых годов и продолжается до середины тридцатых, имеет совершенно иной характер, чем предыдущая. Юность прошла, началась серьезная жизнь, к которой человек готовился. Стабильность проявляется в различных областях. Профессию больше не меняют, теперь речь идет о том, чтобы добиться определенных условий, которые могут обеспечить продвижение или, по крайней мере, выполнение широко задуманной задачи. В решении этих задач все меньше руководствуются эмоциями, экспансивность еще присутствует, но рассудок, расчет преобладает. Примерно в тридцать лет подводят первые, итоги, знают, что могут, что дается с трудом, а чего, вероятно, никогда не сумеют сделать. В двадцатых годах можно было пробовать и проверять свои надежды и желания, после тридцати важно осознанное планирование дел и дальнейшего хода жизни.

Согласно Б. Ливехуду ощущения неудовлетворенности жизнью впервые возникают в конце тридцатых – начале сороковых годов. Пока еще мир существует для того, чтобы взяться за него и изменить. Человек сделал свой выбор и готов извлечь из него последствия. Облик психической личности становится отчетливее и приобретает более ясные контуры. Личность осознает себя и считает, что так и будет продолжаться. Впрочем, велика опасность ожесточиться и стать эгоистом. Люди среднего возраста углубляются в свою работу и таким образом сами готовят себе социальную изоляцию. Новых друзей больше не находят, есть знакомые, с которыми общаются, главным образом «полезные знакомые». Интересуются политикой, становятся либо сами политически активными, либо поддерживают хорошую и логичную программу. (Б. Ливехуд, 1994.С.70).

В теории со-бытийности (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 1991) кризис 27–33 лет рассматривается как один из кульминационных моментов в развитии, когда заканчивается освоение новых способов взаимодействия и начинается развитие индивида внутри общности. Этот кризис связывается с построением нового мировоззрения.

Как кризисный, обусловленный сменой периодов функционального и социального развития, определяют возраст 32–35 лет В.А. Ганзен и Л.А. Головей.

Как кризисный, характеризует период 30–35 лет Э. Коуэн. В данном возрасте происходит смена оценок, привязанностей и принятых обязательств, продолжаются изменения родительской роли, а также происходит переоценка значимости людей. При этом к ресурсам данного возраста (основным способам изменений) автор относит переоценку и обновление решений, касающихся отношений, карьеры, стиля жизни; знания и навыки организации широкой помощи. Характеризуя возможные результаты выхода из кризиса, Э. Коуэн отмечает, что в случае положительного прохождения кризиса (решения основных задач развития за счет использования ресурсов) человек приобретает так называемое «обновление», т.е. ощущение возможности достижения «мечты» и как результат вдохновение. Отрицательным же полюсом выхода из кризиса является – отстраненность. Ключевыми направлениями развития в данном возрасте являются семья, работа и дружеские связи.

Таким образом, возраст около тридцати лет рассматривается как кризис развития личности, связанный с объективными изменениями системы отношений (подрастание детей, самореализация в профессиональной деятельности). Этот период требует особых усилий личности, направленных на переоценку своей жизни и выбор дальнейшей жизненной стратегии, период, ведущий либо к появлению перспектив в дальнейшей самореализации, укреплении своей жизненной позиции, либо к отчуждению. Это время, когда нужно подвести итоги первого стабильного периода зрелости, где произошло соединение смыслообразующих линий развития и их реальное становление – профессиональной (карьерной) и семейной (супружество и родительство). Теперь нужна интеграция этих линий и определение дальнейших путей развития новой целостной системы Я. С точки зрения сложившейся личности, которая переосмысливает мир внешний и внутренний должно быть принято решение как, в каких направлениях двигаться дальше. Этот кризис в некотором смысле сходен с кризисами мировоззрения в детстве (по Д.Б. Эльконину). Внутренняя работа, связанная с пересмотром планов, определением новых путей происходит подчас незаметно для внешнего наблюдателя и потому, возможно, многие исследователи рассматривают его как протекающий относительно спокойно внешне. Однако, переживания, связанные с прохождением этого кризиса, очень сильны и неоднозначны. Внутренние сомнения заставляют обращаться снова и снова к своим достижениям, искать новые возможности реализовать свой потенциал.

Проиллюстрируем содержание переживаний, связанных с кризисом перехода к ранней взрослости, описываемых клиентами во время психологических консультаций.

Пример 2. мужчина 33 лет:

*М.А. (м.33 г.) на консультации у психолога: «В последние полгода я чувствую себя пустым. Не опустошенным, а просто пустым. Нет, конечно, что-то есть, есть достижения, есть успехи. Но я не понимаю **что** они для меня... Для чего я живу? Я отец – у меня двое детей. Я с ними в очень хороших отношениях. Я вижу, как они растут, стараюсь, чтобы они не повторяли моих ошибок. Много*

времени провожу с ними – общаюсь со старшим (ему 13л.), играю с маленьким (ему 5л.). Семья, в общем, состоялась. На работе меня ценят, я и сам знаю, **что** я значу там. Я знаю: где я – как все, а где без меня просто не будет таких результатов. Но я все время думаю, что не реализовался полностью. У меня очень хорошее образование – я закончил престижный вуз, один из лучших в стране. На встрече с сокурсниками узнал, что очень многие в первых эшелонах бизнеса и политики сейчас. Мне как будто не хватает чего-то для целостности, надо что-то заполнить, что-то понять...».

Пример 2. женщина 29 лет:

И.В. (ж.29 л.) на консультации у психолога: «Я все чаще думаю сейчас, что не только в семье я могу реализоваться. Хотя и работа – это тоже не то, что может полностью захватить. Вернее, и то и другое очень важно в моей жизни. Я привыкла, что дома я – хозяйка, мама, жена – и это все должно быть по максимуму. На работе – я тоже выкладываюсь. Но чего-то не хватает для себя – это не развлечения, не друзья – не в этом дело. Мне кажется, что я остановилась в развитии, начала толстеть, даже буквально... вообще, ощущение такое, что застряла... Я даже на тренинги стала ходить, чтобы понять себя, узнать чего же я хочу на самом деле...».

Итак, кризис тридцати лет – время первого серьезного итога реализации своей жизненной программы, планов и надежд. К тридцати годам человек адаптируется к профессиональной деятельности, активность (но не продуктивность) немного спадает, появляется материал для оценки уже сделанного и того, что еще предстоит сделать. При осознании наличия каких-либо ошибок в своей жизни, либо отсутствия значительных достижений, может возникнуть ощущение неудовлетворенности жизнью или отдельными ее аспектами, ощущение ненужности и неуверенности в себе. Открытие человеком своей неудачи заставляет его переориентироваться и искать возможности для изменений. Отмечается попытка доказать всем и самому себе случайность, кратковременность открытого факта ошибки или недостижения. Эти попытки часто связаны со сменой профессии, получением другого образования, разводом.

Хотя существует понимание, что тяжесть переживаний во время кризиса является следствием недостаточной подготовки личности к жизни и деятельности, а также недостаточно благополучно прошедшей эпохи самоопределения [Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю., 1981; Донченко Е.А., Титаренко Т.М., 1987; Шихи Г., 1999; Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 2000; Хухлаева О.В., 2002], заметим, что подобные переживания свойственны большинству людей, хотя бы в силу того, что просто невозможно представить себе нормального человека, который был бы абсолютно удовлетворен пройденным этапом – всегда есть место сомнениям, ошибкам, недовольству.

Несмотря на то, что этот кризис связывают с внутренним самоопределением, есть данные, что существует особая зависимость между этим возрастом и склонностью к внешним конфликтам, отмечается пик профессиональной и

географической мобильности, увеличение доли нарушителей правопорядка среди тридцатилетних людей [Томе Г., 1978].

Итак, наиболее яркими признаками кризиса тридцатилетия являются: разочарование, возникающее при сравнении планов юности и реальных достижений; желание заняться чем-то более значимым, изменить жизненные цели и приоритеты; желание начать что-то заново, чтобы исправить «ошибки молодости»; страх приближения к середине жизни; стремление понять себя, свое настоящее предназначение.

Все это подчеркивает особый переходный характер данного кризиса. С одной стороны, очевидна преемственность предыдущего этапа – молодости и последующего – средней взрослости в объективном плане. С другой стороны, в субъективном плане тоже очевидны черты переходности: оценка результатов предшествующего этапа, пересмотр основных задач и переопределение жизненных целей. Тем не менее, определение содержания данного кризиса требует специально организованного экспериментального исследования динамики проживания кризиса, новообразований, необходимых для дальнейшего развития в соответствии с задачами следующего этапа. Этап 30–40 лет является стабильным этапом в развитии взрослого человека. Этот этап принято называть средним возрастом или средней взрослостью. Кризис тридцати лет, поэтому будем называть кризисом перехода к средней взрослости.

Кризис сорока лет. Середина жизни в психологии рассматривается как время, когда люди снова критически переоценивают свою жизнь, анализируют ее, в связи с чем, возникают чувства удовлетворенности или неудовлетворенности. Кризис сорокалетия называют «десятилетием роковой черты», кризисом середины жизни, который охватывает период 37–45 лет, характеризуя его, часто цитируют Данте: «Земную жизнь дойдя до половины, я очутился в сумрачном лесу».

Братусь Б.С. среди периодов жизни, с прохождением которых наиболее часто связаны личностные сдвиги, выделяет период 40–45 лет. И отмечает в качестве наиболее яркого проявления кризиса – *переживание человеком, осознание угнетающего расхождения между Я-реальным и Я-идеальным, между желаемым и возможным.* Первыми признаками такого изменения Б.С. Братусь считает малозаметное поначалу изменение отношения к предметам, людям и ситуациям. Здесь происходят переходы к иным мотивационным путям, к иной смысловой ориентации основных видов деятельности.

В.А. Ганзен и Л.А. Головей внутри второго периода взрослости выделяют пограничный возраст между двумя фазами – 40 лет и отмечают происходящие сдвиги на всех уровнях: морфологическом уровне – стирание и выпадение зубов, значительная облитерация черепных швов; на физиологическом уровне – менопауза, снижение мышечной силы, жизненной энергии; на психологическом уровне: снижение в освоении специальных и социальных ролей, ослабление внутрисемейных связей.

В.Ф. Моргун и Н.Ю. Ткачева возраст около 40 лет характеризуют как кризисный этап, связанный с осознанием утраты молодости и переходом к зрелости (этап зрелости приходится на 40–55 лет) – вершине жизненного пути личности, связанной с достижением профессионального мастерства и положения в обществе; ведущая деятельность на этом этапе определяется потребностью в передаче опыта и часто воплощается в коллективном творчестве.

Западные исследователи характеризуют этот кризис как взрыв, когда возникает ощущение, что жизнь проходит зря, появляются признаки утраты молодости и ухудшения физического состояния, здоровья. Подобные противоречия осознаются человеком как угнетающие противоречия между Я-реальным и Я-идеальным, между областью наличного и областью возможного, желаемого [Д. Левинсон, Г. Томе; Г. Шихи].

Г.Томе отмечает различные формы изменения личности в среднем возрасте, такие как «возрастающая приспособляемость и целостность» и «возрастающая склонность к депрессии» [Томе Г., 1978, С. 188].

Хотя любой кризис в определенной степени вызывает фрустрацию смысла (прошлого, настоящего или будущего), именно кризис середины жизни определяется как экзистенциальный кризис – он связан с осознанием старости и приближением смерти, поэтому здесь очень остро встают вопросы смысла жизни [Франкл В., 1999]. К. Юнг считал, что в середине жизни (по Юнгу в 35–45 лет), человек должен перейти от «экстенсивной к интенсивной позиции», от стремления к завоеванию жизненного пространства к концентрации на своей «самости» [Юнг К., 1997].

Длительность этого переходного периода может достигать нескольких лет. Для большинства людей в период, предшествующий непосредственно началу сороковых лет, отношение к жизни и уверенность в себе, завоеванные в первой половине тридцатых годов, продолжают существовать в неизменном виде. «Я знаю, что следует наверстать, романтика двадцатых годов позади, я стал реалистом, в этом мире важно лишь то, что я могу, нужно подняться достаточно высоко, чтобы реализовать то, что я могу и знаю», «Я спланировал свое будущее», «Я знаю пределы своих возможностей, поостерегусь их превышать» – типичные признания людей переживающих кризис сорока лет. В них, с одной стороны, слышна уверенность, знание себя и своих ресурсов, с другой, – многие признаются, что в надежный и спланированный мир все чаще прокрадываются сомнения.

Ярко и содержательно описывает этот период Б. Ливехуд: «...просыпаешься ночью и не можешь больше уснуть, в голове проходят события дня. ...потом наступает полусон и вдруг кошмарное представление: «Мне уже почти сорок, мне еще 25 лет до пенсии. Бог мой еще 25 лет одно и то же! Я же знаю, что не могу больше ожидать ничего нового, самое большее – те же проблемы, но с другой стороны. Откуда должно появиться что-то действительно новое? В моем браке? Ну да, знаем друг друга, дела идут не хуже, чем повсюду, но что-то новое в этом браке? В моей работе? Я же знаю, чего там следует ожидать, во всяком случае, не много нового! Откуда же тогда оно должно появиться? Начать новое хобби? Или

купить парусную лодку, пригодную для плавания в открытом море?» На следующий день все проходит и жизнь идет своим обычным ходом» (Б. Ливехуд, 1994, С71). Говоря об изменении, казалось устойчивой, но пошатнувшейся в кризисе системы ценностей, Б.Ливехуд указывает на проблему, с которой сталкиваются многие в среднем возрасте: не пытаюсь разрешить внутренние конфликты, убегают от них тем или иным способом: «...если теперь вся система пошатнулась, если цель, к которой человек стремился и которая казалась такой желанной, вдруг стала пустой и ничего не говорящей, если больше не может быть удовлетворения, которое она обещала, тогда – да, тогда действительно теряют почву под ногами! Страх перед этой пропастью может быть снова отодвинут в бессознательное как угрожающий призрак, где он может сохраняться несколько лет. Но его можно просто преодолеть, беря все больше работы, выпивая рюмку крепкого шнапса, занимаясь поисками эротических приключений или одурманивая себя в полусне телевидением... Но страх, отодвигаемый в сферу бессознательного, остается активным» (там же, С.73). Заново обрести ценности существования – вот единственное разрешение данного нормативного кризиса, согласно Б. Ливехуду.

Дж.Холлис описывает кризис середины жизни в Юнгианской парадигме. Его работа «Перевал в середине пути. Кризис среднего возраста» начинается вопросами: «Почему в среднем возрасте многим из нас становится так плохо? Почему именно в этот период нашей жизни? Почему мы называем его кризисом? В чем заключается смысл этого кризиса?

Он считает, что в период кризиса среднего возраста появляется возможность пересмотреть свою жизнь и задать себе вопрос, который иногда очень страшен, но всегда приносит облегчение: «Кто я отдельно от своей биографии и ролей, которые я исполняю?». Если человек открывает, что жил формируя и укрепляя свое ложное Я, что отыгрывал свою временную взрослость, увлеченный далекими от реальности ожиданиями, – это приводит к возможности второго взросления и достижения настоящей личностной зрелости, – так считает Дж. Холлис.

«Перевал в середине пути – это возможность переопределения и переориентации личности, переходный ритуал между продолжением подросткового периода на стадии «первой взрослости» и неизбежным наступлением старости и близости смерти. Те, кто осознанно проходят через этот перевал, ощущают, что их жизнь стала более значимой. Те, у кого такой переход происходит бессознательно, так и остаются в плену своего детства, независимо от того успеха, которого они могут достичь в результате своей активности» (Б. Ливехуд, 1994).

Период сорокалетия по мнению многих авторов связан со следующими переживаниями: переживание убывания физических сил и привлекательности; осознание расхождения между мечтами, жизненными целями и действительностью (недостаточная реализованность, снижение удовлетворенности); переживание невозможности что-то изменить в жизни, так как время уходит; страх не успеть реализоваться, проявить себя в полную силу; понимание, что неоткуда ждать новизны. Исходя из перечисленных признаков,

можно отметить, что кризисы тридцатилетия и во многом связаны с восприятием и оценкой жизненного пути и времени.

Однако в кризисе тридцати лет человек находится под влиянием своих надежд и планов, принятых еще в юности. Он анализирует достигнутое и обращается к своим ресурсам с тем, чтобы найти возможности для реализации своих широких планов, уточняет цели и пути их достижения. В кризисе сорока лет человек пересматривает свою жизнь с точки зрения личностных смыслов.

Кризис середины жизни, по мнению Дж. Холлиса, большинство людей проходят с хорошо узнаваемым паттерном. Этот «перевал в середине пути» открывает поразительную перспективу, которая зачастую связана с болезненными ощущениями. Анализируя процесс обретения «своего Я», его причины и содержание, а также изменения и установки, которые движут человеком в кризисе середины жизни, Дж. Холлис раскрывает суть кризиса через изменение отношений «Я» и обязательств, принимаемых человеком по отношению к другим людям, через отказ от «навязанной идентичности и обретение действительно своей новой идентичности.

Рассмотрим в качестве иллюстрации рассказ женщины, проживающей нормативный кризис середины жизни, о своих переживаниях, актуализированных в визуализации жизненного пути.

Л.Л. (ж 39) на консультации у психолога. «В последнее время я как-то особенно много думаю о том, что впереди. Я представляю сейчас себя на вершине горы, как будто после длительного, но приятного восхождения достигла желаемой вершины. Я чувствую усталость от темпа. Я знаю, что позади, но мне интереснее, что впереди. А там огромный простор – луг, реки, тропинки, дороги... я будто собираюсь выбрать по какой пойти. Мне важно отдохнуть, собраться с силами и понять где же моя дорога. Самое интересное, что они все идут в одном направлении, я даже смутно различаю их до линии горизонта... но сверху не видно какие из них «в проезжем состоянии», а какие – заросли или покрыты буреломом... Мне надо решить как я буду двигаться – пешком или на машине или верхом... а, может, вплавь... Я только понимаю, что не хочу, чтобы дорога делала выбор за меня, т.е. не хочу сначала оказаться на ней, а уж потом подбирать амуницию... Хочу сначала понять как Я САМА хотела бы двигаться...»

В этом интервью переданы основные переживания, свойственные людям в данном кризисе: образ вершины, как перевала и известной в общих чертах перспективы жизненного пути; поиск и уточнение дальнейшего направления движения, уверенность в том, что выбор нужно сделать самостоятельно.

Итак, кризис сорока лет или середины жизни связан, по-видимому, с разотождествлением – освобождением личности от влияния других людей, когда-то значимых, помогающих определить путь развития в первой половине жизни (родителей, учителей, наставников, друзей, героев – идеалов) и установить собственную идентичность, которая, конечно же, не строится на пустом месте,

происходит ревизия ценностей и переоценка смыслов. Здесь важно принять осознанное решение от лица своего истинного «Я», ответить себе на вопрос: «так кто же я без ролей и навязанных кем-то ценностей?». Снова происходит переопределение жизненных целей, важно обнаружить пути достижения этих целей, но, что особенно важно – это определение *собственных желаний, потребностей и ресурсов личности – определение смыслов жизни.*

В связи с тем, что в кризисе сорока лет переопределяется смысл жизни и перспективы дальнейшего развития, будем называть этот кризис кризисом перехода к зрелости, т.к. следующий этап, возрастные границы которого обозначают 40–55(60)г. связан с достижением зрелости.

Описания и факты показывают, что кризис перехода к зрелости имеет как общие с кризисами перехода к молодости и перехода к средней зрелости признаки, так и отличные – особые.

К общему следует отнести: 1) переходный характер между стабильными стадиями – разрыв равномерного развития и непрерывность онтогенеза; 2) сходные динамические фазы внутри кризиса: обнаружение несоответствия внешней и внутренней, идеальной и реальной формы; разочарование; поиск выхода из неопределенности и фрустрации; пересмотр целей и возможностей обретения нового в собственной индивидуальности.

К различиям в содержании рассмотренных кризисов зрелости следует отнести, в первую очередь, различные задачи развития, специфические для каждого возраста, широту и направленность целей, которые переопределяет для себя человек при выходе из нормативного кризиса.

В целом, обзор литературы по проблеме позволяет выделить ряд специфических особенностей общих для кризисов периода зрелости.

Возрастные кризисы взрослого периода развития проходят достаточно осознанно и менее очевидно для непосвященных окружающих, интериоризированно, чем во многом обусловлена их малая изученность [Братусь Б.С., 1980];

Возникают реже, чем в детстве – с большим временным разрывом (около 10 лет). [Братусь Б.С., 1980];

Не столь строго привязаны к хронологическому возрасту, т.к. во зрелости наряду с возрастной линией развития, появляется «индивидуальная линия жизни», собственно жизненный путь, которая может по-разному соотноситься с онтогенетическим развитием (Ананьев Б.Г., Логинова Н.А., Братусь Б.С., Слободчиков В.И., Исаев Е.И., Поливанова К.Н., Крайг Г., Манукян В.Р.).

Вместе с тем, «хронологический возраст функционирует как один из социальных регуляторов» [Ананьев Б.Г., 1980, С. 157], поэтому его необходимо рассматривать в связи с другими парциальными характеристиками: биологическим, интеллектуальным, социальным и психологическим возрастом.

В описании кризисов взрослого периода всегда центральное место уделяется пересмотру основных целей и жизненных ориентиров личности. Переориентация жизненных целей, смыслов – общая для кризисов зрелости характеристика, но

цели в каждом из рассматриваемых кризисов различаются.

В кризисе перехода к ранней взрослости (молодости) личность определяет для себя максимально возможные цели, далекие перспективы.

В кризисе перехода к средней взрослости, подводя первые итоги, анализируя собственные достижения на пути к поставленным в период перехода к молодости целям, человек ищет шансы исправить что-то, формулирует, в связи с этим, новые конкретные задачи, продумывает планы по их решению, координирует свое будущее в соответствии с конкретными замыслами, корректируя стратегии.

Кризис перехода к зрелости связан с обращением к внутреннему Я. Отказ от внешних ориентиров и обращение к внутренним ценностям – отличительная черта данного кризиса. В данном кризисе, формулируя новые цели, субъект согласуется с собственными желаниями, внутренними ресурсами. Поиски новых смыслов приводят через обращение к себе к более высоким ценностям, связанным с обретением духовности, гуманизма и т.д.

Кризисы взрослости различаются между собой и по интенсивности проявлений и переживаний: наиболее остро в этом смысле, проходят кризисы 21 и 40 лет – кризисы, охватывающие большинство разнообразных сфер личности (Ананьев Б.Г., 2001; Братусь Б.С., 1980; Левинсон Д., 1996; Степанова Е.И., 2000 и др.) и знаменующиеся вхождением в новую со-бытийную общность (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 2000). Заметим, что Д.Б. Эльконин, характеризуя кризисы отношений в контексте чередования возрастных кризисов детства, характеризовал их как наиболее острые и заметные для окружающих.

В описаниях кризисов взрослости в разных интерпретациях присутствует категория «система отношений». С переходами в новую систему отношений (общность) связывают многие исследователи начало нормативных кризисов этого периода. Это позволяет использовать категорию «социальная ситуация развития», принятую в культурно-исторической парадигме применительно к данным кризисам.

Выделяя кризис как разрыв в привычном течении жизни, обратимся к динамике переживаний, к динамике процесса проживания кризиса. Это позволит ответить на вопросы о содержании и причинах нормативных кризисов взрослости.

В разных описаниях кризисов идет речь о кардинальных изменениях личности, происходящих в результате кризиса, об острых переживаниях, сопровождающих кризисы развития. Исследовать и описать эти особенности возможно, обратившись к категориям «психологическая готовность» и «возрастные новообразования личности», которые требуют уточнения в контексте возрастных особенностей взрослого периода развития.

В связи с логикой нашего исследования и гипотезами относительно возможностей выделения и систематизации нормативных кризисов взрослости, а также с учетом методологических принципов культурно-исторической теории, следует рассмотреть теоретические положения – принципы данной парадигмы, уточнить ее основные положения в контексте применения к взрослому этапу онтогенеза. Для этого рассмотрим последовательно: структуру и содержание

социальной ситуации развития, понятие, динамику и особенности формирования возрастных новообразований, понятие идеальной формы развития и возрастные задачи развития. Данные категории разработаны в культурно-историческом подходе относительно детских возрастов и кризисов детства, но, вместе с тем, в различных контекстах используются и для описания изменений, происходящих во взрослые периоды. Рассмотрим, поэтому содержание данных категорий с позиции более широкого (в возрастном диапазоне) их применения и более полного, в связи с этим, определения.

Учитывая все возрастающую роль субъективных факторов в динамических процессах на этапах взрослого развития, рассмотрим и такие важные понятия, которыми оперирует психология личности, описывая варианты развития личности как: эго-идентичность, жизненный путь личности, система ценностей. Рассмотрим связь этих явлений с представлениями о времени, динамику этих представлений в стабильные и кризисные периоды. Определим, как может изменяться структура личности, представленная в данных категориях, в связи с кризисами перехода на различные этапы взрослого периода жизни.

3.2. Феномен, структура и динамика нормативного кризиса развития в логике культурно-исторического подхода

Нормативный кризис развития (возрастной кризис) исследуется достаточно активно в детской психологии. Л.С. Выготский, вслед за П.П. Блонским отмечал, что кризисные периоды в детском развитии открыты эмпирическим путем. «Указанные периоды с чисто внешней стороны характеризуются чертами, противоположными устойчивым или стабильным возрастам. В этих периодах на протяжении относительно короткого времени (несколько месяцев, год или самое большее два) сосредоточены резкие и капитальные сдвиги и смещения, изменения и переломы в личности ребенка... Развитие принимает бурный, стремительный, иногда катастрофический характер... Это поворотные пункты в детском развитии, принимающем иногда форму острого кризиса» [Выготский Л.С., 19846, С. 249]. Л.С. Выготский выделил такие характеристики кризисных периодов как неотчетливость границ кризиса, конфликтность и трудновоспитуемость ребенка. Он подчеркивал негативный характер развития в критические периоды, понимая при этом не столько трудновоспитуемость ребенка, т.е. педагогическую трудность, сколько психологическую характеристику этих периодов онтогенеза – «затухание» прогрессивного развития и выдвигание на первый план процессов «отмирания и свертывания, распада и разложения того, что образовалось на предыдущей стадии развития» [Выготский Л.С., 19846, С. 249]. В целом возрастной кризис в культурно-исторической теории рассматривается как необходимый для нормального, поступательного хода личностного развития кульминационный момент, накапливаемых в стабильные периоды микроизменений.

Обобщая и уточняя разнообразные подходы к его исследованию в традициях культурно-исторической парадигмы, К.Н.Поливанова (1994, 2000) описывает его

как критический возраст, который наступает при обнаружении ребенком идеальной формы следующего возрастного периода. Открытие идеальной формы создает переходную социальную ситуацию развития, определяющуюся особым соотношением идеальной и реальной формы, где субъективация новообразования предшествующей возрастной стадии осуществляется в процессе превращения результативного действия в пробуемое. Возрастной кризис, разворачиваясь в логической последовательности *открытия новой идеальной формы, мифологизации, конфликта, рефлексии и разрешения*, завершается формированием новой социальной ситуации развития стабильного возраста.

Динамику и многогранность происходящих в кризисе изменений передают понятия, которые являются системообразующими в концепции нормативных кризисов детского развития: социальная ситуация развития, новообразование, субъективация новообразования, идеальная форма, конфликт, рефлексия, разрешение конфликта. Уточнение их содержания относительно нормативных кризисов взрослости – одна из задач данного исследования. Обратимся, в связи с этим, сначала к принятому в детской психологии пониманию данных категорий, введенных Л.С. Выготским и разрабатываемым его последователями, и попытаемся применить их к описанию динамики взрослых возрастов.

Анализируя основные теоретические подходы к пониманию нормативного кризиса в культурно-исторической парадигме, его содержание и динамику, выделим основные параметры – категориальный аппарат, описывающий кризис как системное явление.

Социальная ситуация развития – наиболее значимое понятие в ряду основных категорий нормативного кризиса развития. Роль ее в психическом развитии определяется ведущей – именно в социальной ситуации, понимаемой как система уникальных для данного возраста отношений (объективных и субъективных) и только в ней возможно развитие личности.

Особая роль в теории кризисов психического развития принадлежит понятию *новообразования*. Под возрастными новообразованиями принято понимать определенный, новый тип строения личности и ее деятельности, те психологические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в основном определяют сознание развивающейся личности, ее отношение к среде, ее внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход развития в данный период.

Понятие *психологической готовности* – еще одна важная категория в психологии кризисов. Теоретический анализ и обширные материалы эмпирических исследований позволяют представить психологическую готовность к переходу на новый этап онтогенеза психологическим феноменом критических периодов, функционирующим как особое интегральное личностное образование, развитие которого обусловлено общими закономерностями, характеризующими эти периоды.

Понятие *идеальной формы* принадлежит к центральным, смыслообразующим понятиям системного описания возрастного или нормативного кризиса психического развития в культурно-исторической парадигме. Обращаясь к

особенностям возрастной динамики психики в детских возрастах, представители этого направления используют это понятие для обозначения образа будущего развивающегося человека. Идеальная форма как образ будущего существует в культуре, она первична даже по отношению к представлениям личности о своем будущем, поскольку задана в определенных объектах, смыслах и других содержаниях в виде возрастных задач. Роль идеальной формы своеобразна – именно она, вступая в противоречие с актуальной формой (наличествующими возможностями, отношениями, психологической реальностью субъекта), провоцирует конфликт и развивает нормативный кризис.

Рассмотрим подробно содержание и роль каждого выделенного понятия в логике развития в период нормативного кризиса. Определим в соответствии с задачами нашего исследования, возможность применения этих категорий для описания кризисов взрослости. В связи с этим:

- определим единство качественных преобразований системы отношений развивающейся личности на разных этапах взрослости и перехода к взрослости как центрообразующее в содержании психологической готовности к переходу на новый этап возрастного развития;

- рассмотрим фазы кризиса – предкритическую, собственно критическую, посткритическую – как уровни развития психологической готовности личности к переходу на следующий возрастной этап, каждый из которых определяется особой структурой отношений;

- определим связь задач развития и соотношение идеальной и реальной форм развития в нормативном кризисе;

- представим функционирование психологической готовности как новообразования кризиса с позиции специфики каждой фазы кризиса и реализации преобразованной системы отношений в условиях новой социальной ситуации развития.

3.2.1. Социальная ситуация развития как критерий периодизации взрослости и исследования нормативного кризиса развития

Включая кризисы в общую схему детского развития, Л.С. Выготский выдвинул психологические критерии возрастной периодизации: *новообразования возрастных периодов* и *переходов* и *особенности чередования устойчивых и критических периодов* на основе *изменения социальной ситуации развития* и *возрастных новообразований* [Л.С. Выготский, 1972].

Согласно учению Л.С. Выготского социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение возрастного периода. Она целиком и полностью определяет те формы и тот путь, благодаря которому индивид приобретает новые свойства личности, черпая их из социальной действительности, как из основного источника развития, тот путь, на котором социальное становится индивидуальным. Таким образом, понятие социальной ситуации развития было введено для обозначения источника развития ребенка.

Вслед за Л.С. Выготским мы полагаем, что социальная ситуация – это уникальная система отношений, в которую вступает человек на каждом этапе своего развития и эта система определяет его развитие.

Социальная ситуация развития ставит перед субъектом на каждом возрастном этапе специфические задачи развития, разрешение которых и составляет содержание психического развития в данном возрасте. Согласно Д.Б. Эльконину скачкообразное изменение социальной ситуации развития выступает одним из существенных компонентов возрастных кризисов развития. Достижения психического развития ребенка постепенно приходят в противоречие со старой социальной ситуацией развития, что приводит к слому прежних и построению новых отношений с социальной средой, а, следовательно, к новой социальной ситуации развития. Вновь возникшее противоречие между новыми, более высокими социальными ожиданиями и требованиями к ребенку и его возможностями, разрешается путем опережающего развития соответствующих психологических способностей (Д.Б. Эльконин, 1989).

Выступая как отношения между человеком и его социальным окружением, социальная ситуация развития предполагает активность самого человека в построении этих отношений. Критерием отношений личности и среды в развитии, воплощающей активно-действенную позицию субъекта, Л.С. Выготский считал переживание. Под переживанием понималось «внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности» (Л.С. Выготский, 2000, с 994). Характер и содержание переживания определяет, какое именно влияние на развитие оказывает та или иная характеристика среды. Другими словами, «..среда определяет развитие ребенка через переживание среды. ...отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка» (Л.С. Выготский, 2000, с.995).

Социальная ситуация развития, согласно Л.С. Выготскому, определяет весь образ жизни развивающегося человека, его социальное бытие, особенности его сознания. Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических преобразований возраста, основу психического развития, поскольку социальное бытие необходимо определяет развитие сознания и формирование основных психологических новообразований возраста. Не будучи ничем иным как системой отношений между ребенком и социальной действительностью, социальная ситуация развития, по словам Л.С. Выготского, по мере развития ребенка на возрастной ступени распадается, отражая в своей трансформации новые достижения ребенка и подготавливая в основных чертах новую социальную ситуацию развития.

Социальная ситуация развития включает объективный и субъективный аспект. Объективный аспект указывает на место личности в системе социальных отношений, он включает в себя различные объективные сферы взаимоотношений личности с социумом. Субъективный аспект определяет внутреннюю позицию личности, которая связана с развитием самосознания и самооценки, а также переживанием своих отношений.

Значительный вклад в развитие представлений о структуре социальной ситуации развития был сделан Л.И. Божович. Вслед за Л.С. Выготским, она выделила *объективный и субъективный* аспекты социальной ситуации развития. Объективный аспект – это «определенное место в системе доступных ребенку общественных отношений, которые характеризуются известной системой прав и обязанностей ребенка определенными требованиями к его поведению и деятельности, определенными социальными ожиданиями и санкциями» (Л.И. Божович, 1995, с 189), имеющими социокультурный генезис. Социокультурные ожидания, требования и предписания, имеют историческую природу и вырабатываются обществом в соответствии с образом детства и культурными представлениями о возрастнo-психологических особенностях ребенка.

Здесь важно отметить, что социокультурные ожидания как нормативные критерии вырабатываются в культуре не только относительно детства, каждому возрасту приписываются определенные жизненные и возрастные задачи, которые связаны с такими элементами культуры, как возрастные стереотипы, возрастные обряды, возрастная субкультура (И.С. Кон, 1988, Бочаров В.В., 2000). **Это значит, что переход взрослого человека из одного возраста в другой тоже сопряжен с изменением, по крайней мере, объективной стороны социальной ситуации развития.**

Наряду с объективным местом ребенка в системе социальных отношений (социальной позицией), при анализе социальной ситуации развития обычно учитывается ее субъективный аспект – внутренняя позиция ребенка, отражающая его отношение к собственной объективной социальной позиции, преломленное системой потребностей и мотивов. Внутренняя позиция – понятие, введенное для обозначения психологической структуры, выражающей активно-действенную позицию ребенка в отношении социальной действительности. Под внутренней позицией Л И Божович понимала систему внутренних факторов, преломляющую и опосредствующую воздействия среды и определяющую то, как ребенок относится к своей объективной позиции в обществе, которую он фактически занимает или хотел бы занимать. *Фактического изменения социальной позиции ребенка недостаточно для изменения направленности и содержания развития, необходимо, чтобы эта новая позиция была принята и осмыслена самим субъектом.*

Внутренняя позиция, согласно взглядам Л.И Божович, специфична для каждой возрастной стадии развития ребенка, «обуславливает характер его переживаний, систему его отношений к действительности и таким образом создает единство и целостность его возрастного психологического облика» (Божович Л.И., 1995, с 189). Внутренняя позиция является новообразованием конца дошкольного возраста – кризиса 7 лет, и ее формирование знаменует переломный момент в развитии личности. Генезис внутренней позиции связан с развитием способности ребенка к осознанию себя сначала как субъекта действия, а затем как социального субъекта, с осознанием своего Я и возникновением на этой основе целостного отношения к окружающему миру, людям и самому себе.

Среди психологов, рассматривающих возрастное развитие, закрепилось мнение, что *существуют качественные различия внутренней позиции личности* в детском и зрелом возрасте. В детском возрасте внутренняя позиция определяется преимущественно возрастными, а не индивидуальными особенностями ребенка и, в силу этого, носит скорее возрастно-нормативный характер. В зрелом возрасте внутренняя позиция личности приобретает больше индивидуальных черт, сохраняя, тем не менее, нормативно-возрастные особенности. Такое утверждение вполне обосновано, тем более что личность, как принято понимать ее в культурно-исторической парадигме «...имеет более узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. Мы не причисляем сюда всех признаков индивидуальности, отличающих ее от ряда других индивидуальностей, составляющих ее своеобразие или относящих ее к тому или иному определенному типу. Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития...» (Л.С. Выготский, 2000, С. 745).

Внутренняя позиция зрелой личности основывается на самоопределении личности, т.е. на «понимании самого себя, своих возможностей и стремлений, понимании своего места в человеческом обществе и своего назначения в жизни» (Л.И. Божович, 1995, с. 244). В подростковом возрасте самоопределение носит предварительный, а в зрелом возрасте подлинный характер. По мнению Л.И. Божович, внутренняя позиция личности связана с развитием самосознания.

Добавим к этому, что система возрастных социально-психологических экспектаций и санкций, определяющих социальный возраст, обязательно связана с пониманием места в человеческом обществе, с самосознанием, а, следовательно, **влияет на изменение субъективной составляющей социальной ситуации развития.**

Согласно Л.С. Выготскому, социальная ситуация развития включает «ближайшие» и «далекие» отношения ребенка к обществу, т.е. два плана отношений отношения «ребенок – общественный взрослый», как представитель социальных требований, норм, и общественных смыслов деятельности, отношения «ребенок – близкий взрослый и сверстник», реализующий индивидуально-личностные отношения. Возрастно-нормативное содержание социальной ситуации развития, как в плане «далеких», так и в плане «ближайших» отношений стало предметом всестороннего глубокого анализа в работах Д.Б. Эльконина (1978, 1989), В.В. Давыдова (1986, 1981), М.И. Лисиной (1986), Д.И. Фельдштейна (1985, 1989), Л.Ф. Обуховой (1995), Г.А. Цукерман (1992, 1995), В.С. Мухиной (1980, 1985, 1987), К.Н. Поливановой (1994, 2000), В.И. Слободчикова (1994). Разрабатываемая в возрастной психологии категория социальной ситуации развития, включает разнообразные сферы взаимоотношений. Исследование влияния микросоциальной ситуации развития, определяемой особенностями семейного типа воспитания, состава семьи и позиции ребенка в семье и образовательном учреждении на развитие ребенка стало предметом теоретического и экспериментального исследования в работах И.В. Дубровиной (1990),

А.М. Прихожан (2000, 1990) В.С. Мухиной (1985), Л.Ф. Обуховой (1995), Е.Е. Кравцовой (1991), А.Л. Венгером (1988, 1993), Э.Г. Эйдемиллером и В. Юстицкисом (1999), Э. Хьюеш (1987), Сапоговой Е.Е. (1986) и др.

Роль интимных, дружеских, супружеских, детско-родительских отношений (микро- и мезо-уровни) изучается в многообразных теориях личности; влияние культуры, в том числе, в историческом контексте, достижений науки, искусства, общественных норм, культурных революций и экономических потрясений и т.п. (экзо- и макро-уровни) широко представлены в кросскультурных исследованиях, в социальной, экзистенциальной психологии, в социологии, социальной антропологии и др.

Эти отношения описываются в терминах места, связей, функций (объективная сторона системы отношений или социальной ситуации) и в терминах когнитивных и аффективных переживаний, внутренней позиции личности (субъективная сторона системы отношений или социальной ситуации).

Роль макро-, мезо- и экзо-систем (У. Бронфенбреннер), оказываемая на развитие личности существенно расширяет взгляд на содержание и динамику социальной ситуации развития. Расширяя понятие социальной ситуации до системной, многоуровневой, динамичной структуры, можно приложить его к пониманию процессов развития личности в периоды после детства. Личность в юности, взрослости и старости, включена в разнообразные системы отношений, которые оказывают влияние на разные ее подструктуры и на личность в целом.

Многообразное пространство отношений формирующейся личности в период кризиса динамично по стремительным качественным преобразованиям этих отношений и специфично по репрезентации в них различных сторон и компонентов действительности, в которой живет человек. Отношения выступают не только как особая характеристика психической связи индивида с действительностью представленной повсеместно, но имеют еще целый ряд особенностей, раскрывающих все богатство и разнообразие их представленности в личности. Эти особенности обозначены в психологии как спектральные «параметры» (В.Н. Мясищев, 1995), «измерения» (Б.Ф. Ломов, 1984) отношений. Базовыми параметрами являются модальность, интенсивность, широта и степень устойчивости отношений. Любое отношение, как положительное, так и отрицательное характеризуется определенной интенсивностью, которая не является некоторой постоянной для данной личности величиной. В ходе развития интенсивность отношений изменяется и можно выделить периоды нарастания (иногда очень резкого), интенсивности и падения. Устойчивость отношений проявляется по-разному, в одних случаях как ригидность, в других как принципиальность. Производным от базовых качественных характеристик отношений выступает параметр доминантности. Это представляет систему отношений как иерархию, в которой выделяются доминирующие. Ими становятся отношения, связанные с жизненными целями личности и ее ведущими мотивами, они являются наиболее интенсивными и характеризуют степень и направленность активности человека. Какое именно из всей системы отношений окажется доминирующим, зависит от конкретных условий развития личности, в том числе

и обусловленных возрастом.

Степень сознательности отношений характеризует зрелость личности, вовлекается ли личность в те или иные социальные процессы стихийно, или же она включается в них сознательно – в этом выражается ее позиция как общественного субъекта (Б.Ф. Ломов, 1984, С. 334–335).

Сформулируем в общем виде представление относительно содержания и динамики категории «социальная ситуация развития» для возрастного развития включая взрослые периоды.

Социальная ситуация развития имеет две стороны – объективную и субъективную, которые находятся в определенной динамике. В стабильном периоде развития социальная ситуация постепенно разрушается в связи с логикой развития. Кризис начинается с объективного открытия для человека новой социальной ситуации, которая задает человеку в общем виде идеальную форму будущего. Объективно включившись в новую систему отношений, человек все еще сохраняет старую субъективную систему отношений – это противоречие сохраняется на втором этапе течения кризиса. Кризис разрешается через адаптацию личности к новым условиям, а точнее, через интериоризацию – субъективное принятие новой системы отношений. Окончание нормативного кризиса знаменуется включением личности в новую систему отношений объективно и субъективно.

Встречаясь с приоткрывающимися перспективами новой социальной ситуации, предчувствуя новые возможности, человек испытывает противоречивые чувства. Противоречие задает интенсивное развитие эмоциональной и потребностно-мотивационной сферы. Именно это противоречие – объективно новой и субъективно старой системы отношений создают внутренний конфликт, который сопровождается мощными эмоциональными переживаниями, когнитивным диссонансом. Чтобы снять эти противоречия, как и ребенок, взрослый человек уже в дебюте кризиса начинает «тренироваться» в использовании новых умений и знаний, того нового, что общество уже «видит» в нем, ожидает, предвосхищая «форму», характерную для его следующего возрастного этапа.

На заключительном этапе – этапе выхода из кризиса – осуществляется адаптация развивающегося человека к новым отношениям. Встраиваясь в новую систему отношений, он структурирует и систематизирует свои умения, возможности. Интериоризация новой формы происходит и возможна лишь при совпадении с возможностями личности. Процесс интериоризации, принятия новой возрастной реальности знаменует окончание кризиса и вступление в новый возрастной этап. Здесь социальная ситуация развития уже не только объективно открыта, но *и субъективно принята личностью*. Новая личность (новая психологическая реальность) по-новому смотрит на мир, окружение и на себя в мире.

3.2.2. Новообразования психического развития. Новообразование возраста

Впервые понятие «новообразования» встречается в психологической литературе у К. Коффки (К. Коффка, 1925). Само определение психического развития как роста внутренних исходных целостных структур берет свое начало в гештальтпсихологии. К. Коффка исходит из общего определения психического развития, существующего в двух формах: развитие как рост или созревание; развитие как результат учения.

Если развитие как созревание есть усвершенствование структур, данных от рождения, то под учением К. Коффка понимает новое приобретение, т.е. новое образование, новое достижение, новое действие, которое выполняется субъектом действия в данной ситуации впервые, хотя и основывающееся на определенных, индивидуальных природных особенностях (задатках). Именно в процессе учения могут возникать новые достижения, новые психические образования, которые не предустановлены наследственностью и могут быть вызваны только в ходе учения (К. Коффка, 1925, С.29). В этом смысле учение предопределяет все, а именно – весь ход развития.

Развитие в целом основывается на противопоставлении этих двух форм как наследственного (рост) и приобретаемого, прижизненного (учение) факторов, идущих в общепсихическом развитии параллельно, относительно независимо друг от друга. «Мы говорим всегда о развитии в тех случаях, когда организм или один из его органов становится больше, объемнее, структурированнее, более работоспособным» (К. Коффка, 1925, С. 28). Хотя Коффка придает большое значение обучению как фактору среды, выступающему в качестве главной формы развития, он фактически пытается объединить теории среды и наследственности. Согласно представлениям Коффки, все структуры, как на уровне созревания, так и проявляющиеся в учении, изначально заданы, но если первые могут развиваться по своей независимой внутренней логике, то вторые – вызываются к жизни только в процессе учения. «Сущность психического развития представляется нам... не как соединение отдельных элементов, но как образование и усвершенствование структур» (К. Коффка, 1936, С. 236).

Понимание личностного новообразования как результата закономерных процессов развития на определенной возрастной ступени принято в культурно-исторической концепции психического развития (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, В.С. Мухина, Д.Б. Эльконин, К.Н. Поливанова и др.).

Однако не только в отечественной психологии, но и в зарубежных концепциях периодизации возрастного развития построены по принципу выделения центральных новообразований каждого возрастного периода. Идея выделения центральных новообразований, присущих различным возрастным стадиям, получила применение спустя несколько лет после работ Л.С. Выготского в психосоциальной теории развития Э. Эриксона. Важно то, что эта теория охватывает весь онтогенез. Содержание каждой из восьми стадий, охватывающих весь жизненный путь развивающегося человека, фокусируется вокруг центрального качества личности, являющегося результатом разрешения определенной «эволюционной задачи» в противоречивой борьбе между двумя противоположными полюсами. Это центральное качество личности определяет и

основную проблемную задачу социального развития. Если человек способен удовлетворить требования социума, носителя культурных ценностей и норм, то он входит здоровой личностью в следующую стадию. В противном случае конфликт остается неразрешенным, и в Эго встраивается негативный компонент. Так, в период юности (по Э. Эриксону: 12–20 лет) основные социальные требования связаны с вхождением в новые социальные общности и, соответственно, «примериванием» множества новых социальных ролей.

Неразрешенность данной проблемы выражается в кризисе идентичности, или ролевом смешении, когда человек не способен адекватно решать задачи следующих возрастных периодов – выбрать карьеру и продолжить образование, создать семью и т.д. На каждом возрастном этапе решается определенная задача обретения эго-идентичности. Так, например, положительным полюсом данной дилеммы на этапе юности является обретение человеком верности, как способности быть верным своим привязанностям и обещаниям, несмотря на неизбежные противоречия в его системе ценностей. Кризис не всегда находит разрешение в течение данной возрастной стадии, и основная дилемма между полюсами разрешения проблемы может снова появляться на последующих стадиях развития. В то же время положительное разрешение противоречия, являющегося предпосылкой вхождения здоровой личности в следующие стадии, не обязательно связано с приобретением положительного качества, например, чувства доверия в младенческом возрасте. Психическое здоровье связано, скорее, с благоприятным соотношением двух полюсов глобального доверия – недоверия в жизни индивидуума. Социализация – процесс в результате которого, развивающейся человек приобретает важные для жизни в данном социуме качества. «Жажда социального признания» является изначально человеческой потребностью, образуя важный психологический механизм включения человека в общество. Прохождение стадий неизбежно и закономерно, при этом у каждого человека, есть возможность разрешить не только актуальный кризис, но и предыдущий.

Отметим, что в теории Э. Эриксона качества, встраиваемые в личность в процессе возрастной динамики, *отождествляются с задачами возрастного развития*. Это положение вносит существенные дополнения, на наш взгляд, в понимание содержания онтогенеза.

Однако иную роль отводит новообразованиям культурно-историческая теория. Рассмотрим психические новообразования в терминах и логике показателей *уровня психического развития* индивида.

Как мы уже отмечали, развитие любого объекта предполагает его изменение, но не всякое изменение означает развитие. Объект может изменяться, не развиваясь при этом. Количественное изменение есть рост. Количественные изменения, т.е. явления роста, могут быть присущи и психическому развитию. Если главной характеристикой роста принять «процесс количественных изменений без изменений внутренней структуры и состава, входящих в нее элементов, без существенных изменений в структуре отдельных процессов» – в то же время некоторые периоды роста, накапливая эти изменения, приводят к

скачкам в линии роста и, в конечном итоге, – к сущностным изменениям, то развитие характеризуется, прежде всего, этими сущностными, качественными изменениями, появлением новообразований, новых механизмов, новых процессов, новых структур (Л.Ф. Обухова, 1995, 26). Основными признаками развития признаются дифференциация, расчленение бывшего ранее единым элемента; появление новых сторон, новых элементов в самом развитии; перестройка связей между сторонами объекта.

Развитие психики как качественно своеобразный тип ее функционирования означает «возникновение качественно новых психологических образований и переход психологической системы на новый уровень ее функционирования» (Л.И. Анцыферова, 1978, С.4). Развитие новых форм, новых структур, новых образований, происходит не сиюминутно, а в недрах предыдущих стадий развития на основе уже имеющихся структур путем их дальнейшей специализации, дробления, дифференциации.

«Каждая стадия развития характеризуется своими уникальными психологическими новообразованиями, которые, включаясь в состав генетически позднейших стадий, отнюдь не растворяются в них, а наоборот, существенно обогащаются, ибо новая, более сложная система наделяет своим системным качеством формы психики, поведения, деятельности, возникшие на предшествующих стадиях» (Л.И. Анцыферова, 1978, С. 9). Нет сомнения, что психическое новообразование – это некая реальность, суть которой и роль в развитии человека с одной стороны, ясна и общепризнанна, с другой стороны, как и многие понятия, используемые в культурно-исторической психологии, требует уточнения, в связи с активным развитием этой теории.

Понятие новообразований как «внутренних изменений самого развития со всеми поворотами в его течении» широко использовалось в культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С.Выготским. В качестве реального основания для построения подлинной периодизации психического развития человека выступили возрастные новообразования. Каждому возрасту присущи определенные характеристики, отражающие особенности развития психики на определенном этапе, при этом каждый возраст представляет собой целостную динамическую структуру, имеющую центральное новообразование, определяющее все психические особенности представителя данного возрастного периода. «Под возрастными новообразованиями следует понимать тот новый тип строения личности и ее деятельности, те психологические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношение к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период» (Л.С. Выготский, 1972, 117). Возрастные психические новообразования, составляя сущность каждого возраста, являются, по Л.С. Выготскому, единственно правомерным критерием для определения конкретных эпох развития, т.е. возрастов.

Существенным при определении динамики возраста является понимание «подвижных отношений» между личностью и окружающей социальной средой на

каждой возрастной ступени. Среда рассматривается не как нечто внешнее по отношению к ребенку, т.е. как «совокупность объективных, безотносительно к ребенку существующих и влияющих на него самим фактом своего существования условий», а как своеобразное, специфическое для данного возраста отношение между ребенком и окружающей его действительностью (Л.С. Выготский, 1984, 258).

Именно эту систему отношений Л.С. Выготский называет социальной ситуацией развития, целиком и полностью определяющей «те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности, как из основного источника развития. Только выяснив социальную ситуацию развития, которая складывается к началу каждого возраста, можно выяснить вопрос о происхождении новообразований, «необходимо возникающих и развивающихся» и свойственных данному возрасту. «Эти новообразования, характеризующие в первую очередь перестройку сознательной личности ребенка, являются не предпосылкой, а результатом или продуктом возрастного развития. Изменение в сознании ребенка возникает на основе определенной, свойственной данному возрасту, формы его социального бытия. Вот почему созревание новообразований относится всегда не к его началу, но к концу данного возраста» (там же, с. 259). Новая структура сознания вызывает последствия, неизбежно вытекающие из факта возникновения возрастных новообразований, – это «новый характер восприятия внешней действительности и деятельности в ней, новый характер восприятия внутренней жизни самого ребенка и внутренней активности его психических функций» (там же, с.259).

Остановимся на сформулированном Л.С. Выготским, основном законе динамики возрастов, согласно которому движущие силы развития в том или ином возрасте с неизбежностью приводят к разрушению основы развития данного возраста, влекущему за собой с внутренней необходимостью «аннулирование» социальной ситуации и знаменующему завершение данной и переход к следующей возрастной стадии. Изменения в сознании ребенка – новообразования возраста – порождаются новыми формами бытия, в первую очередь, социального и всегда «вращаются вокруг оси социальных отношений». Таким образом, смену этапов развития Л.С. Выготский связывает с динамикой возникновения возрастных новообразований, представляющих собой внутренние изменения в самом развитии, отделяющие возрастные периоды друг от друга и обусловленные новыми формами бытия.

Итак, начальным моментом при определении возрастной динамики являются отношения личности и социальной среды. Основной источник развития – социальная ситуация развития – определяет образ жизни. Возникновение новообразований обусловлено конкретным бытием индивида, в первую очередь, социальной действительностью. Механизм развития таков: сложная динамика социальной ситуации развития влечет за собой созревание новообразований, необходимых для новой формы социального бытия. Из факта возникновения возрастных новообразований вытекают последствия, охватывающие всю жизнь в целом: новый характер восприятия действительности, новый характер деятельности, новое восприятие внутренней жизни и внутренней активности

психических функций.

Следует отметить, что Л.С. Выготский в своих работах выделяет два вида новообразований: новообразования критических и стабильных возрастов. Единую линию психического развития составляет «ось социальных отношений», вокруг которой вращаются психические новообразования и которая придает процессу развития преемственный характер.

На наш взгляд, ключевыми для понимания содержания исследуемого понятия, являются следующие тезисы основоположника культурно-исторической парадигмы в возрастной психологии о том, что:

– новообразования, возникающие в конце каждого возрастного периода, перестраивают всю структуру сознания, изменяя тем самым всю систему отношений субъекта к внешней действительности и к самому себе, и всю социальную ситуацию развития.

– раз возникшие новообразования в сознательной личности приводят к тому, что изменяется сама эта личность, что не может не иметь самых существенных последствий для дальнейшего развития.

Подчеркивая диалектико-материалистический характер развития человеческой психики в отличие от эволюционистского понимания хода развития как «уменьшения и увеличения, повторения», С.Л. Рубинштейн рассматривал его «не только как рост, но и как изменение, как процесс, при котором количественные усложнения и изменения переходят в качественные, коренные, существенные и приводят к скачкообразно появляющимся новообразованиям» (1998, 91). Определяя предмет психологической науки как раскрытие основных психологических закономерностей, основным способом существования которых является их существование в виде процесса, С.Л. Рубинштейн отмечал тот факт, что в результате психического процесса возникает то или иное образование (психическое явление), не существующее, вне соответствующего психического процесса. Таким образованием может быть и образ предмета, и мысль, и чувство. «Изучать психические процессы, психическую деятельность, – значит тем самым изучать формирование соответствующих образований. Безотносительно к образованию, которое формируется в процессе, нельзя собственно очертить и самый процесс, определить его специфическое отличие от других психических процессов. Психическое образование ... – это, по сути, психический процесс в его результативном выражении» (С.Л. Рубинштейн, 1998, С.35). Новая структура, новые психические функции формируются в процессе их функционирования, в процессе освоения ребенком предшествующего социального опыта и существующих, принятых данным обществом, межличностных отношений. «Стержневые, узловые изменения», характерные для определенного возрастного периода, обусловлены «реальными формами деятельности конкретного содержания, которым в процессе своего развития – в ходе обучения и воспитания – овладевает ребенок» (С.Л. Рубинштейн, 1998, 161).

Л.И. Божович исходила из того, что каждый возраст характеризуется определенной целостной структурой, внутри которой выделяется центральное новообразование, определяющее все остальные. Для рассмотрения каждого

конкретного возраста необходимо выявить источники происхождения этого главного новообразования и его влияние на другие психические особенности данного возраста. «Личность – это действительно высшая интегративная система, некая нерасторжимая целостность. И можно считать, что существуют какие-то последовательно возникающие новообразования, характеризующие этапы, центральные линии ее онтогенетического развития» (Л.И. Божович, 1978, С.26).

Если Л.С. Выготский рассматривал новообразования достаточно широко: и как новый тип деятельности, и как новый тип личности, и как психологические изменения, впервые возникающие в этом возрасте, и как высшие психические функции, такие как логическая память, речевое мышление); то Л.И. Божович понимала под ним целостные комплексы. Новообразование, по Л.И. Божович, обладает рядом характеристик: *сложность, системность, структурированность, определенность, четкость* – каждому возрасту соответствует определенное главное новообразование, обуславливающее остальные психические функции; наличие внутри этого психического новообразования наряду с познавательным, эмоционального и мотивирующего компонента, носят «побудительную силу». «Исследования показывают, что каждое системное новообразование, возникающее в процессе жизни человека и являющееся необходимым условием его существования как социального индивида, включает в себя определенные аффективные компоненты и тем самым обладает непосредственной побудительной силой». (Л.И. Божович, С. 196).

На основании предположения относительно содержания и строения центрального психологического образования, возникающего в конце каждого возрастного периода и определяющего особенности личности ребенка соответствующего возраста, были выделены возрастные периоды в детском развитии. Л.И. Божович подчеркивает, что *каждое системное новообразование с необходимостью включает аффективный компонент, несущий в себе побудительную силу*. «Именно поэтому центральное для данного возраста системное новообразование, являющееся как бы обобщенным результатом, итогом всего психологического развития ребенка в соответствующий период, не остается нейтральным по отношению к дальнейшему развитию, а становится исходным для формирования личности ребенка следующего возраста» (там же, С. 199).

Согласно А.В. Петровскому, психическое развитие в общей структуре личностного развития обусловлено последовательным, многократным воспроизведением в течение всей жизнедеятельности трех фаз – адаптации, индивидуализации, интеграции, в процессе вхождения личности в различные социальные общности. Положительным результатом этого вхождения является закрепление «неоформаций», ведущих к формированию устойчивой структуры личности. Под неоформациями А.В. Петровский понимает такие качества, свойства личности, которые складываются у данного индивида в данной социальной общности и «которых у него не было, и, быть может, нет и у других членов группы, но которые отвечают необходимости и потребности группового развития и собственной потребности индивида осуществить значимый «вклад» в

жизнь группы» (1997, С. 23).

Развивая социологический подход к проблемам общепсихического развития, Д.И. Фельдштейн выделяет социальную линию развития в качестве ведущей. Общество задает эталон личности, процесс развития которой направлен на освоение социального мира и его отношений. Развитие рассматривается как «социальное движение» по разным возрастным этапам. Д.И. Фельдштейн выделяет конкретную социальную линию развития, позволяющую «проследить реальный уровень присвоения ребенком общественной человеческой сущности» (Д.И. Фельдштейн, 1989, С. 7). Смысл социального развития состоит в индивидуальном развитии человека, высшая цель социального развития – формирование личности. Вслед за Л.С. Выготским и Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейн признает определяющим в общепсихическом развитии появление новых образований, «обеспечивающих движение, известный выход за пределы наличных возможностей. Поэтому обнаружение психических новообразований представляющих собой ... качественно новый способ функционирования психики, личности; раскрытие их субстратных характеристик позволяет прогнозировать ход развития личности» (там же, С. 12). Д.И. Фельдштейн отмечает специфичность новообразований как прижизненно формируемых: «новообразования не определяются прирожденными механизмами... Все формирующиеся у индивида способности и функции по их составу и качеству суть прижизненные образования, возникающие только в определенной общественной среде, только путем деятельности воспроизведения ее опыта» (там же, С. 43). Новообразования данного порядка связаны с личностной природой, поэтому автор указывает на прижизненность их формирования. Уровни развития личности раскрываются сквозь призму социального развития. На этой основе и построена теоретическая модель «социально-нормативной периодизации развития личности» Д.И. Фельдштейна (Д.И. Фельдштейн, 1985). Развитие рассматривается здесь как закономерная последовательность определенных типов ведущей деятельности.

Теоретические представления по проблеме изучения новообразований как показателей психического развития содержат многообразие структурных и функциональных параметров, придаваемых этому феномену разными исследователями. Широкий круг психических явлений описывают разные авторы с помощью данного понятия: новый вид деятельности, новое действие, новая когнитивная структура, высшие психические функции, эмоциональный компонент, новые мотивы, отдельная мысль, образ.

Обзор многочисленных теоретических представлений о новообразованиях позволяет структурировать типы психических новообразований по разным основаниям: *отнесенности к тому или иному возрасту – возрастные; по динамике развития внутри возрастов – новообразования критических и стабильных возрастов; по уровню (направлению) психического развития – новообразования личностного, интеллектуального и, собственно, деятельностного плана; по значимости и «масштабу» – центральные – определяющие всю психическую структуру данного возрастного периода; и*

«элементарные» – как микроэтап в развитии.

Уточним понятие психического новообразования как психического явления, результирующего внутренние процессы возрастного развития, обусловленные решением задач развития и, попытаемся определить его как сложное системное образование.

Итак, возрастное новообразование присуще определенному возрастному периоду (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, Э. Эриксон); формируется и проявляется к концу возрастного периода и, является результатом предыдущего и предпосылкой последующего развития (Л.С.Выготский); имеет преемственный характер (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн); обусловлено конкретным содержанием, формой деятельности и активностью субъекта (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин); составляет единство рационального и аффективного компонентов, последний из которых, имеет «побудительную силу» в развитии (Л.И. Божович); является системным качеством, охватывающим личность в целом, раз возникшие в конце возрастного периода новообразования в сознательной личности приводят к тому, что изменяется сама эта личность и перестраиваются структуру сознания, изменяя тем самым систему отношений к внешней действительности и к самому себе, и всю социальную ситуацию развития (Л.С. Выготский); представляет сложное структурированное целое, являя собой структуру, способную к развитию посредством дифференциации, специализации функций и воспроизводимую в новом качестве на последующих стадиях (Ш.И. Чуприкова, М.А. Холодная).

Отметим также, что при таком многообразии исследований, посвященных рассматриваемому явлению, остается невыясненным до конца вопрос о закономерностях динамики новообразования именно как системного личностного явления. Разнообразие выделенных классификаций не дает ответа на этот основной вопрос, многочисленные исследования лишь констатируют появление новых умений, свойств, систем, подчеркивают определенное место и роль в развитии, но взаимообусловленных связей между ними не показывают.

Кроме того, принятая научным сообществом в качестве аксиомы идея Л.С. Выготского о том, что существует два вида новообразований – новообразования стабильного и кризисного периодов, до сих пор не получила доказательства, хотя эмпирических данных о их существовании достаточно много.

Обратимся к тому, как Л.С. Выготский характеризует особенности новообразований кризисных периодов. «Самое существенное содержание развития в критические возрасты заключается в возникновении новообразований, которые, ... в высшей степени своеобразны и специфичны. Их главное отличие от новообразований стабильных возрастов в том, что они *носят переходный характер*. Это значит, что в последующем они не сохраняются в том виде, в каком возникают в критический период, и не входят в качестве необходимого слагаемого в интегральную структуру будущей личности. Они отмирают, как бы поглощаясь новообразованиями следующего, стабильного, возраста, включаясь в их состав как подчиненная инстанция, не имеющая самостоятельного

существования, растворяясь и трансформируясь в них настолько, что без специального и глубокого анализа часто невозможно открыть наличие этого трансформированного образования критического периода в приобретениях последующего стабильного возраста. Как таковые, новообразования кризисов отмирают вместе с наступлением следующего возраста, но продолжают существовать в латентном виде внутри его, не живя самостоятельной жизнью, а лишь участвуя в том подземном развитии, которое в стабильные возрасты, как мы видели, приводит к скачкообразному возникновению новообразований» (Л.С. Выготский, 2000, С. 900).

В качестве наиболее яркого примера основоположником культурно-исторической теории приводится автономная речь, которая является переходной формой от речи пассивной, – к активной во время кризиса одного года. Обратимся к причинам возникновения данной формы и попытаемся на ее примере определить роль этой переходной формы. Данная форма речи появляется, очевидно, в первой фазе кризиса, отвечая на новые потребности ребенка во взаимном общении со взрослым, возникшие вслед за открытием объективной стороны новой социальной ситуации развития. Так, на этом этапе ребенок уже научился передвигаться самостоятельно, что предоставляет ему все больше *самостоятельных* возможностей в освоении пространства, теперь у него актуализируются потребности регулировать свою активность, взаимодействуя с окружающими иным способом (прежняя инстинктивная и биологическая, непосредственная регуляция теперь потеряла актуальность). Однако новых способов ребенок еще не имеет и, потому, начинает «пробовать» новую форму, используя собственные представления об идеальной форме этого нового, так необходимого ему качества – речи. Его возможности пока ограничены (недостаточно развит артикуляционный аппарат, не дифференцированы определенные когнитивные схемы), но аффективные силы действуют мотивирующее и, результат – ребенок общается с помощью аффективно окрашенной, понятной только посвященным близким, автономной речи. Сталкиваясь с непониманием, ребенок переживает вторую стадию кризиса, но, совершенствуя в тренировках речь, приобретает то самое новообразование – речь активную, правильную, с точки зрения взрослого человека, и адекватную новым задачам следующего возрастного этапа. Только тогда ребенок *готов психологически* к переходу, к осуществлению новой деятельности – игровой, к *субъективному принятию новых отношений*, когда состоялось присвоение нового способа общения, а, значит, и новой системы отношений. Другими словами, интериоризация нового способа общения является в данном случае *психологической готовностью* к переходу в новый возраст, с одной стороны, и, *существенным вкладом в процесс становления новообразования*, с другой.

Итак, возрастное новообразование – системное личностное качество, приобретение, соответствующее определенному возрасту, которое определяет новый взгляд человека на мир. В начале же кризиса на сцену выходит лишь *образ идеальной формы*. Поэтому здесь не может пока быть речи о новообразовании как системном качестве. Именно в конце кризиса ребенок присваивает способность

пользоваться активной речью, а на следующей стабильной стадии в процессе ведущей, развивающей деятельности, «оттачивает» это умение.

Оставаясь в этой логике, еще раз подчеркнем, что *новообразование возраста как системное, личностное приобретение, проходит несколько этапов*. Началом новообразования служат те неструктурированные формы проявления потребностей (тождественных задачам возрастного этапа развития), которые появляются в дебюте кризиса в виде образа идеальной формы и опредмечиваются в форме упражнений, апробации на стадии кризиса, открывающего новый возраст. Заметим, что на предыдущих этапах развития происходит латентное развитие разнообразных необходимых для будущей системы качеств или подсистем – скрытая подготовка новообразования. К началу кризисного этапа открывается новая форма будущего возрастного новообразования, а к концу кризиса – система некоторых новых присвоенных в активном опыте форм поведения, мышления, мировоззрения, целеполагания и т.д., встраиваясь в систему личности, присваивается как новая система способностей, овладев которой, человек становится качественно другим, по-новому участвует в мире, решает задачи развития следующего возрастного периода. Именно здесь оформляется новообразование как системное качество личности.

Этим представлениям близка концептуальная идея К.Н. Поливановой, которая говорит о двухтактности возрастных новообразований детства, полагая, что впервые новообразование появляется внутри целостной ситуации действия, а затем, освобождаясь от нее, с возникновением «чувства собственной активности», интериоризуется – становится достоянием развивающейся личности.

Для того, чтобы новое качество стало действительно возрастным новообразованием, необходимо специальное психологическое пространство кризиса для интериоризации этого качества. *Процесс интериоризации проходит все фазы кризиса и является критерием психологической готовности личности к переходу на новый этап развития.*

Парадокс или движущее процесс развития противоречие заключается в том, что, развиваясь внутри возрастной стадии для решения задач этой стадии, к ее окончанию это новообразование теряет актуальность, поскольку на первый план уже выходят потребности и задачи следующего возрастного этапа, но, являясь обретением личности, новообразование остается в сложившейся системе и участвует в дальнейшем развитии, поддерживая преемственность развития.

Возможно, именно потому, что в зрелости труднее обнаружить такие явные как в детстве «неумения» и яркие, непосредственно-отчаянные способы тренировки в новых качествах (в силу большей рефлексии и осознания взрослым реальности и своей активности, в силу разносторонних навыков и умений, способов адаптации), сложилось мнение, что во взрослости их (возрастных новообразований) или нет, или они имеют совсем другую природу, чем в детстве. Тем не менее, утверждая, что развитие личности – процесс непрерывный, переход от возраста к возрасту сопровождается изменениями социальной ситуации и личности в целом, следует признать, что новообразования взрослых возрастов такая же реальность, как новообразования детства.

Итак, человек развивается в течение всей своей жизни (независимо от направленности и характера развития). Это позволяет нам внутри каждого возрастного периода, в том числе и любого взрослого, выделить соответствующие психические новообразования.

Именно возрастные психические новообразования как сущностные изменения развивающегося человека, с одной стороны, связаны с возрастными задачами развития этапа, с другой, – являются показателем психического развития индивида.

Новообразования взрослых возрастов отличаются по многим позициям от новообразований детского периода. Это отличие касается, в первую очередь, большей обусловленности (чем в детстве) возрастного развития *индивидуальным опытом, уникальными особенностями жизненного пути личности, креативными особенностями (творческой силой личности)*. В связи с этим, важной задачей нашего исследования является задача определения структуры и динамики возрастных новообразований, как системных образований личности и зависимости этих параметров от конкретного возраста.

Процесс возникновения возрастного новообразования личности проходит два основных этапа: латентный этап – в предшествующей стабильной стадии и этап интериоризации – в нормативном кризисе развития. Критерием психологической готовности к переходу на следующий возрастной этап является новообразование кризиса.

3.2.3. Новообразование нормативного кризиса как психологическая готовность к переходу на следующий возрастной этап

Исследования феномена психологической готовности человека в психологии представлено достаточно широко в различных контекстах. В психологии развития накоплен значительный теоретический и экспериментальный материал, отражающий проявления психологической готовности в контексте возрастного развития. Категория психологической готовности рассматривается и исследуется, прежде всего, в связи с возрастными переходами в детских периодах развития, содержательно отражая их психологическую специфику: готовность к школе, готовность к взрослости, готовность к самоопределению – личностному, профессиональному, жизненному и т.д.

В многочисленных социологических, педагогических и психологических исследованиях существует тенденция употреблять понятие готовность, в широком диапазоне значений: готовность к действию, к деятельности, к труду (Т.В. Кудрявцев, 1983; Н.И. Крылов, 1967; Л.А. Мойсеенко, 1993), к выбору профессии, к профессиональному самоопределению, к профессиональной деятельности (Э.А. Фарапонова, В.В. Чебышева, 1984; Массанов, 1989; Е.М. Борисова, 1995; В.И. Виноградов, 1996), к «встрече» с новой ситуаций профессионального становления (Е.С. Романова, 1994), к политической деятельности (А.С. Мельничук, 1996), к педагогической деятельности (Н.В. Кузьмина, 1975; Д.И. Фельдштейн, 1977), к педагогическому общению

(Е.А. Орлова, 1998), к новым условиям общения и функционированию в новых группах и коллективах (Я.Л. Коломинский, 1983; Я.Л. Коломинский, Б.П. Жизневский, 1986), к семейной жизни (И.В. Дубровина, 1987; В.Э. Чудновский, Т.М. Афанасьева, 1986), готовность взрослого к осуществлению нравственного воспитания (В.А. Сластенин, 1985, Л.Э. Орбан, 1992), готовность ребенка к восприятию внешних оценок (А.В. Захарова, 1989), готовность старшеклассников противостоять аморальным проявлениям (Е.А. Савченко, 1997), готовность к риску (Т.Н. Корнилова, 1997) и др. В социологии и других общественных науках понятие психологической готовности рассматривается в контексте социального перехода индивида или группы людей из одного социального состояния в другое.

Наличие разнообразных сфер, применительно к которым используется понятие психологической готовности, свидетельствует о ее сложности, динамичности и многогранности функционирования как *психологического феномена, проявляющегося в наиболее значимые моменты жизни личности в качестве психологического новообразования*. В этом смысле психологическая готовность рассматривается как неотъемлемый и существенный компонент развития личности в целом.

Существуют различные определения этого понятия: как наличие способностей (Б.Г. Ананьев, 1980; С.Л. Рубинштейн, 1989), как качество личности (К.К. Платонов, 1973; В.И. Ширинский, 1982) как временное ситуативное состояние (П.А. Рудик, 1968), как отношение (А.В. Веденов, 1976), как синтез свойств личности (В.А. Крутецкий, 1968), как особое психическое состояние личности, включающее ее убеждения, взгляды, отношения, мотивы, чувства (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, 1976).

Исследуя феномен готовности, Л.И. Бершедова, например, отмечает его особую связь с понятием новообразования. Если новообразование в широком смысле, может рассматриваться как преобразование личности при адаптации к меняющимся условиям среды и социума, то готовность – как актуализация этого преобразования. Поскольку подлинная жизнь личности протекает в условиях многообразно меняющейся социальной действительности, то в наиболее ответственные ее моменты – смена культуры, социальной ситуации развития, выбор профессии, деятельности, спутника жизни, переход в новый возрастной период, социальную общность, изменение социального статуса и т.п. – актуализируются способы преобразования личности, в результате чего появляются новообразования, меняющие формы ее существования и осуществления.

Личность существует, как замечает М. Бахтин, в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Именно в переломные, поворотные моменты жизни это несовпадение, опережение личностью себя выступает всего отчетливее. Между тем, для того, чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особенно важных для ее существования именно как личности – жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств – она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной

действительности менять свои различные психологические качества.

Суть связи понятия психологической готовности с феноменом новообразования личности дает представление Л.И. Анцыферовой: *психологическая готовность человека как психологическое новообразование выступает, с одной стороны, результатом динамических преобразований в психологической организации личности вследствие чего меняется режим ее функционирования и, с другой стороны, условием вступления в новые жизненные сферы, включения в новые виды деятельности.* Это актуализирует вопрос о способах преобразования, источниках и условиях возникновения и порождения готовности в ответственные моменты жизни личности. В связи с этим, Л.И. Анцыферова подчеркивает, что «психологические механизмы выступают как способы преобразования организации личности лишь потому, что они являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом» (Анцыферова Л.И., 1981, С. 8).

Многостороннее включение личности в различные сферы общественной жизни не совершается само собой, оно требует значительных психологических усилий по преобразованию, совершенствованию и развитию себя. Деятельность в новой сфере, жизнь в новых условиях предполагает выделение новой части в системе личности, формирование как бы нового психологического органа, в составе которого в новом качестве должны выступить уже сформированные ранее или только наметившиеся свойства личности, дополняемые заново складывающимися характеристиками (Л.И. Анцыферова, 1981).

В приведенных примерах речь идет о преобразованиях в переломные моменты развития в периоды кризисов. В психологической науке результаты таких преобразований личности обычно связывают с понятием готовности, выступающей автономной характеристикой изменяющегося человека в изменяющихся ситуациях и имеющей, таким образом, свое происхождение, содержание и динамику развития.

Проблема психологической готовности человека к совершению действия или включению в новую для него деятельность, сферу жизни относится к числу активно разрабатываемых в последнее время психологических проблем, поскольку это одна из ключевых проблем психологии становления личности. Психологическая готовность рассматривается, с одной стороны, как образование, обеспечивающее и характеризующее возможности непрерывного роста личности в настоящем и будущем, деятельного ее отношения к миру и к себе, с другой – как критерий разных этапов этого процесса. Кроме того, исследование многообразных проявлений феномена психологической готовности чрезвычайно важно для психологической практики, поскольку дает представление о механизмах и условиях особых последовательных личностных преобразований.

Наиболее важным, на наш взгляд, является то, что психологическая готовность связана с актуализацией определенных, необходимых для совершения перехода к новой реальности особых качеств, сформировавшихся для наиболее адекватного существования в этой новой реальности. В этом контексте психологическую готовность мы предлагаем понимать как новообразование кризиса, которое

актуализирует новообразование возраста и является критерием окончания нормативного кризиса развития.

Экспериментальное исследование соотношения новообразований возраста и кризиса в период взрослости является одной из задач данной работы.

3.3. Гипотеза о психологическом смысле нормативных кризисов взрослости. Динамика нормативных кризисов взрослости. Возрастные задачи и идеальный образ развития

3.3.1. Структурно-динамическое содержание нормативных кризисов взрослости

Остановимся подробнее на структурно-динамических характеристиках нормативных кризисов психического развития. Еще раз подчеркнем, что характеристика «нормативный» употребляется здесь в связи с пониманием развития, принятым в культурно-исторической теории, описывающей возрастное развитие как диалектический процесс, в котором переход от одной ступени развития к другой неизменно происходит революционным путем, как результат регулярно возникающего кризиса. Кризис здесь – переломный, поворотный этап в развитии, обусловленный постепенным возникновением качественных образований, которые приводят к разрушению прежней социальной ситуации развития и становлению новой, соответствующей новым возможностям и задачам развития. Развитие в нормативных кризисах не прерывается. Происходящие в кризисах изменения являются качественными, перестраивающими всю систему личности, внося новые системные образования, влекущие за собой качественно новый этап развития в онтогенезе.

Говоря о кризисе психического развития, мы имеем в виду изменения, которые охватывают всю психическую реальность человека. Л.С. Выготский, характеризуя возрастные изменения в детских кризисах, указывал на системный характер всех происходящих преобразований. «Под возрастными новообразованиями следует понимать тот новый тип строения личности и ее деятельности, те психические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношения к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период... Раз возникшие новообразования в сознательной личности ребенка приводят к тому, что изменяется сама эта личность, что не может не иметь самых существенных последствий для дальнейшего развития... эти последствия настолько разносторонни и велики, что охватывают всю жизнь ребенка. Новая структура сознания, приобретаемая в данном возрасте, неизбежно означает и новый характер восприятия внешней действительности и деятельности в ней, новый характер восприятия внутренней жизни самого ребенка и внутренней активности его психических функций» (Выготский, 2000, С. 904).

Данное положение вполне соответствует изменениям, происходящим в кризисах взрослого периода в силу непрерывности онтогенеза как диалектического процесса. На системность изменений, на роли психических новообразований и структурных изменениях происходящих в переходные периоды, указывала и Л.И. Божович. «Кризисы возникают на стыке двух возрастов и знаменуют собой завершение предыдущего этапа развития и начало последующего. ...каждое системное новообразование, возникая в ответ на потребности ребенка, включает аффективный компонент и потому несет в себе побудительную силу. Именно поэтому центральное для данного возраста системное новообразование, являющееся как бы обобщенным результатом, итогом всего психологического развития ребенка в соответствующий период, не остается нейтральным по отношению к дальнейшему развитию, а становится исходным для формирования личности ребенка следующего возраста. Это и дает право рассматривать кризисы в качестве переломных этапов онтогенетического развития личности, анализ которых позволит вскрыть психологическую сущность этого процесса» (Божович Л.И., 1968, С. 198).

Идею разносторонности изменений, происходящих в развитии человека, разрабатывают современные исследователи онтогенеза. Так, Л.И. Бершедова, рассматривает динамику системы отношений в развитии отмечает, что каждый кризис, «не только детства, но и взрослости, выступая вехой в рождении и развитии личности, раскрывает преобразование человеческих отношений, переворот которых и обозначает завершение одного этапа развития и открытие неограниченных перспектив другого. Многообразное пространство отношений формирующейся личности в период кризиса динамично по стремительным качественным преобразованиям этих отношений и специфично по репрезентации в них различных сторон и компонентов действительности, в которой живет человек» (Бершедова, 1999).

Содержательный анализ кризисных периодов, таким образом, должен включать исследование новообразований возраста и кризиса и их структурно-динамические связи, изменения в системе самоотношения, представлений о себе, отношения с другими и миром в целом, переживания этих отношений, восприятие времени и континуальные характеристики образа Я, изменения происходящие в сознании человека, в системе его ценностей и целей. Очевидно, что все эти содержательные категории не могут рассматриваться статически, каждая из них именно в кризисные периоды претерпевает кардинальные изменения. Суть этих трансформаций невозможно узнать без понимания закономерностей протекания кризиса. Настаивая на уместности описания кризисов психического развития взрослости в категориях и логике культурно-исторического подхода, обратимся к фазовой динамике возрастного кризиса.

Л.С. Выготский ввел деление кризисного возраста на предкритическую, собственно критическую и посткритическую фазы [Выготский Л.С., 2000]. Ведущим критерием при смене фаз является социальная ситуация развития и возникающие вследствие этой динамики новообразования.

Нормативный кризис развития проходит ряд фаз. В предкритической фазе

возникает противоречие между объективной и субъективной составляющими социальной ситуации развития (объективным местом человека в пространстве отношений с действительностью и субъективным отношением к этой действительности, представленным во всех его модальностях: в переживаниях, переоценке ценностей, собственной активности и т.д.). В собственно критической фазе это противоречие обостряется и проявляется, и достигает своего апогея. Затем в посткритической фазе противоречие разрешается через образование новой социальной ситуации развития, через установление новой гармонии между ее составляющими.

Предкритическая фаза состоит в том, что человеку открывается неполнота той реальной формы, в которой он живет. Такое открытие возможно лишь на основе возникновения представления об иной (новой) идеальной форме. Обнаружить это открытие будущего можно лишь косвенно, поскольку оно нерелексивно. Истоком кризиса является расчленение двух миров – старого и нового, реальной и идеальной формы. Человеку открывается новая идеальная форма взрослости, и он действует в старой реальной ситуации по логике нового и идеального. Это противоречие и провоцирует сложное немотивированное поведение.

Выготский Л.С. называл первую фазу – фазой влечения. Именно в этот период человек из «здесь и сейчас» предшествующей деятельности выходит во временную перспективу, открывает новую форму развития и идеализирует ее. Идеализация новой формы развития связана с тем, что она существует пока только в представлениях индивида, основанных на идеальных и обобщенных представлениях о возрасте, существующих в культуре.

Далее наступает *собственно критическая фаза*, которая характеризуется наибольшим обострением возникающего противоречия. Сначала появляется попытка непосредственно реализовать наиболее общие представления об идеальной форме в реальных жизненных ситуациях, человек пытается сразу «попасть в это другое измерение». По мнению К.Н. Поливановой специфика этого этапа связана с особенностями самой идеальной формы, с тем, что идеальная форма существует в культуре не обособленно, не сама по себе, а в разнообразных воплощениях. Уточняя, отметим еще одну важную характеристику культурального образа возраста – обобщенность. Затем, на этапе конфликта, который рассматривается как необходимое условие нормального развития в кризисе, появляется возможность предельно обнажить собственные позиции. До конфликта единственной преградой для материализации идеальной (идеализированной) формы остаются внешние ограничители – «старые» формы жизни, формы взаимоотношений. Конфликт создает условия для дифференциации этих ограничителей. Посредством конфликта обнаруживается, что часть из них связана с теряющими свою актуальность табу и с собственной недостаточностью, неумением, неспособностями индивида.

В конфликте обнажаются и эмоционально переживаются преграды к реализации *идеальной формы*. Внешние преграды проще убрать, но остаются внутренние, связанные с недостаточностью собственных способностей. Именно в

этот момент и возникает мотивация к изменениям, создаются условия для преодоления кризиса. В идеале здесь происходит рефлексия собственных способностей, возможностей, ограничений и возникает новообразование кризиса. Рефлексия представляет собой интериоризацию конфликта между желаемым и реальным. В фазе конфликта происходит обнаружение нового «жизненного значения».

Но именно эта фаза нормативного кризиса взрослости содержит в себе не только разные возможности прогресса и развития, но и регресса.

Так, наиболее адекватным с точки зрения теории и культурных ожиданий является путь в сторону рефлексии собственных ограничений и поиска новых граней собственной личности, которые могут стать основой для преодоления несоответствий, обнаруженных в кризисе и вывести индивида на новый этап развития, связанный с обретением новой идентичности.

Однако, существует искушение выбрать кажущийся более легким путь, связанный с устранением внешних преград. Изменив окружение, но не изменив себя, человек все равно должен будет столкнуться с внутренним несоответствием. Зачастую этот путь только удлиняет кризис или переводит его во внутренний план, отодвигая решение конфликта на более поздние сроки, усложняя проживание следующих нормативных кризисов. Еще более опасной является форма избегания кризиса через алкоголизацию, уход от реальности и др. асоциальные варианты поведения – это путь регресса.

Еще одна сложность, связанная с прохождением данной фазы кризиса, обусловлена необходимостью рефлексии происходящего. Человек не способный к рефлексии проходит эту фазу как в детстве – ориентируясь в основном на внешние критерии. Пробуя различные варианты идентичности, человек выбирает наиболее приемлемый, поощряемый обществом или референтной группой. Здесь тоже есть изменение, но это не внутреннее изменение, связанной с развитием, а изменение, связанное с приспособлением, адаптацией к новым условиям. К подобным адаптированным вариантам выхода из кризиса ведут и всевозможные психологические защиты личности.

Кризис завершается *посткритической фазой*, представляющей собой создание новой социальной ситуации развития. Реализуется уже не идеализированная, не формальная, а реальная форма индивидуального развития в соответствии с общевозрастными задачами.

Итак, суть нормативного кризиса взрослости состоит в преобразовании социальной ситуации развития. В социальной ситуации развития принято выделять объективный и субъективный аспекты. Объективный аспект связан с социокультурными ожиданиями как нормативными критериями возраста, которые вырабатываются в культуре не только для детских возрастов, но и для взрослого периода развития. Следовательно, переход из одного взрослого возраста в другой сопряжен с объективными изменениями социальной ситуации развития. Субъективная составляющая социальной ситуации развития связана с изменениями в системе ценностей, жизненных целей, удовлетворенности жизнью,

переживаниями, которые непременно влекут за собой изменения в системе социально-возрастных отношений взрослого человека.

Возрастные новообразования, уникальные для каждого возраста новые формы личностных структур, связаны с задачами развития определенного возрастного этапа. Задачи развития представлены в культуре в виде нормативных критериев возраста. Новообразования проходят несколько фаз: латентное развитие в предшествующей стадии, процесс интериоризации в нормативном кризисе и дальнейшее развитие на следующем стабильном этапе. В этом заключается основное диалектическое противоречие развития личности в онтогенезе. Зарождаясь на предыдущей стабильной стадии, в виде необходимых для решения задач данного возраста особенностей, в дебюте кризиса эти еще не присвоенные качества вдруг сталкиваются с новой реальностью – объективно другой социальной системой отношений. Происходит отказ от этой формы в пользу новой идеальной формы, соответствующей задачам следующего возраста или сопротивление новому и, тогда, фиксация на несистематизированных, не встроенных еще в собственную систему личности, психических образований прежней стабильной стадии. Эти изменения эмоционально насыщены, а потому чаще всего не рефлексированы и вытесняются. По мере прохождения кризиса идеальный образ конфликтует с реальностью, что приводит к внутреннему конфликту и переживаниям несоответствия себе, сомнениям в собственной системе ценностей. Выход из кризиса связан с присвоением личностных особенностей, с рефлексией изменений. Рефлексия – обязательное условие – готовность к переходу на следующую стадию развития. Сложившаяся в предыдущем возрасте и кризисе целостная структура личности психологически готова решать задачи новой стадии, но в этом возрасте неизбежно начинают латентно формироваться новые качества, соответствующие новым задачам.

Итак, наряду с изменениями объективной и субъективной сторон социальная ситуация развития в период взрослости включает и рефлексивную. Рефлексия личностью изменений, происходящих с ней в результате преобразований социальных отношений, связана с процессом самоотождествления или эго-идентичности. Эго-идентичность изменяется в нормативном кризисе от фиксированной или предрешенной к диффузной и, затем, к достигнутой. Достигнутая эго-идентичность является психологической готовностью к переходу и новообразованием нормативного кризиса.

3.3.2. Роль возрастных задач развития и идеальной формы в интериоризации новообразований

Исходя из понимания кризиса как всеобщей закономерности перехода на новый жизненный этап, представим его развитие и структуру следующим образом. В предкритической фазе накопленный в результате предыдущего этапа опыт отношений перерастает наличную ситуацию развития, открывая с достаточной полнотой сферу новых отношений, характерных для последующего этапа развития. Образ будущего – проекция идеальной формы развития приходит

в противоречие с сегодняшней действительностью развивающейся личности и порождает мотивацию выхода из кризиса. В критической фазе активизируются процессы рефлексии. Сложное переживание себя в пересечении настоящего и будущего, изменение отношения к собственному прошлому, переживание противоречий между реальным и идеальным определяют проектирование собственного будущего и преобразование отношения к себе. Несовпадение человека с самим собой в этот период, опережение субъектом себя приводит к переживанию своего подлинного Я.

Достижение посткритической фазы развития сопряжено со своего рода скачком, в результате которого новая реальность объективная и субъективная составляющая системы отношений обретают личностный смысл, проекция идеальной формы (идеальный образ будущего) и задачи возрастного развития интериоризируются, т.е. становятся субъективно значимыми новые качества, которые, встраиваясь в систему личности, переходят в разряд личностных новообразований кризиса.

Специфика каждого возрастного кризиса соотносится с качественными особенностями той системы отношений, которая складывается в конкретном возрасте между развивающейся личностью и социумом с его возрастными ожиданиями. Если, например, задачи ранней взрослости (молодости) – создание семьи и профессиональное самоопределение, то можно ожидать развития качеств, способствующих решению этих задач – способности любить, принимать другого человека (интимность) и ответственности, самостоятельности.

Все вышесказанное позволяет полагать, что кризис психического развития далеко не исчерпывается кризисом системы отношений, а связан с содержанием возрастного развития. Разрешение кризиса связано с превращением идеальной формы в новое содержание развития.

Новым в нашей трактовке идеальной формы и роли ее в развитии кризиса является следующее: во-первых, идеальная форма в контексте возрастного развития не может сводиться к достижению человеком взрослости. Понимая *развитие как незаконченный процесс, охватывающий весь онтогенез – от рождения до глубокой старости, под идеальной формой возрастного развития мы понимаем, в общем смысле, – систему идеальных образов последующих возрастных этапов. Тогда для каждого отдельного возраста идеальной формой будущего будет образ следующего возрастного этапа в том виде, в котором он представлен в соответствующей культуре, в социуме, в котором развивается человек. Этот образ предъявляется развивающемуся человеку посредством общепринятых представлений о задачах соответствующего возрастного этапа в виде определенных нормативных критериев возраста. При этом в сознании конкретного развивающегося индивида идеальный образ будущего находит свое отражение в преломлении индивидуального опыта, жизненного пути, внутренней картины мира, ценностей и целей. Отраженная таким образом идеальная форма представлена в сознании индивида в виде индивидуального образа будущего, который включает, наряду с культурально-возрастными представлениями, индивидуальные временные представления о динамике*

собственных изменений, отношений, достижений, целей, и других составляющих картины мира в будущем.

Итак, кризис психического развития человека в логике культурно-исторической парадигмы обусловлен внутренней логикой развертывания отношения *реальной и идеальной формы*. Именно это отношение и провоцирует сначала конфликт, затем попытки его разрешения, а затем и переход в новую систему отношений с соответствующими возрастными новообразованиями. Переход в новый возраст осуществляется по мере психологической готовности личности, связанной с формированием новообразования кризиса.

Следуя традиционным в культурно-исторической психологии взглядам на интерпсихическое происхождение новообразований, необходимо далее описать внешнюю форму развития, объективно предшествующую появлению новой психической реальности – возрастному новообразованию и динамику ее интериоризации.

Внешне заданные культурой возрастные нормы, существующие в виде ожиданий, предписаний и санкций, открываются индивиду в виде идеальной формы будущего и определяют объективные изменения социальной ситуации развития.

На вопрос: что побуждает действовать человека в логике новой объективно изменившейся ситуации, – ответ очевиден: мотивация принадлежности обществу, культуре или референтной группе. В этой фазе кризиса готовность к переходу формальна – определяется только идеализированными представлениями о себе в следующем возрасте.

Изменившаяся объективно ситуация отношений влечет за собой пересмотр субъективных отношений к этим объективным изменениям. Переживание изменений связано с пересмотром системы ценностей, мотивов, самоотношения – трансформируется субъективная сторона социальной ситуации развития. Внутренние изменения не проходят безболезненно, поэтому субъективация новообразования обычно связана с неуравновешенностью, сопровождается негативными переживаниями, сомнениями в собственной идентичности. Психологическую готовность к переходу на новый этап в этой фазе кризиса можно характеризовать как активный поиск собственной идентичности, стремление к разрешению противоречий.

Мотивация к разрешению противоречий между внешней и внутренней формами приводит к интериоризации возрастного новообразования и, следовательно, сопровождается готовностью к переходу на следующий возрастной этап взрослости.

Как происходит переход от внешнего к внутреннему, от социальных ожиданий к внутренним изменениям, каков механизм этого перехода, как кризис связан с этими изменениями – вопросы, требующие не только теоретического осмысления, но и специальной экспериментальной процедуры.

3.3.3. Эго-идентичность как новообразование нормативных кризисов взрослости

Последовательно раскрывая содержание основных понятий культурно-исторической концепции (социальная ситуация развития, психологическая готовность и др.), применяя их к анализу нормативных кризисов взрослости, мы пришли к вопросу содержания психологических *новообразований кризисов взрослости* и их динамики. Анализ развития указывает на безусловную связь новообразований нормативных кризисов с задачами возрастных этапов. Если задачи детских возрастов связываются в культурно-исторической теории с освоением новых видов деятельности (игровая, учебная, общение) и с субъективацией этих новых способов действия в кризисах развития, то задачи развития в периоды взрослости связываются, на наш взгляд, с развитием личности в определенной для каждого возраста системе социальных отношений.

Наличие теоретической модели и определение круга задач для ее эмпирической проверки является необходимым, но не достаточным условием для проведения исследования. Проблема метода в первую очередь связана с проблемой предмета исследования. Исследование такой психологической реальности как кризис развития является достаточно сложной задачей в связи с неопределенностью изменяющихся параметров и невозможностью напрямую исследовать те изменения, которые происходят во время кризисов развития. Основная проблема изучения кризиса развития состоит в том, что кризис не представлен в физической реальности. Следовательно, чтобы решить вопрос о его исследовании необходимо соотнести теоретические понятия с психологическим содержанием, представленным в ощущениях, переживаниях, рефлексии. Иными словами, необходимо найти то, что поддается измерению. Решить вопрос об изменениях, происходящих на разных уровнях личности во время кризиса, значит, – решить вопрос отношений. Возрастной кризис описывается в терминах отношений, вернее изменения отношений. Так, социальная ситуация развития (по Л.С. Выготскому) – это, с одной стороны объективная уникальная для каждого возраста система отношений, в которую включен человек, с другой стороны, – это субъективная система переживаний этих отношений.

Исследовать изменение социальной ситуации в кризисе, значит: во-первых, решить вопрос об изменениях объективной стороны системы отношений, т.е. исследовать изменения *отношений первого рода*; во-вторых, исследовать изменения субъективной стороны отношений, т.е. определить динамику *отношений второго рода*. Изменения на личностном уровне происходят только с интериоризацией этих изменений – принятием новообразований возраста. Интериоризация новообразований – отношение к отношениям второго рода. Значит, чтобы решить вопрос о происходящих изменениях, необходимо исследовать отношение личности к этим изменениям, т.е. определить *отношения третьего рода*. Сложность данной задачи заключается в многоуровневости системы отношений и, кроме того, в том, что во время кризиса динамика данных отношений весьма противоречива. Так, например, разрыв отношений между идеальной и реальной формой существующий в дебюте нормативного кризиса, искажает объективную картину представлений личности о себе (отношений

третьего рода). Конфликт между идеальной и реальной формой в критической точке кризиса вносит еще больше сомнений в картину мира и образ Я. Представления о своей целостности и определенности возникает лишь на выходе из кризиса.

Для решения этой задачи (исследовать отношение личности к происходящим в кризисе изменениям) необходимо определить то ядро личности, которое выполняет регулирующую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения собственной непрерывности и интегративности в условиях изменений. Еще Л.И. Божович указывала на то, что «...почти все психологи, занимающиеся изучением личности, признают возникновение у нее (личности) ядра», которое имеет множество обозначений, но «...психологическое содержание и строение этого «ядра» не раскрываются и, тем более, не устанавливаются закономерности его развития в онтогенезе» [2, С. 197].

На наш взгляд, точнее всего содержание личностного ядра и непрерывного процесса самодвижения и самоотождествления отражает понятие «эго-идентичность», т.е. тождественность себе. *Эго-идентичность*— сложная динамичная структура, которая развивается на протяжении всей жизни человека, причем это развитие нелинейно и неравномерно, оно проходит через преодоление кризисов идентичности, как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Этимологически корень «иден» – нечто, сохраняющее неизменность в течение длительного времени. Согласно представлениям Э. Эриксона [6], идентичность достигает в своем развитии кульминации и обретает целостность в пубертатный период. Достигнувший идентичности человек, пройдя путь самосознания, формирует систему лично значимых целей, ценностей и убеждений и соответственно структурирует свою жизнь. Людям с достигнутой идентичностью свойственно чувство глобального доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего. Собственные цели, ценности и убеждения человек переживает как лично значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни. Э. Эриксон и Дж. Марсиа, рассматривали четыре статуса эго-идентичности: предрешенная или псевдоидентичность, достигнутая или автономная, диффузная или размытая эгоидентичность и мораторий. Критерии определения статуса идентичности: соотношение конфликта и решения о выборе [6].

Идентичность имеет структурное строение и существует в плане субъективного времени. Хотя некоторая целостность в представлении о себе достигается в пубертатный период, на каждом возрастном этапе происходит сличение идеального и реального образа Я. Процесс самоотождествления личности актуализируется, на наш взгляд, в периоды нормативных кризисов развития.

Часть II. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА ПЕРЕХОДА К ВЗРОСЛОСТИ

Глава 4. ОБРАЗ ВОЗРАСТА КАК НОРМАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМА ИНДИВИДУАЛЬНО-ВОЗРАСТНОГО РАЗВИТИЯ

В социальной антропологии образ возраста рассматривается как обязательный элемент культуры. Возрастные нормы, существующие в культуре, на ранних этапах социогенеза служили главным маркером социально – возрастной иерархии в традиционном обществе и выражались в виде вербальных табу и предписаний. В современном обществе возрастные нормы формируют отношения между возрастными стратами и отношения между людьми внутри возрастных групп.

Распространенная концепция жизненных сценариев Р. Шанка и Р. Абельсона [Schank R.C., Abelson R.P.] описывает разделяемые всеми членами культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» ожидаемых жизненных событий. Логика рассуждения этих авторов сходна с положениями, развиваемыми в рамках отечественной традиции культурно-исторического подхода [Выготский]: культурные жизненные сценарии присваиваются субъектом по мере социализации или развития.

В психологии развития и в социальной психологии в возрастном-нормативном аспекте традиционно принято рассматривать подростковые и юношеские группы, – в них ярко выражены определенные поведенческие нормы, соблюдение которых обеспечивается предполагаемыми санкциями со стороны сверстников. В последнее десятилетие вырос интерес к детской субкультуре и к геронтогенезу, к возрастным нормам поведения, регулирующим особенности мировосприятия, самопрезентации и взаимодействия [Бочаров В.В., Осорина М.А. и др.]. По мнению В.В. Бочарова, между группами юношества и пожилых людей существует нечто общее в плане социальной ущербности и, в определенном смысле, транзитности, которая затрудняет процессы их идентичности [Бочаров В.В., С.82]. Он выдвигает созвучную нашим представлениям идею о том, что в условиях стремительных социальных изменений в обществе разрушаются иные формы идентичностей и на первый план могут выходить возрастные различия между людьми как основа их самоидентификации.

Возрастной символизм как элемент культуры включает систему представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию. Элементами возрастного символизма являются: *нормативные критерии возраста* (принятая культурой возрастная терминология, периодизация, задачи и длительность возрастных этапов); *возрастные стереотипы* (черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного возраста и задаваемые им в качестве подразумеваемой нормы); *возрастные обряды* (ритуалы, структурирующие жизненный цикл, возрастные переходы и отношения возрастных слоев); *возрастная культура* (специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного класса идентифицируют себя как

принадлежащие этому возрасту и отличные от всех остальных) [Бочаров В.В., Кон И.С.].

Очевидно, что переход индивида из одной возрастной стадии в другую осуществляется менее проблематично и болезненно, если он сопровождается определенными ритуалами, обрядами (т.н. обрядами инициации), которые определенным образом структурируют жизненный цикл и оформляют взаимоотношения разных возрастных слоев, передают специфические признаки и ценности возрастных групп, а главное, регламентируют процесс перехода из одной возрастной группы в другую. В ситуации отсутствия обрядовых механизмов символизации возрастных процессов и соответствующих им ритуалов, процесс вхождения в возрастную субкультуру усложняется и растягивается во времени, поскольку индивиду необходимо сориентироваться в символах и нормах возраста, прежде чем он осознает и утвердит себя в качестве члена данной возрастной когорты, войдет в данную субкультуру. Возникает вопрос о механизмах знакомства с нормативными критериями возраста и процессе идентификации индивида с возрастной группой.

В связи с этим необходимо рассмотреть содержание возрастных экспектаций – ожиданий общества от представителей взрослого периода. Важно выявить насколько дифференцирует общественное сознание возрастные этапы в период взрослости, существуют ли выраженные различия в гендерных возрастных «портретах». Образ возраста, который мы получили в результате данного исследования, является тем самым идеальным образом, который становится идеальной формой развития для представителей данного общества. Открытие идеальной формы следующего возрастного этапа открывает нормативный кризис перехода к этому этапу. Взаимодействие идеальной и реальной формы развития определяет динамику кризиса. Интериоризация идеальной формы – сложный процесс, который осуществляется в кризисе и является критерием его окончания и готовности личности к переходу на следующий возрастной этап.

4.1. Исследование представления о нормативных критериях взрослых возрастов. Возрастные задачи развития

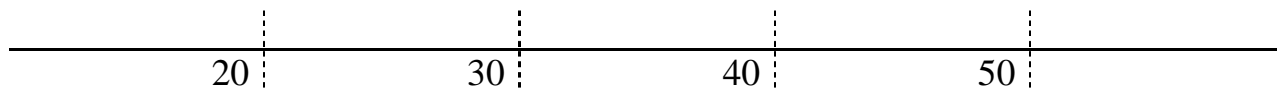
Предварительное исследование представлений о возрасте как нормативном явлении, представленном в обществе, проводилось следующим образом. В структурированной беседе с лицами разного возраста (всего было опрошено 90 человек от 18 до 70 лет различных профессий и уровня образования) выяснялось, к какому возрастному диапазону они относят свой возраст, как и, по каким критериям, они определяют этот и другие возраста.

Было опробовано два варианта первого этапа данной процедуры.

Вариант 1.

Респондентам предлагали посмотреть на линию, где условно обозначены некоторые возрастные отрезки (рис.1). Далее предлагалось определить, где приблизительно он (она) находится в настоящее время, и как, по мнению респондента, можно было бы назвать этот возраст? Если респондент затруднялся

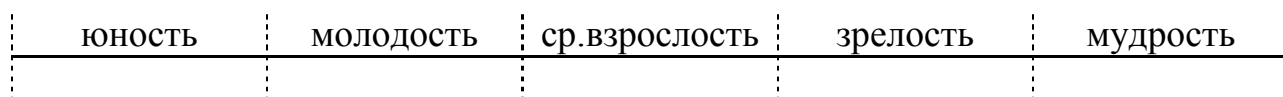
дать название, следовал вопрос: «Можно ли этот период назвать...?» и далее предлагались варианты, в том числе обозначенные на линии (рис.б).

Рис. 1. Линия жизни 1

Вариант 2.

У респондента спрашивали, сколько ему (ей) лет, и просили попытаться отнести свой возраст к некоторому возрастному периоду, обозначенному на рисунке (рис.2). Далее выяснялось, как полагает респондент, когда этот возрастной период приблизительно начался и до какого возраста он (она) будет в нем находиться.

Рис. 2. Линия жизни 2

Следующий этап беседы был посвящен выявлению критериев, соответствующих исследуемому периоду. Вопросы были следующие:

- 1) Как Вы считаете, что ожидает общество от людей Вашего возраста?
- 2) Как Вы полагаете, что ожидает общество от представителей других периодов? (при этом предлагалось указывать конкретное название возраста или возрастные границы этапа с опорой на знакомых или родственников).

Полученные в результате бесед данные были обобщены и структурированы. Ниже приведены представления наших респондентов о приблизительных границах и возможных названиях возрастных этапов взрослого периода, а также ожиданиях общества от представителей исследуемых возрастов (приводятся наиболее распространенные ответы на вопрос об ожиданиях общества от представителей того или иного возраста и варианты названий).

Следует отметить, что была обнаружена достаточно высокая согласованность в описании возрастных особенностей у респондентов. Однако наиболее согласованными оказались результаты у представителей соответствующей собственному возрасту возрастной когорты. Представители других возрастов часто использовали для обозначения особенностей более младших или более старших возрастов оценочные категории, например: беззаботность, инфантильность, безответственность или: дряхлость, чахлость и т.п.

«Молодость» («двадцатилетние», «молодые», «старшая юность») – от 24 до 33 лет:

- активности в усвоении знаний;
- беззаботности;
- легкости;
- инфантильности;
- праздности;
- новых идей;
- создание семьи;
- импульсивности;
- бескорыстия;
- пассивности.

«Средний возраст» («взрослые», «те, кому за тридцать») – от 34 до 43 лет:

- продуктивности;
- работы на прогресс общества;
- работы, еще раз работы;
- расцвета;
- пика активности;
- созидания нового;
- развития возможностей;
- профессионального развития;
- рождения детей;
- открытости;
- новаторства;
- продвижения идей на благо общества;
- накопления опыта и созидательных сил.

«Зрелость» (сорокалетние, «за сорок», «возраст опыта») – от 46 до 55 лет (для женщин) и 46–60 лет (для мужчин):

- опыта;
- поддержания прогресса за счет стабильности;
- стабильности;
- удержание достигнутых высот (планки);
- такой же интенсивной работы как в 30;
- воспитывать детей;
- передачи опыта;
- поддержки молодого поколения (в семье и в профессии);
- обращения к богу;
- обретения духовности;
- передачи опыта;
- быть образцом для подражания;
- предсказуемости;
- надежности.

«Возраст мудрости» («пенсионный возраст») – от 56 до 65 лет:

- сохранять активность;
- не чахнуть;
- мудрости;
- хранения опыта;
- отдать последние соки;
- солидности;
- степенности;
- осторожности;
- снижения возможностей;
- заботы о здоровье;
- хранения и передачи опыта;
- утраты активности;
- пассивности;
- смирения с изменениями.

Для более точного определения нормативных критериев возраста было специально разработано следующее исследование. Респондентам предлагалось оценить по семибальной шкале (от –3 до +3 баллов) наличие предложенных в бланке (см. приложение № 47) качеств и стремлений у типичных представителей каждого возраста – мужчины и женщины (список включил возрастные критерии, полученные в ходе предварительного исследования).

В исследовании приняло участие 340 респондентов разных возрастных групп (от 17 до 70 лет), представители различных профессий и социальных групп. Среди респондентов были жители больших и малых городов РФ и сельской местности (Челябинской, Ивановской, Ярославской, Свердловской обл., Республики Башкортостан). Исследовался обобщенный образ каждого возрастного этапа.

Нашей задачей было выявить и проанализировать различия в представлениях о типичных образах различных возрастных периодов взрослости, описать возрастные и гендерные стереотипы возраста. Мы также хотели сравнить базисные основания категоризации взрослых возрастов – системообразующие факторы, отражающие наиболее характерные различия во взглядах на задачи молодости, средней взрослости, зрелости и мудрости.

Сопоставляя полученные на данной выборке результаты, мы отметили более высокую степень совпадения образов типичного мужчины и типичной женщины внутри каждого возраста; (соответствующие коэффициенты корреляции для молодости: $r=0,9$, $p<0,001$; для среднего возраста $r=0,955$, $p<0,001$; для зрелости: $r=0,914$, $p<0,001$ и для мудрости: $r=0,964$, $p<0,001$). Такие результаты могут свидетельствовать о высоком совпадении содержания возрастных задач для представителей обоего пола одного возраста. При этом в наибольшей степени отличаются коэффициенты корреляции образов типичных представителей молодости и мудрости (коэффициенты корреляции для женщин: $r= -0,598$,

$p < 0,001$, для мужчин: $r = -0,655$, $p < 0,001$); *молодости и зрелости* (коэффициенты корреляции для женщин: $r = -0,480$, $p < 0,01$, для мужчин: $r = -0,435$, $p < 0,01$).

Кроме того, выявлено достаточно высокое совпадение образов типичного мужчины в молодости и средней зрелости ($r = 0,510$, $p < 0,001$) и образов типичной женщины в возрастах зрелости и мудрости ($r = 0,755$, $p < 0,001$). Эти данные указывают на гендерные различия в представлениях о возрасте в нашей культуре. Ожидаемые стереотипы поведения и образа жизни мужчины периода молодости и средней зрелости во многом совпадают, т.е. общество предписывает им сходные задачи, которые связаны с высокой активностью, профессиональным развитием, созданием семьи и новаторством. Стереотипное представление, распространенное в нашей культуре о женщине возрастов зрелости и мудрости одинаково связано с ожиданием от нее стабильности и надежности за счет осознанного жизненного опыта. Преемственность развития подтверждается значительными совпадениями в образах «соседних» возрастов, а изменения, происходящие в процессе развития, подтверждаются существенными отличиями в образах возрастов, разделенных одной или двумя стадиями.

Для выявления содержания культурально-возрастных экспектаций были определены средние значения по каждому качеству относительно исследуемых возрастных периодов отдельно для мужчин и женщин. На следующем этапе проводилось сравнение рангов качеств во всех возрастных группах. Парное сравнение позволило определить ведущие для возраста особенности и отследить представления о динамике возрастных особенностей взрослых людей – мужчин и женщин.

Таблица 4

Возрастные ожидания

МОЛОДОСТЬ					
мужчины			женщины		
ранг	особенность	ср.зн.	ранг	особенность	ср.зн.
1	Активность в приобретении и усвоении знаний	2.33	1	Рождение детей	2.57
1	Пик активности	2.33	1	Создание семьи	2.47
1	Профессиональное развитие	2.33	2	Активность в приобретении и усвоении знаний	2.41
2	Импульсивность	2.30	2	Профессиональное развитие	2.28
3	Расцвет всех возможностей	2.29	2	Наличие новых идей	2.22
4	Наличие новых идей	2.18	2	Пик активности	2.22
5	Интенсивная работа	2.11	3	Воспитание детей	2.20
6	Созидание нового	1.92	4	Расцвет всех	2.19

				возможностей	
--	--	--	--	--------------	--

Продолжение табл. 4

7	Новаторство	1.89	5	Целеустремленность	2.00
8	Целеустремленность	1.89	6	Накопление опыта и ресурсов	1.99
9	Создание семьи	1.82	6	Импульсивность	1.95
10	Накопление опыта и ресурсов	1.82	7	Интенсивная работа	1.89
Средняя зрелость					
м			ж		
ранг	особенность	ср.зн.	ранг	особенность	ср.зн.
1	Интенсивная работа	2.42	1	Воспитание детей	2.49
2	Профессиональное развитие	2.25	2	Интенсивная работа	2.26
3	Наличие новых идей	2.21	3	Профессиональное развитие	2.12
4	Пик активности	2.15	4	Наличие новых идей	2.02
4	Воспитание детей	2.15	5	Целеустремленность	1.96
5	Целеустремленность	2.02	6	Пик активности	1.95
6	Удержание достижений	1.99	6	Продуктивность	1.95
6	Созидание нового	1.99	7	Уверенность в себе	1.77
7	Расцвет всех возможностей.	1.96	7	Новаторство	1.77
7	Новаторство	1.96	7	Надежность	1,77
8	Рождение детей	1.95	8	Опыт	1,72
9	Продуктивность	1.91	8	Созидание нового	1,72
10	Уверенность в себе	1.81	9	Активность в усвоении знаний	1,69
11	Создание семьи	1.77			
зрелость					
м			ж		
ранг	особенность	ср.зн.	ранг	особенность	ср.зн.
1	Опыт	2.32	1	Опыт	2.45
2	Поддержка подрастающего поколения	2.19	2	Воспитание детей	2.27
3	Воспитание детей	2.16	3	Поддержка молодого поколения (в семье и в профессии)	2.12
4	Передача опыта	2.12	4	Передача опыта	2.05
5	Хранение опыта поколений	1.95	5	Стабильность	2.02

6	Удержание достигнутых высот	1.89	6	Забота о здоровье	2.01
7	Интенсивная работа	1.87	6	Надежность	2.01
7	Солидность	1.87	7	Хранение и передача опыта поколений	1.94
8	Забота о здоровье	1.86	8	Уверенность в себе	1.90
9	Целеустремленность	1.83	9	Хранение опыта поколений	1.89
10	Стабильность	1.81	10	Целеустремленность	1.79
10	Надежность	1.81	10	Осторожность	1.79
мудрость					
м			ж		
ранг	особенность	ср.зн.	ранг	особенность	ср.зн.
1	Забота о здоровье	2.59	1	Забота о здоровье	2.63
2	Опыт	2.56	2	Опыт	2.57
3	Поддержка молодых поколений	2.47	2	Передача опыта	2.57
3	Передача опыта	2.47	3	Поддержка молодых поколений	2.46
4	Мудрость	2.39	4	Мудрость	2.43
5	Осторожность	2.21	5	Хранение опыта поколений	2.35
5	Степенность	2.19	5	Осторожность	2.42
6	Солидность	2.16	6	Хранение и передача опыта поколений	2.24
7	Стабильность	2.16	7	Надежность	2.14
8	Надежность	2.05	7	Степенность	2.14
8	Обретение духовности	2.02	8	Обретение духовности	2.12
9	Стремление поддерживать достигнутое	1.90	9	Солидность	2.11
10	Интенсивная работа	1.79	10	Стабильность	2.06

В табл. 4 приведены качества, приписываемые общественным мнением типичным представителям четырех возрастных групп взрослого периода. Полагая, что наиболее ярко характеризуют возраст те качества, средние значения по которым выше $\pm 1,5$ баллов (по семибальной шкале: от -3 до $+3$), мы привели именно эти качества и указали их ранг для каждой возрастной группы отдельно

для мужчин и женщин. Видно, что некоторые характеристики имеют в отдельных группах близкие значения и одинаковый ранг.

Представления в нашем обществе о задачах молодости в основном охватывают область профессионального развития, создание семьи, характеризуют этот период как расцвет возможностей, пик активности и направленности на новое. Вместе с тем, очевидны различия в усредненном мужском и усредненном женском образе. Так, на первом месте для мужчины, по мнению наших респондентов, стоит профессиональное развитие и активность в получении и усвоении знаний (возраст характеризуется как пик активности для мужчины). Для женщины этого возраста на первом месте – создание семьи и рождение детей. Активность в получении и усвоении знаний и профессиональное развитие тоже занимают высокую позицию – второй ранг, но делят ее с воспитанием детей. Создание семьи как задача для мужчины этого возраста занимает лишь девятую позицию после группы особенностей, связанных с новаторством и целеустремленностью. Интересно отметить, что те же качества в образе типичной женщины занимают более высокие ранги в ряду приписываемых ей общественным мнением характеристик. Очевидно, что в представлениях, распространенных в нашем обществе, женщине молодого возраста отводится активная позиция как в сфере создания семьи и воспитании детей, так и в профессиональном плане и саморазвитии. Однако самые высокие значения по позициям «рождение детей» и «создание семьи» приходятся именно на образ типичной женщины ранней зрелости. Мужчина, согласно общественным представлениям, должен в первую очередь состояться как профессионал, быть активным в созидании и продвижении новых идей и интенсивно работать.

Характеристики мужчины и женщины среднего возраста во многом схожи между собой, за исключением того, что на первой позиции для женщины в ряду наиболее ожидаемых обществом характеристик – воспитание детей (самое высокое значение среди всех возрастных групп), затем – интенсивная работа, наличие новых идей и продуктивность. От мужчины общество ожидает интенсивной работы (пиковое значение для всех возрастов) в первую очередь, а наличие новых идей связывает с профессиональным развитием и пиком активности. Воспитание детей – на четвертой позиции в ранге приписываемых мужчине среднего возраста ценностей. Образ мужчины среднего возраста включает в себя некоторые характеристики образа мужчины ранней зрелости. Среди них: профессиональное развитие, активность, стремление к новаторству, создание семьи, которые занимают почти одинаковые ранговые позиции. Различают эти образы качества, которые, включены в другие возрастные образы. Так, среди характеристик молодости встречаются такие, которые, очевидно, присущи предыдущему возрасту – юности, – активное усвоение знаний и импульсивность, а среднему возрасту приписываются качества, которыми так же характеризуется типичный мужчина зрелого возраста: целеустремленность, продуктивность, удержание достигнутых высот (результатов), уверенность в себе. Подобную преемственность можно наблюдать и в характеристиках возрастных

образов женщины. Профессиональное развитие, целеустремленность, новаторство и опыт – качества присущие и среднему возрасту и зрелости.

Возраст зрелости является во взглядах наших респондентов переходным к возрасту мудрости, поскольку на первых позициях содержит большинство характеристик следующего возраста: хранение и передача опыта, стабильность, быть образцом для подражания. С той лишь разницей, что средние значения по этим качествам в возрасте мудрости значительно превышают значения этих характеристик в образе зрелого возраста (различия значимы на уровне $p = 0,001$). Пиковые значения для этого возраста приходятся на качества: у мужчин – быть образцом для подражания, а у женщин – уверенность в себе.

Образ возраста мудрости у мужчин и женщин содержит такие характеристики как: опыт, забота о здоровье, поддержка молодых поколений, мудрость, осторожность, степенность, стремление к, и обретение духовности, солидность, стабильность. Большинство из этих характеристик являются пиковыми в данном возрасте.

Как уже отмечалось, во многом внутри возраста образы мужчины и женщины схожи между собой, однако значимые различия удалось обнаружить по следующим позициям.

Таблица 5

Значимые различия в образах мужчин и женщин в молодости

	Создание семьи	Рождение детей	Воспитание детей
Мужчины в молодости	1,82	1,85	1,05
Женщины в молодости	2,47	2,57	2,20
Уровень значимости различий по Т-критерию Стьюдента	$P < 0.001$	$P < 0.001$	$P < 0.001$

В табл. 5 приведены средние значения оценок отдельных качеств в образах мужчин и женщин, в последней строке – уровень значимости различий по Т-критерию Стьюдента.

В молодости в описании особенностей типичной женщины значимо выше (при $p < 0.001$), чем у мужчины задачи создания семьи, рождения и воспитания детей.

Образы типичных представителей средней взрослости значимо различаются (снова «в пользу» женщины при $p < 0.001$) по пунктам: создание семьи, рождение детей и, что интересно, активность в усвоении знаний.

Значимые различия в образах мужчин и женщин в средней взрослости

	Рождение детей	Воспитание детей	Расцвет всех возможностей
Мужчины в средней взрослости	1,95	2,11	1,96
Женщины в средней взрослости	1,50	2,49	1,67
Уровень значимости различий по Т-критерию Стьюдента	P<0.011	P<0.001	P<0.05

В табл. 6 приведены средние значения оценок отдельных качеств в образах мужчин и женщин, в последней строке – уровень значимости различий по Т-критерию Стьюдента.

Образ типичного зрелого мужчины на уровне тенденций ($p = 0.05$) отличается от образа зрелой женщины возможностью рождения детей, а женщина значительно опережает мужчину (при $p = 0.001$) по характеристикам осторожности и снижению возможностей (физических и социальных).

В возрасте мудрости образ мужчины отличают возможности интенсивной работы и стремление удерживать достигнутое. Здесь можно говорить о привычных полоролевых стереотипах в нашей стране. Мужчина традиционно более ориентирован на работу, профессиональную карьеру, профессиональный прогресс. Женщина же, как правило, сочетает высокую активность в профессии и общественной жизни с созданием и поддержанием домашнего очага, столь же активной заботой о семье. Возможно, поэтому активный период в жизни типичной российской женщины короче, чем у мужчины. Стереотипы же требуют от мужчины более долгой профессиональной активности и ответственности за экономическую стабильность семьи.

В настоящей работе мы не проводили кросскультурных исследований, что могло бы стать одним из направлений продолжения данной работы. Однако полученные данные согласуются с некоторыми результатами, описанными в работах по исследованию полоролевых и этнических стереотипов ([ссылки на лит. Из ст. «кросскульт ОБРАЗ» и ст. на англ. О норм. Изменениях..](#)).

В целом можно сделать следующие выводы о том, что полученные в экспериментальном исследовании данные подтвердили общие теоретические представления о возрастных задачах развития в период взрослости (см. гл.3).

Основные задачи развития в ранней взрослости (молодости) связаны с профессиональным становлением и созданием семьи. Однако от мужчин общество ожидает большей включенности в профессиональную сферу и общей активности по созиданию нового, от женщины ожидается направленность на создание семьи и рождение детей и, вместе с тем, на активное профессиональное обучение и развитие.

Основные задачи среднего возраста связаны с интенсивной работой, направленностью на поиск новых идей, целеустремленностью. Гендерные различия в ожиданиях общества связаны с большей ответственностью женщин за воспитание детей.

Основные задачи зрелости связаны с присвоением опыта и стремлением к стабильности, надежности и уверенности в себе.

4.2. Исследование факторной структуры представлений о возрасте

Анализ результатов факторной обработки двух матриц в отдельности (респондентов женщин и мужчин) показал, что факторные структуры, полученные в результате факторной обработки матриц российских мужчин и российских женщин очень близки между собой. Другими словами, стереотипы, требования, предъявляемые к тем или иным женским и мужским ролям исследуемыми респондентами, как мужчинами, так и женщинами, имеют больше общего, чем различного. Это подтверждает, что представления людей о возрастных нормах и задачах детерминируются культурой.

В результате факторизации всех характеристик было выделено два наиболее значимых фактора. Первый фактор образовали следующие пункты (с указанием их факторных нагрузок и полярности):

Таблица 7

Факторная структура представлений о возрасте

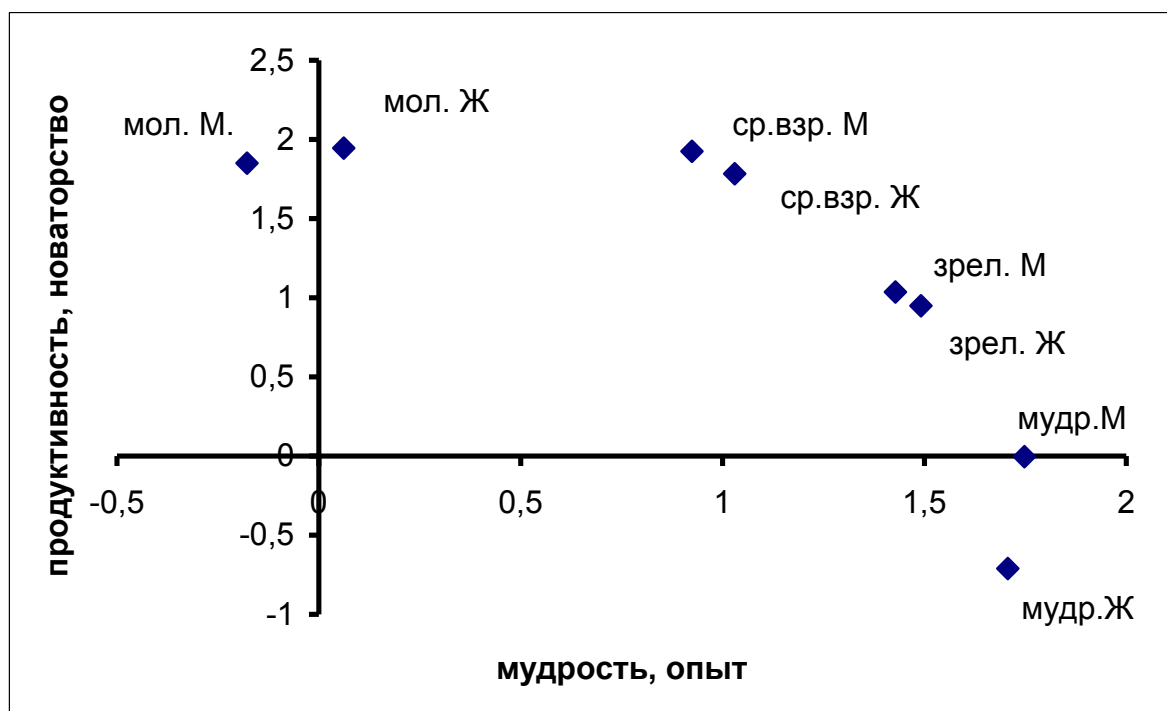
Название фактора	Номер пункта	Содержание пункта	Факторные нагрузки	
			1	2
Мудрость и опыт	37	Поддержка молодого поколения в семье и обществе	.790	
	44	Мудрость	.770	
	31	Передача опыта	.754	
	36	Надежность	.751	
	39	Хранение и передача опыта поколений	.729	
	34	Стабильность	.724	
	04	Жизненный опыт	.715	
	43	Солидность	.703	
	09	Степенность	.702	
	30	Обретение духовности	.699	
	42	Осторожность	.672	
	06	Хранение опыта	.660	
	40	Забота о детях здоровье	.645	
	25	Быть образцом для молодежи	.626	
35	Прогресс за счет достигнутой стабильности	.563		

Название фактора	Номер пункта	Содержание пункта	Факторные нагрузки	
			1	2
	41	Снижение физических возможностей	.547	
	46	Самодостаточность	.535	
	01	Беззаботность	-.534	
	23	Легкомысленность	-.532	
	05	Предсказуемость	.479	
	27	Удержание достижений	.474	
Новаторство и продуктивность	19	Новаторство		.754
	24	Созидание нового		.735
	22	Профессиональное развитие и становление		.732
	33	Интенсивная работа		.727
	15	Продуктивность		.682
	26	Активность в приобретении и усвоении знаний		.676
	10	Новые идеи		.665
	21	Рождение детей		.660
	03	Пик активности		.649
	17	Накопление опыта		.641
	02	Расцвет всех возможностей		.621
	29	Целеустремленность		.609
	18	Продвижение идей на благо общества		.607
	16	Работа на общественный прогресс		.597
	11	Создание семьи		.587
07	Саморазвитие		.565	
12	Импульсивность		.482	

Анализ семантики пунктов, образовавших положительный и отрицательный полюсы первого фактора, позволяет интерпретировать его как фактор мудрости и опыта. По содержанию пунктов, составивших второй фактор, можно определить его как новаторство и продуктивность.

На рис. 3. представлено семантическое пространство стереотипных представлений о возрастах взрослого периода: проекции факторного пространства с указанием семантического содержания выделенных измерений. Координаты точек в пространстве для каждой возрастной позиции мужчин и женщин (всего 8 точек) соответствуют полученным этими позициями при факторизации

факторным баллам. Как легко заметить из рисунка, позиции возрастных оценок типичных женщин и мужчин одного возраста расположены рядом, кроме того, точки, соответствующие возрастным ожиданиям, образуют параболу, где крайним возрастным стадиям периода взрослости соответствуют максимальные значения по одной оси и близкие к нулю – по другой. Это отражает стереотипы и представления, сложившиеся в российской культуре о гендерных и возрастных проявлениях мужчин и женщин.

Рис. 3. Семантическое пространство стереотипных представлений о возрасте (Ф1, Ф2):

Условные обозначения:

мудр. Ж. – типичная женщина возраста мудрости

мудр. М.– типичный мужчина возраста мудрости

зрел. Ж. – типичная женщина возраста зрелости

зрел. М.– типичный мужчина возраста зрелости

ср. взр. Ж. – типичная женщина возраста средней взрослости

ср. взр. М – типичный мужчина возраста средней взрослости

мол. Ж. – типичная женщина возраста молодости

мол. М. – типичный мужчина возраста молодости

Анализируя распределение позиций по первому фактору (мудрость и опыт), отметим, во-первых, что самые высокие значения приходятся на проекции образов типичного мужчины и типичной женщины периода мудрости. Кроме того, близкие координаты по оси, соответствующей данному фактору, приходятся на точки, проецирующие образы типичной женщины возрастов мудрости и

зрелости. Напротив, самые низкие значения по данному фактору приходятся на точки проекции возраста молодости, как мужчин, так и женщин.

Распределение по второму фактору (продуктивность и новаторство) прямо противоположно: наиболее высокие значения приходятся на точки, соответствующие образам возраста молодости (при близких к нулю показателях первого фактора), а самые низкие (при максимальных – по первому фактору) – приходятся на возраст мудрости. Кроме того, близки значения точек проекции образов мужчины молодости и среднего возраста по первому фактору (продуктивность и новаторство).

Представления общества о динамике исследуемых факторов в целом отражены в известной поговорке: «Если бы молодость знала, если бы старость могла».

Зафиксированные сходства и различия в отношении возрастных стереотипов – качеств и свойств, приписываемых культурой лицам разных стадий периода взрослости, свидетельствуют о том, что нормативные критерии возраста существуют в культуре и представлены в общественном сознании. Следовательно, можно полагать, что образ возраста как специфический набор признаков и ценностей поддерживается носителями определенной возрастной субкультуры и транслируется как идеал или стереотип представителям других возрастов.

Удалось выявить наиболее общие основания категоризации критериев взрослых возрастов. Этими критериями являются: 1) активность, новаторство и 2) мудрость, опыт.

Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НОВООБРАЗОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ ВЗРОСЛОСТИ. СЭИ-ТЕСТ

5.1. Особенности изменений статуса эго-идентичности в нормативных кризисах взрослости

Исходя из представлений о том, что личность в своем взрослом развитии проходит как стабильные, так и нормативные кризисные периоды, динамика которых связана с изменением социальной ситуации развития и задачами возраста; полагая, что изучить динамику нормативных кризисов можно, исследуя эго-идентичность – *процесс самоотождествления личности, который отражает отношения третьего рода и измеряет отношение к себе личности, измененной в результате динамических преобразований ситуации развития*, было организовано исследование динамики эго-идентичности в различные периоды взрослости.

В ходе предварительного исследования особенностей формирования эго-идентичности в юношеском возрасте и в кризисе перехода к взрослости, были уточнены области проявления эго-идентичности: *отношения к временной перспективе, отношения к выбору профессии или дела жизни, отношения к ценностям, автономия-поддержка* (как доверие собственным силам или потребность в поддержке). Посредством структурированного интервью на

основании выделенных еще в работах Дж. Марсиа параметров и их соотношения (поиск идентичности и выбор или принятие обязательств), определялся статус идентичности респондентов по их высказываниям.

Заметим, что вслед за Дж. Марсиа [Marcia, J. E. (1966). Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3, 551–558.; Marcia, J.E. (2002). Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2, 7–28] сторонники теории статусов эго-идентичности обычно выделяют четыре статуса: *достигнутая идентичность* (*achieved identity*), когда человек, выяснив, посредством поиска, кем он может быть или кто он есть, принимает на себя соответствующие обязательства; *мораторий* (*moratorium*) – не приняв обязательств, индивид находится в поиске собственных ценностей и идентичности; *предрешенная идентичность* (*foreclosure*) – принятие обязательств и ценностей под воздействием значимых других; *диффузная идентичность* (*identity diffusion*) – нет обязательств и отсутствует поиск.

Данная концепция имеет как своих последователей, так и критиков. В частности, идее статусов противопоставляется принцип влияния индивидуального стиля на развитие идентичности. Так М.Д. Берзонский [Berzonsky, M.D. (1994). Self-identity: The relationship between process and content. *Journal of Research in Personality*, 28, 453–360.

Berzonsky, M. D., & Adams, G. R. (1999). Reevaluating the identity status paradigm: Still useful after 35 years. *Developmental Review*, 19, 557–590.

Berzonsky, M. D., & Sullivan, C. (1992). Social-cognitive aspects of identity style: Need for cognition, experiential openness, and introspection. *Journal of Adolescent Research*, 7, 140–155]

предлагает рассматривать процесс принятия идентичности с позиции участия трех различных социально-когнитивных стилей. Информационная ориентация, т. е. направленность на поиск информации, опробование различных вариантов идентификации (поиск себя) связана со становлением достигнутой идентичности через самоисследование. Предрешенную идентичность определяет нормативная ориентация, т.е. направленность на группу значимых близких или друзей. Неопределенная диффузная идентичность связана с диффузным социально-когнитивным стилем, который характеризуется невключением в происходящее и привычкой подчиняться обстоятельствам. Специфику становления эго-идентичности в связи с различными особенностями личности исследовали, например С. Доллингер, С. Клэнси Доллингер и Л. Сентенто. [S.J. Dollinger, S.M. Clancy Dollinger, L. Centeno, *Identity and Creativity*, 2005]. Они выявили связь статусов и стилей эго-идентичности с некоторыми особенностями креативности (подробнее в VII гл).

Важно отметить, что все эти работы направлены на изучение формирования идентичности в юношеском возрасте, в период, безусловно сензитивный для самоопределения. Тем не менее, мы разделяем идею Э. Эриксона о том, что становление эго-идентичности происходит в течение всей жизни и полагаем, что *в соответствии с задачами возрастных стадий на каждом возрастном этапе индивид снова и снова определяет цели и ценности своей личности, переопределяет собственную идентичность*. Мы полагаем, что формирование

эго-идентичности проходит разные уровни в соответствии с фазами кризиса, т.е. каждой фазе кризиса соответствует определенный статус эго-идентичности. Взяв за основу идею Дж. Марсиа о разных сочетаниях двух факторов (поиск идентичности и принятие обязательств) в разных статусах идентичности, мы рассматривали эти особенности в трех фазах нормативных кризисов взрослости. Определив сферы, в которых наиболее ярко обнаруживают себя особенности идентичности, мы разработали интервью, в ходе которого выясняли черты сформированности представления о себе в каждой значимой для взрослого человека сфере жизни.

В ходе структурированного интервью было выявлено, что для каждой фазы нормативного кризиса характерен определенный статус эго-идентичности: в дебюте кризиса – *предрешенная* (заданная новой социальной ситуацией, внешними образцами и идеальной формой); в апогее кризиса – *размытая* или *диффузная*; в завершении кризиса – *автономная* или *достигнутая* эго-идентичность; для стабильных периодов развития характерен *мораторий* в поиске эго-идентичности. Здесь важно обратить внимание на то, что в работах Дж.Марсиа статус эго-идентичности, характеризующийся выраженным поиском и отсутствием выбора назван мораторием, а статус, характеризующийся отсутствием выбранных обязательств и отсутствием поиска назван диффузной идентичностью. Мы полагаем, что понятие «мораторий» корректнее применить к статусу, который описан в категориях воздержания, устранения от поиска и от выбора, когда отсутствует не только активный поиск идентичности, но и нет мотивации к поиску. На наш взгляд такое состояние характерно периоду стабильности, когда в обретенной собственной идентичности нет сомнений. Этот период не является кризисным по содержанию. А фазе конфликта, напротив, обычно сопутствуют сомнения в собственной идентичности, человек не может определиться в собственных ценностях и целях, не доверяет себе, находится в активном поиске. Такую идентичность мы предлагаем называть размытой или диффузной, поскольку эти понятия более точно отражают процессы, происходящие с личностью в период острого переживания кризиса.

В табл. 8 представлены основные результаты, полученные в ходе пилотажного исследования особенностей проявления эго-идентичности в разных жизненных сферах в зависимости от фазы нормативного кризиса. Результаты, полученные нами согласуются с некоторыми данными, полученными в зарубежных работах по исследованию статусов эго-идентичности в юности ([ССЫЛКА НА послед. Марсиа-см. в кн.](#)) и отечественных, посвященных исследованию проблемы кризиса идентичности ([Ю.Г.Овчинникова](#)). Так, Ю.Г. Овчинникова среди индикаторов кризиса идентичности называет пониженное самоуважение, «маску» одной из субличностей, диффузию временной перспективы, нарушения в трудовой деятельности (острая потеря умелости или излишняя концентрация на какой-либо одной деятельности), нарушения в групповой идентичности (отказ от ролей, принятых в референтной группе), отчуждение от мира. Под кризисом идентичности она понимает «состояние, при котором человек не может понять кто он такой», «нарушение динамики

идентичности, при которой формирование новой идентичности или возвращение к прежней становятся невозможными» (ОВЧ, С. 84). Такое понимание кризиса относится, скорее всего, к острой фазе кризиса, собственно критической, когда изменения, происходящие с человеком особенно заметны, а сам он не видит выхода из сложившейся ситуации и находится в состоянии фрустрации. Это позволяет нам провести параллель между критериями кризиса идентичности, выделенными Ю.Г.Овчинниковой и выявленными в нашем исследовании особенностями эго-идентичности, проявляющимися во второй фазе нормативного кризиса.

Таблица 8

Особенности эго-идентичности в разных фазах
нормативного кризиса

Сферы проявления	Предкритическая фаза кризиса	Собственно критическая фаза	Фаза адаптации
	<i>Предрешенная эго-идентичность (Ф)</i>	<i>Размытая эго-идентичность (С)</i>	<i>Состоявшаяся эго-идентичность (А)</i>
1	2	3	4
Время	<i>Идеализированный образ будущего (эго)</i> <ul style="list-style-type: none"> • фиксация на будущем (идеализация будущего) Отказ от прошлого	<i>Отречение (от эго)</i> <ul style="list-style-type: none"> • отказ от настоящего • невидение будущего • идеализация прошлого утрата собственной непрерывности	<i>Тождественность целостность (эго)</i> <ul style="list-style-type: none"> • принятие настоящего • направленность на будущее • принятие прошлого конструктивность

1	2	3	4
Отношения	<p><i>Эгоцентризация</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • идеализация новых (будущих) отношений • отказ от старых отношений • эгоцентризация 	<p><i>Сомнение, неуверенность</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • отрицание, сомнение, отказ от отношений • неверие в себя • самоизоляция • идеализация прошлых отношений • изоляция от общения • стереотипные формализованные отношения • чрезмерная поглощенность другим • сексуальные крайности (неразборчивость или затруднение в выборе партнера) тотальная замена собств.ид-сти групповой (быть другим) 	<p><i>Автономия</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • отношения значимы • повышается ценность отношений • автономия
Дело	<p><i>Предрешенный выбор</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • предрешенный внешними образцами выбор дела • отказ от прежней проф., деловой активности 	<p><i>Неумение, поиск</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • сомнение в выборе • проба себя в разных ролях • поиск собственного подходящего дела, направления, профессии • острое нарушение умелости • неспособность сконцентрироваться на занятии • чрезмерная (саморазрушительная) поглощенность односторонней деятельностью 	<p><i>Адекватный выбор</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • самостоятельный, осознанный выбор • уверенность в адекватности выбора • тождественность собственным интересам, потребностям

1	2	3	4
Ценности	<i>Стремление к новому</i> <ul style="list-style-type: none"> • принятие внешне заданных (образцов) ценностей • отрицание прежних ценностей и потребностей • стремление к новым целям 	<i>Фиксация, обесценивание</i> <ul style="list-style-type: none"> • обесценивание собственных ценностей и целей • потеря смыслов • сомнение в целях • идеализация уже устоявшихся собственных ценностей • фиксация на системе ценностей и предпочтений • стремление удержать ценности (цели) 	<i>Толерантность</i> <ul style="list-style-type: none"> • толерантность к изменениям в ценностных сферах • принятие изменений • самостоятельность, гибкость и решительность в выборе собственных целей и ценностей
Поддержка	<i>Самоуверенность</i> <ul style="list-style-type: none"> • излишняя уверенность в себе, своих ресурсах • самомнение • стремление к риску 	<i>Сомнение, утрата социального признания</i> <ul style="list-style-type: none"> • одиночество • пониженное самоуважение • сомнение в собственных ресурсах • сомнение в адекватности собственных проявлений • неустойчивое представление о себе • проба сил 	<i>Самостоятельность</i> <ul style="list-style-type: none"> • принятие своих сильных и слабых сторон • принятие собственных чувств • уверенность в собственных ресурсах

Обозначения: Ф – фиксация; С – сомнение, поиск; А – автономия.

В результате данного пилотажного исследования было обнаружено, что статус эго-идентичности зачастую оказывался неоднородным у одних и тех же людей: наряду с доминирующим статусом, в некоторых сферах определялись и другие. Это позволило предположить, что существуют особые, сензитивные периоды для становления различных сторон эго-идентичности.

В связи с этим, целью дальнейшего исследования было экспериментальное исследование структурных и динамических особенностей эго-идентичности на разных этапах взрослого периода развития.

Предметом исследования выступили структура эго-идентичности; ее статусы: предрешенная, диффузная, достигнутая; основные показатели, определяющие статус: фиксация, сомнение и автономия.

5.2. Методика диагностики структуры эго-идентичности «СЭИ-тест»

Для проверки гипотезы относительно того, что структура эго-идентичности связана с возрастными задачами этапа, а становление различных ее сторон происходит в определенные сензитивные периоды, была разработана специальная методика диагностики структуры и статусов эгоидентичности – СЭИ-тест. Собранные в ходе структурированного интервью высказывания, отражающие автономную идентичность (А), были сгруппированы по сферам проявления и предложены в виде опросника 170 испытуемым в возрасте от 18 до 52 лет. В опросник было включено 72 высказывания, которые, по мнению экспертов, наиболее точно отражали представления о себе личности с достигнутой (автономной) идентичностью. Процедура факторизации с последующим «варимакс» вращением позволила свести к восьми конструктам многочисленные высказывания. В результате были отброшены высказывания, не вошедшие в выделенные факторы.

Анализ оставшихся пятидесяти трех высказываний позволил определить содержание каждого фактора и дать ему соответствующее условное название. В целях обеспечения большей корректности интерпретации факторов, данная процедура проводилась группой экспертов.

Далее на основании разработанных показателей статусов эго-идентичности, каждому высказыванию были подобраны еще два, характерные для людей, находящихся на разных этапах процесса становления эго-идентичности. Каждый пункт в результате был преобразован в «тройку» соответствующих вариаций высказывания. Данный материал послужил основой для теста статуса эго-идентичности. Было выделено 7 шкал. В первую шкалу вошли «тройки» высказываний, сформированных на основе первого фактора первичного опросника, вторая, соответственно, была сформирована на основе второго фактора первичного опросника и т. д., кроме четвертой шкалы, которая объединила материалы двух факторов, поскольку содержание их отражает особенности отношения к собственным переживаниям и эмоциональным проявлениям.

Особенность теста структуры эго-идентичности состоит в том, что испытуемым предлагается в каждом пункте шкалы выбирать одно из трех утверждений, описывающих реальность представлений о себе с позиции предрешенной, диффузной или автономной идентичности.

Диагностические категории – шкалы теста структуры эго-идентичности (СЭИ-тест).

1. Шкала **«Ответственность за выбор»** или **«творческая сила развития» (ТС)** включает в себя 12 пунктов. Шкала измеряет особенности отношения личности к выбору, принятию решения в значимых сферах и направлениях

саморазвития, творческую силу развития. Определяет, насколько человек доверяет себе, своему выбору и доверяет выбору другого, признает ответственность за принятие решения того, кому это решение принадлежит. Здесь возможны варианты: беззаботное отречение от принятия решения о выборе; мучительные сомнения и нежелание брать (признавать) ответственность; решительного выбора, признания и принятия гибкости в мышлении и поведении.

2. Шкала **«Самодостаточность»** или **«сила эго» (СЭ)** состоит из 10 пунктов и измеряет силу Эго, независимость, самодостаточность личности в реализации жизненных целей, собственной линии жизни, в сфере отношений, социальных и профессиональных контактов. В зависимости от уровня эго-идентичности возможны следующие представления: абсолютизированная ценность собственной независимости и уникальности; неверие в себя, пассивность и отстраненность; вера в себя, спокойная уверенность в собственных ресурсах.

3. Шкала **«Осознанность жизненного пути» (ОЖ)** содержит 7 пунктов, которые включают представление личности о непрерывности развития, об ответственности за выбор своего жизненного пути, своих способностях и возможностях осознанного влияния на свою жизнь. Определяются разные варианты представлений о себе и своем развитии: инфантильно-волшебное, неуверенно-беспомощное и реалистичное представление о своем жизненном пути.

4. Шкала **«Эмоциональная зрелость» (ЭЗ)** включает 8 пунктов, образующих фактор, измеряющий принятие своих чувств, даже самых сильных и доверие своим эмоциональным проявлениям. Особенности отношения к собственным переживаниям и эмоциональным проявлениям диагностируются этой шкалой. Например: полное отрицание возможности и способности переживания сильных эмоций, в том числе, отрицательных; стремление справляться, подавлять собственные сильные переживания и их проявления, не признавать эмоции; признание и принятие даже самых сильных эмоциональных переживаний.

5. Шкала **«Принятие настоящего» (ПН)** образована 4 пунктами, которые включают суждения, направленные на значимость и привлекательность для личности событий и переживаний сегодняшнего дня не сравнивая их с прошлыми событиями и представлениями о будущем. Данная шкала дифференцирует отношение как к ценности, – к реальности «здесь-и-сейчас». Варианты отношений следующие: неприятие своего нынешнего статуса, недовольство собой настоящим; стремление поскорее оказаться в будущем или фиксация на более привлекательном прошлом; принятие важности настоящего, своего статуса и признание его роли в логике своего жизненного пути.

6. Шкала **«Осознанность собственных ценностей» (ОЦ)** образована 5 пунктами, которые включают суждения о ценностях автономии с точки зрения рационального отношения и выбора. Данная шкала диагностирует варианты осознаваемого самоотношения: «легкое» отношение к собственной системе ценностей и целей; стагнация системы ценностей и предпочтений; рационально-реалистический взгляд на ценности, цели и собственные убеждения, гибкость в оценке собственных приоритетов.

7. Шкала «Соответствие себе» (СС) включает 7 пунктов с суждениями, утверждающими ценность быть собой, доверять себе, описывающих отношение к себе как уникальной системе, способной к изменениям без потери самоидентичности и устойчивой в сфере социальных отношений. Варианты проявлений, диагностируемые данным конструктом: нарочито вычурная, демонстрируемая уверенность в себе; неуверенность в себе вплоть до самоотречения; «мужество быть собой», соответствие своему Я.

Психометрическая проверка теста включала проверку тест-ретестовой надежности по критерию устойчивости данных во времени. Все коэффициенты превышают критическое значение для $p < 0,01$. Высокие показатели объясняются тем, что шкалы теста, вероятно, диагностируют достаточно устойчивые особенности представлений о своей личностной структуре, которые мало подвержены изменениям за столь короткий промежуток времени.

Валидность теста проверялась по нескольким направлениям. Решение задачи **конструктивной валидности** теста было проведено путем сопоставления с методикой САТ. Исходными стали следующие положения: в дебюте нормативного кризиса личность со статусом предрешенной эго-идентичности характеризуется завышенным стремлением к самоактуализации; во время второй фазы кризиса отсутствует уверенность в себе и самоактуализация; в период выхода из нормативного кризиса личность, обретая автономию, уверенность в своих силах, доверие собственным ресурсам, ощущает высокую степень самоактуализации.

Результаты корреляционного анализа (по Пирсону) выявили многочисленные положительные и отрицательные значимые связи между шкалами СЭИ-теста и САТ. Тесная корреляция подтвердила исходные положения о положительной связи статуса автономной (достигнутой) идентичности и отрицательных связях статуса диффузной идентичности с показателями самоактуализации. Не удалось выявить значимых связей для статуса предрешенной эго-идентичности, хотя на уровне тенденций такие связи просматриваются.

СЭИ-тест был проверен по критерию **эмпирической валидности** с использованием метода контрастных групп. В качестве испытуемых с предположительно нестабильной эго-идентичностью были взяты две группы пациентов: психиатрической клиники – 16 больных невротами и хирургического отделения – 16 больных хр. пиелонефритом. Сравнение проводилось с группой, соответствующего возрастного диапазона из общей выборки здоровых взрослых респондентов ($n=16$). В табл.1 представлены результаты выраженности различий по шкалам теста в этих группах.

Сравнение показателей шкал СЭИ-теста в контрастных группах по критерию Манна-Уитни

Шкалы	невротики – здоровые			соматические больные – здоровые		
	Ф	С	А	Ф	С	А
ТС	127.0	80.5*	48.5**	90.5	99.5	129.0
СЭ	64.0**	92.5	90.0	87.5	120.0	98.0
ОЖ	64.0**	65.0**	89.5	55.0**	67.0**	163.5
ЭЗ	78.0*	88.0	110.0	110.0	120.0	156.0
ПН	113.0	64.0**	61.5**	112.0	156.5	99.5
ОЦ	99.0	121.0	80.5*	89.0	132.0	124.0
СС	145.5	92.0	79.0*	91.5	118.0	140.0
Общ.	123.5	72.5*	80.0*	90.5	130.0	128.0

Обозначения: достоверность различий: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Условные обозначения: шкал СЭИ-теста: ТС – творческая сила, СЭ – сила эго, ОЖ – осознанность жизненного пути, ЭЗ – эмоциональная зрелость, ПН – принятие настоящего, ОЦ – осознанность собственных ценностей, СС – соответствие себе, Общ. – сумма по всем шкалам; показателей статуса эго-идентичности: А – автономный, С – диффузный, Ф – предрешенный.

В табл. 9 приведены значения показателей U-критерия Манна-Уитни полученные при сравнении контрастных групп невротиков и здоровых, соматических больных и здоровых по шкалам СЭИ-теста.

Полученные результаты свидетельствуют, что тестовые значения в группе больных неврозом значительно отличаются от значений в выборке здоровых по всем шкалам теста. Можно предположить, что при более строгом отборе в группе здоровых взрослых (исключив, людей, переживающих первую и вторую стадии нормативного кризиса), различия в оценках будут более яркими.

Разница в структуре эго-идентичности у соматических больных по сравнению со здоровыми, выявлена достоверно только по шкале «осознанность жизненного пути» (ОЖ), которая диагностирует представление личности о непрерывности собственного развития, об ответственности за жизнь и возможностях влияния на нее. Различия здесь обнаружены в уровнях фиксированного представления о себе и своем развитии – инфантильно-волшебном и неуверенно-беспомощном представлении о своем жизненном пути. Эти данные вполне объяснимы с точки зрения нормальной логики: человек, «прикованный» к кровати болезнью, ожидающий оперативного вмешательства, ситуативно теряет контроль над собственными жизненными планами, приобретает неуверенно-беспомощное

представление о своем будущем или инфантильно устранивается от влияния и ответственности за свою судьбу.

В ходе психометрической проверки теста определялась **степень внутренней согласованности** шкал теста. В целом тест оказался вполне внутренне согласованным, большинство корреляций значимы на уровне $p < 0.001$. Большинство факторов значимо коррелируют между собой и с суммарными значениями по соответствующим статусам.

5.3. Исследование структурных особенностей эго-идентичности в разные периоды взрослости

В связи с гипотезой исследования относительно различий в структуре эго-идентичности в разные периоды взрослости (молодость, средняя взрослость и зрелость), был проведен анализ различий между группами респондентов разного возраста. При выделении групп исходным было положение о том, что новая структура эго-идентичности, соответствующая возрастным задачам стабильного периода, возникает впервые в виде идеального образа в дебюте нормативного кризиса, предшествующего этому этапу, поэтому в группу каждого возрастного периода включены респонденты, проживающие соответствующий нормативный кризис и находящиеся в стабильном периоде. Для сравнения изменений, происходящих при переходах между возрастными периодами, было выбрано 4 группы: респонденты 18–20 лет составили I группу (период юности), 21–27 лет – II группу (период молодости), 28–37 лет – III группу (период средней взрослости) и 38–52 лет – IV группу (период зрелости).

Таблица 10

Результаты попарного сравнения групп испытуемых по показателям СЭИ-теста (t-критерий Стьюдента)

Шкала	Статус	I-II гр.	II-III гр.	III-IV гр.	I-III гр.	I-IV гр.	II-IV гр.
ТС	А	1.65	1.95	2.79**	1.93	1.54	2.33*
	С	1.81	1.65	1.98	1.78	1.56	1.95
	Ф	1.73	1.78	1.76	2.60*	1.62	1.94
СЭ	А	1.54	1.86	2.41*	1.95	1.95	2.25**
	С	1.38	1.45	3.05**	1.84	2.85**	3.85***
	Ф	1.84	1.90	2.81**	1.66	2.41*	1.91
ОЖ	А	1.46	1.67	1.83	1.75	1.56	1.87

Шкала	Статус	I-II гр.	II-III гр.	III-IV гр.	I-III гр.	I-IV гр.	II-IV гр.
	С	1.37	1.88	2.45*	1.92	1.38	1.79
	Ф	1.66	1.94	1.95	1.85	1.47	1.92
ЭЗ	А	1.98*	1.92	2.0	1.67	1.94	1.97
	С	1.92	1.73	1.86	1.70	1.89	2.19*
	Ф	1.89	1.85	1.73	1.92	2.91**	2.16*
ПН	А	1.45	1.64	1.75	2.22*	2.35*	1.92
	С	1.57	1.83	1.64	2.71**	1.96	1.97
	Ф	1.92	1.92	1.98	1.68	2.76**	3.19**
ОЦ	А	1.48	2.15*	1.75	1.74	1.94	1.94
	С	1.57	1.99*	1.72	1.73	2.38*	1.94
	Ф	1.85	1.74	1.87	1.87	1.87	1.87
СС	А	1.65	1.71	1.69	1.91	1.54	1.79
	С	1.71	1.99*	1.91	1.90	1.65	1.68
	Ф	1.59	1.90	1.88	1.68	1.71	1.95
Общ.	А	1.82	1.83	1.74	1.83	1.83	1.94
	С	1.54	1.99*	1.95	2.06*	1.68	1.88
	Ф	1.76	1.96	1.82	1.85	2.45*	2.22*

Условные обозначения: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Средние значения и стандартные отклонения значимо различающихся показателей СЭИ-теста

шкала	статус	I гр. (n = 64)		II гр. (n = 87)		III гр. (n = 23)		IV гр. (n = 24)	
		M	σ	M	σ	M	σ	M	σ
СЭ	A	5.06	2.19	5.33	1.71	5.23	1.90	4.34	1.79
	C	2.84	1.05	2.66	1.01	2.60	1.11	4.2	1.2
	Ф	2.09	1.00	2.0	1.26	2.04	0.90	1.38	0.89
ЭЗ	A	3.34	0.14	3.82	0.12	3.39	1.34	3.58	1.06
	C	2.5	1.24	2.42	0.54	2.78	1.20	3.04	1.08
	Ф	2.16	1.01	1.85	0.13	1.83	1.19	1.37	0.27
ПН	A	1.92	0.18	2.20	1.04	2.39	0.70	2.58	1.1
	Ф	1.15	0.9	1.06	0.37	0.83	0.49	1.54	0.05
ОЦ	A	1.00	0.58	2.49	1.02	3.04	1.07	2.88	1.03
	C	1.61	0.89	1.39	0.70	1.00	0.27	1.08	0.07
СС	C	1.81	1.52	1.88	1.14	2.39	0.98	2.17	1.61
Общ.	C	13.59	7.09	13.79	4.80	12.56	3.11	14.15	6.28
	Ф	11.81	3.53	11.38	3.2	10.96	3.42	9.83	2.29

Условные обозначения: M – среднее значение, σ – стандартное отклонение

Как видно из табл. 10 и 11, значимые различия обнаружены при сравнении I и II групп по показателю автономии (A) шкалы «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ). Это может свидетельствовать о том, что новообразованием юности и центральным ядром личности, определяющим психологическую готовность перехода к взрослости, является принятие своих даже самых сильных чувств и доверие эмоциональным проявлениям. Достижение эмоциональной зрелости, вероятно, является критерием окончания кризиса перехода к взрослости – новообразованием первого кризиса взрослости.

Различия в группах II и III получены по показателям шкалы «Осознанность собственных ценностей» (ОЦ) и в суммарных баллах по методике (Общ.), что свидетельствует о значимых изменениях в структуре и уровне развития эго-идентичности. Это значит, что период средней взрослости является центральным

в логике развития эго-идентичности, а завершается кризис тридцати лет сформированной идентичностью и осознанием собственной системы ценностей. Кризис тридцати лет, очевидно, связан с принятием себя настоящего, осознанием ценности «быть собой», с гибкостью в выборе направлений саморазвития.

Группы III и IV значительно различаются по показателям шкалы «Самодостаточность» (СЭ). Очевидно, самодостаточность или сила эго, определяющая независимость и самодостаточность личности в реализации жизненных целей, собственной линии жизни, в сфере отношений, социальных и профессиональных контактов, является центральным новообразованием кризиса сорока лет.

Дальнейшее сравнение групп между собой позволило обнаружить, что существенные различия в исследуемом возрастном диапазоне обнаружены по шкале «Самодостаточность» (СЭ), а самые высокие значения приходятся на IV группу, что указывает на период зрелости как сензитивный для развития самодостаточности, самопринятия. По шкалам «Ответственность за выбор» (ТС) и «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) различия получены за счет IV группы. Возможно, ответственность за выбор (творческая сила саморазвития), осознанность жизненного пути и непрерывности своего развития еще не достигнуты до периода зрелости, хотя актуализированы уже в период средней взрослости (об этом свидетельствуют значимые различия на уровне предпрешенной идентичности). По шкале «Принятие настоящего» (ПН) различия получены за счет групп III и IV. Можно утверждать, что принятие настоящего, осознание ценности событий «сегодняшнего дня» – существенная черта периодов средней взрослости и зрелости.

Различия между II и III группами выявлены по шкалам «осознанность собственных ценностей» (ОЦ) и «Соответствие себе» (СС). Очевидно, ценность автономии, рационально-реалистичный взгляд в отношении выбора целей, осознаваемое самоотношение, а также, ценность быть собой, наличие устойчивых убеждений, гибкость в оценке приоритетов, рационально-реалистичный подход к жизни являются достижением средней взрослости.

Для более точного представления о динамике эго-идентичности при переходе к взрослости, было проведено дополнительное сравнение между собой всех возрастных групп, при этом, студенческая выборка I группы была разбита на подгруппы в соответствии с курсом. Наиболее существенные различия по шкалам опросника были обнаружены между группами студентов и взрослыми. Меньшие различия выявлены внутри студенческой выборки. Если при сравнении студентов выпускного курса с группами всех взрослых респондентов значимые различия фиксируются только по двум шкалам: «Осознанность жизненного пути» (ОЖ) при $p \leq 0.01$ и «Осознанность собственной системы ценностей» (ОЦ) – $p \leq 0.05$, то при сопоставлении результатов 4 курса и взрослых, к этим показателям добавляется еще «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ) – $p \leq 0.01$. Низкий уровень эмоциональной зрелости является наиболее выраженным в структуре эго-идентичности в юности по сравнению со зрелостью. Причем, он сохраняется, судя по результатам, до 20–21 года. При сравнении данных 2 курса и взрослых

получены наиболее многочисленные различия. Не различаются лишь показатели шкал «Принятие настоящего» (ПН) и «Соответствие себе» (СС), а по шкале «эмоциональная зрелость» (ЭЗ) различаются показатели статуса предрешенной эго-идентичности. Осознанность жизненного пути и осознанность собственной системы ценностей еще не достигнута и даже не актуализирована в юности. Полученные данные подтверждают, что для становления различных сторон эго-идентичности существуют определенные сензитивные периоды, кроме того, динамика статусов эго-идентичности с возрастом имеет следующую тенденцию: показатели автономной идентичности (А) возрастают, а диффузной (С) – снижаются.

Итак, можно сделать следующие выводы.

Эго-идентичность – процесс самоотождествления личности, который отражает отношения третьего рода и измеряет отношение к себе личности, измененной в результате динамических преобразований социальной ситуации развития.

На первом этапе нормативных кризисов взрослости возникает предрешенная эго-идентичность, связанная с открытием новой идеальной формы, соответствующей задачам следующего возрастного этапа. Предрешенная эго-идентичность чаще всего связана с идеализацией «Я-будущего», отказом от «Я-прошлого», эгоцентризмом и некоторой эйфорией по поводу собственных изменений. В следующей фазе кризиса – собственно критической, когда встречаются «Я-идеальное» и реальность, происходит «размывание идентичности». Здесь в полной мере проявляются сомнения, неверие в собственные ресурсы, но, вместе с тем, человек ищет, «примеряет» различные образцы для идентичности. Этому этапу соответствует диффузная идентичность. На этапе выхода из кризиса личность обладает достигнутой или автономной эго-идентичностью – это обязательное условие перехода в стабильный этап развития – фазу новых количественных изменений. В стабильном же этапе личность утверждает в выбранной идентичности и какое-то время мотивация к изменениям отсутствует – это фаза моратория.

Новообразованием нормативных кризисов взрослости является достижение эго-идентичности, т. е. тождественности себе измененному в результате интериоризации новообразований возраста. Возрастные задачи следующего этапа актуализируют в нормативном кризисе определенные свойства личности, которые составляют возрастные новообразования. Возрастные новообразования отражаются в структуре эго-идентичности как новообразования нормативного кризиса.

Возрастные задачи молодости или ранней взрослости обычно связывают с профессионализацией, созданием семьи, разотождествлением с родительской семьей, вхождением в социум и культуру, становлением мировоззрения, духовности и отношения к себе. Кризис перехода к взрослости ознаменован, таким образом, принятием новых ролей. Согласно полученным данным, *новообразованием кризиса перехода к взрослости* является принятие своих чувств

и доверие своим эмоциональным проявлениям – **достижение эмоциональной зрелости.**

Период молодости является центральным в логике развития эго-идентичности и *завершается кризисом тридцати лет*, который связан с принятием себя настоящего, осознанием ценности «быть собой», собственным выбором личностью направлений саморазвития. *Новообразованием* этого кризиса является **осознанная система ценностей и сформированная индивидуальная структура эго-идентичности.**

Возрастные задачи этапа средней зрелости связывают с укреплением достижений в профессии, в супружеских и родительских отношениях, в гражданской и духовной позиции. На второй период зрелости приходятся существенные изменения в структуре и уровне идентичности. Кризис середины жизни или сорока лет связан с обращением к себе, с осознанием системы основных жизненных ценностей, с переопределением новых целей. Путь в будущее лежит через обновление задач, принятие и понимание себя и своего возрастного статуса. *Новообразованием кризиса сорока лет* является **самодостаточность** или **сила эго**, определяющая независимость, самодостаточность личности в реализации жизненных целей, собственной линии жизни, в сфере отношений, социальных и профессиональных контактов, доверие ресурсам личности.

Глава 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА ПЕРЕХОДА К РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ (МОЛОДОСТИ)

Экспериментально исследовать содержание данного кризиса – значит обратиться к возрастным задачам развития, определить динамические изменения структуры социальной ситуации развития, рассмотреть особенности динамики новообразований нормативного кризиса.

Особенности возрастных задач кризиса перехода к ранней зрелости были выявлены в предыдущей главе. Эти задачи отражены в различных названиях данного кризиса, распространенных среди исследователей возраста юности и молодости. Так, Шпрангер Э. [3] говорит о «кризисе оторванности»; Хухлаева О.В. [51, 52] – о «кризисе встречи с зрелостью»; Минигалиева М.Р. [24, 25] – о «кризис вырывание корней»; Левинсон Д. [52] – о переходе к ранней зрелости. (см. горн. Дипл)

Задачи развития в ранней зрелости определяются новой социальной реальностью, т.е. новой системой отношений, характерной для данного возраста – новой социальной ситуацией развития.

Основной характеристикой изменения *социальной ситуации в кризисе перехода к ранней зрелости* (к молодости) является вхождение в субкультуру зрелости. Это означает, что перестраивается вся система социальных отношений взрослеющего человека: происходит психологическое отделение от родителей (Хоффман, Левинсон, Минигалиева); обретение профессиональной идентичности; установление интимных отношений (Эриксон, Целуйко);

обретение взрослой идентичности (Красило, Уайнхолд); изменение отношения к реальности через самоопределение и переориентацию на ценности саморазвития, полную ответственность за цели, выбор и средства (Братусь, Зейгарник, Красило, Слободчиков, Цукерман).

Вхождение в период взрослости в социальных науках рассматривается как вид «социального перехода» – переход индивида из одного социального состояния – в другое [Бочаров В.В., 2000, С. 19]. С точки зрения социологических теорий в период взросления происходят изменения ролевого поведения. Появляется необходимость осваивать новые роли, что сопряжено с трудностями из-за типичных для взросления и резко выраженных изменений: разрыв с родительским домом, начало профессиональной деятельности, партнерство и интимность в личной жизни и т.п., что отличает данный период от более или менее защищенного детства. Уже освоенные роли требуют уточнения и принятия. Явная прерывность в развитии ведет к неопределенности в отношении ролей и статуса, снова, как и в юности возникают вопросы «Кто я?», «Какой я?», что способствует (Ремшмидт Х., 1994) появлению кризисов идентичности.

Основная задача, встающая перед человеком в период *кризиса перехода к взрослости* – установление своей идентичности в близких отношениях с другими людьми (прежде всего, – формирование близких отношений с будущим супругом(ой)) и в профессиональном поле. Речь идет о реструктурировании собственной идентичности с учетом изменений в семейной и профессиональной сферах системы отношений.

Семейная идентичность. Формирование семьи связано с потребностью человека в установлении близких отношений, заботе о других и участии в их жизни. Эта базисная потребность личности реализуется в полной мере в период взрослости. Данный период сенситивен для формирования истинной интимности (Э. Эриксон). Интимность включает в себя сексуальную интимность, которая является лишь частью ведущая к развитию истинной и зрелой психологической интимностью с другим человеком. В этот период человек развивает в себе чувство любви, которое служит потребности в новой идентичности. Любовь как взаимная преданность являет собой жизненную силу ранней взрослости. Любовь охраняет всепроникающую мощь власти культурного и личностного стиля, которая связывает в единый «способ жизни» соревнование и кооперацию, продуктивную деятельность и деторождение.

В период ранней взрослости (молодости), как правило, создается собственная семья, осваиваются роли супругов. Молодые люди осваивают родительские роли – отца и матери. Происходит переосмысление взаимоотношений с родителями, с родительской семьей. Здесь формируется новое, понимание и принятие родителей, основанное на реалистичном и осознанном отношении.

Процесс формирования идентичности в семейной сфере затрагивает систему ценностей и смыслов, мировоззренческих и моральных установок личности, влияет на новое представление о себе, своих потребностях и возможностях, кардинально влияет на эмоциональную сферу личности и определяет психологическую готовность перехода к ранней взрослости.

Профессиональная идентичность. Период ранней взрослости – это период, когда уже осуществлен выбор профессии и начинается процесс ее освоения через овладение и принятие норм профессиональной деятельности и профессионального общения, понимание смысла профессии и своей причастности к ней. В профессиональном самоопределении, в этом сходятся большинство исследователей данного периода, важна способность определить соответствие своего «Я» тем социальным требованиям, которые выдвигает выбор выбранной профессии. Особую роль в этом процессе играет степень идентичности «Я» самому себе [5; 9; 21; 30]. Согласно теории конгруэнтности Я-концепции и профессии Д. Сьюпера, представления человека о самом себе – важная составляющая профессионального становления. Человек ищет профессию, в которой он будет сохранять соответствие своим представлениям о себе, а, «входя в профессию», будет искать осуществления этого соответствия.

Формирование профессиональной составляющей Я-концепции, включающей в себя как осознаваемые когнитивные и операциональные компоненты, так и неосознаваемые ценности и смыслы, придающие эмоциональную окраску отдельным профессиональным актам и всей профессиональной деятельности в целом, предполагает постоянную работу субъекта по формированию и детализации внутреннего образа профессиональной деятельности. В свою очередь профессиональная деятельность во всех своих проявлениях влияет на личность, на представления субъекта о себе, своих целях и смыслах. Система личностных смыслов формирует мировоззрение человека в целом, поэтому не будем сводить профессионально-личностное развитие лишь к обеспечению достаточно надежного поведения индивида в конкретных и типичных жизненных условиях, определяющих формирование устойчивых черт личности, характерных для будущего вида деятельности.

Тем не менее, освоение профессии – задача этапа ранней взрослости, а это значит, что в кризисе перехода к ранней взрослости должна сформироваться психологическая готовность к решению данной задачи. Психологическая готовность в контексте профессионального самоопределения – это профессиональная идентичность.

Вхождение во взрослый период не случайно связывают и с кризисом *самоопределения*. Самоопределение включает в себя потребность в формировании определенной смысловой системы, объединяющей представления о мире и себе самом [Божович Л.И., 1978]. М.Р. Гинзбург делает акцент на ценностно-смысловой природе самоопределения, определяя самоопределение как активное определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей и прояснение на этой основе смысла собственного существования [Гинзбург М.Р., 1994]. Головаха Е.И. считает, что ценности находят свое выражение в целях – через ценности реализуются цели. При этом конкретное целевое наполнение деятельности ведет к смене мотива и, как следствие, рождается новое отношение к миру [19]. И.С. Кон связывает кризис самоопределения с решением двух фундаментальных проблем, – «кем быть?» и «каким быть?», т. е. с задачами профессионального и нравственного,

мировоззренческого (становление направленности) самоопределения. По словам И.С. Кона [Кон И.С., 1987], понятие взрослости подразумевает с одной стороны адаптацию, освобождение от юношеского максимализма и приспособление к жизни, а с другой – творческую активность, самореализацию.

Задача самоопределения как необходимость выбора и определение дальнейшего курса развития, так или иначе, присутствует во всех кризисах взрослости. Главное противоречие данного кризиса – между сложностью и важностью задач идентичности с одной стороны и социальной незрелостью, небогатым жизненным опытом – с другой.

В изменениях, сопровождаемых сильными эмоциональными переживаниями, когнитивным диссонансом, переоценкой ценностей и мировоззренческих основ, прослеживаются общевозрастные проблемы, с которыми сталкивается большинство людей в период данного возрастного кризиса. Происходит формирование новой идентичности – *психологической готовности* личности к решению задач следующего возрастного этапа – ранней взрослости (молодости), связанных с освоением новой системы отношений в профессиональном поле и семейной сфере, требующих от человека определенного уровня личностной зрелости.

[[ссылки на список лит-ры из дипл. Горностаевой Т.](#)]

6.1. Исследование структуры социальной ситуации развития в кризисе перехода к ранней взрослости

Эмпирическое исследование содержания кризиса проводилось в следующих направлениях. На первом этапе рассматривались особенности структуры социальной ситуации развития в период перехода к ранней взрослости. Мы исходили из того, что объективно социальная ситуация перестраивается. Развивающийся человек, находясь в ситуации профессионального обучения, готовится к самостоятельным отношениям в мире. Теперь развитие его личности осуществляется в двух основных направлениях – профессиональное становление и создание собственной семьи, что связано с кризисом самоопределения. Структура социальной ситуации в период перехода к ранней взрослости объективно может быть представлена разными сочетаниями основных направлений развития: учеба, работа, семья.

В исследовании, приняло участие 320 человек в возрасте 20–22 лет, из них 160 человек – студенты старших курсов ВУЗа, не имеющие постоянной работы и собственной семьи; 80 – испытуемые, закончившие учебную деятельность и имеющие постоянное рабочее место, но не имеющие собственной семьи и 80 – закончившие учебную деятельность, имеющие собственную семью, но не имеющие постоянного рабочего места (в основном эту группу составили домохозяйки, воспитывающие детей). Всего в выборке оказалось 180 женщин и 140 – мужчин. Структура социальной ситуации развития в каждой группе имеет свою специфику, которая служит исходным моментом для всех динамических преобразований возраста и основой психического развития личности.

Студенты выпускных курсов были разделены на 2 группы: 1 – получающие техническое образование (студенты приборостроительного факультета ЮУрГУ и курсанты высшего авиационного училища штурманов, не имеющие постоянной работы и собственной семьи) и 2 – студенты факультета психологии ЮУрГУ, не имеющие постоянной работы и собственной семьи. Система социальных отношений в этих группах включает в себя такие сферы взаимоотношений как учебно-профессиональное общение, общение с близкими сверстниками, избирательное интимно – личностное общение с противоположным полом и поиск партнера, сферу увлечений, сферу общественных отношений. Отличает две эти группы лишь то, что студенты – приборостроители характеризуются большим включением в сферу научно – изобретательской и творческой деятельности в связи с особенностями выбранной профессии, студенты – психологи отличаются большим включением в сферу общественной и исследовательской деятельности.

3 группа – молодые люди, закончившие учебную деятельность и имеющие постоянное рабочее место, но не имеющие собственной семьи – выпускники различных вузов и колледжей, имеющие различную профессиональную подготовку. Структура социальной ситуации этих респондентов включает в себя сферу профессиональных и трудовых отношений, сферу общественных отношений, сферу увлечений, сферу общения с близкими людьми и избирательное интимно – личностное общение, направленное на поиск партнера для создания семьи.

4 группа – молодые люди, закончившие учебную деятельность и имеющие собственную семью, но не имеющие постоянного рабочего места (в основном, эту группу составили домохозяйки, воспитывающие детей). Система их социальных отношений включает сферу семейных отношений (в том числе воспитание детей), сферу интимно – личностного общения с близким человеком, сферу увлечений и общения с близкими друзьями. Эти люди практически не включены в трудовую и общественную деятельность.

Субъективная составляющая социальной ситуации развития во многом определяется ее объективной стороной. Поэтому исследование особенностей самоактуализации, системы ценностей и наличие внутриличностных конфликтов в связи с доступностью или недоступностью актуальных ценностей у молодых людей было проведено в каждой из выделенных групп.

В качестве диагностического инструментария для исследования субъективной составляющей социальной ситуации развития были использованы следующие методики.

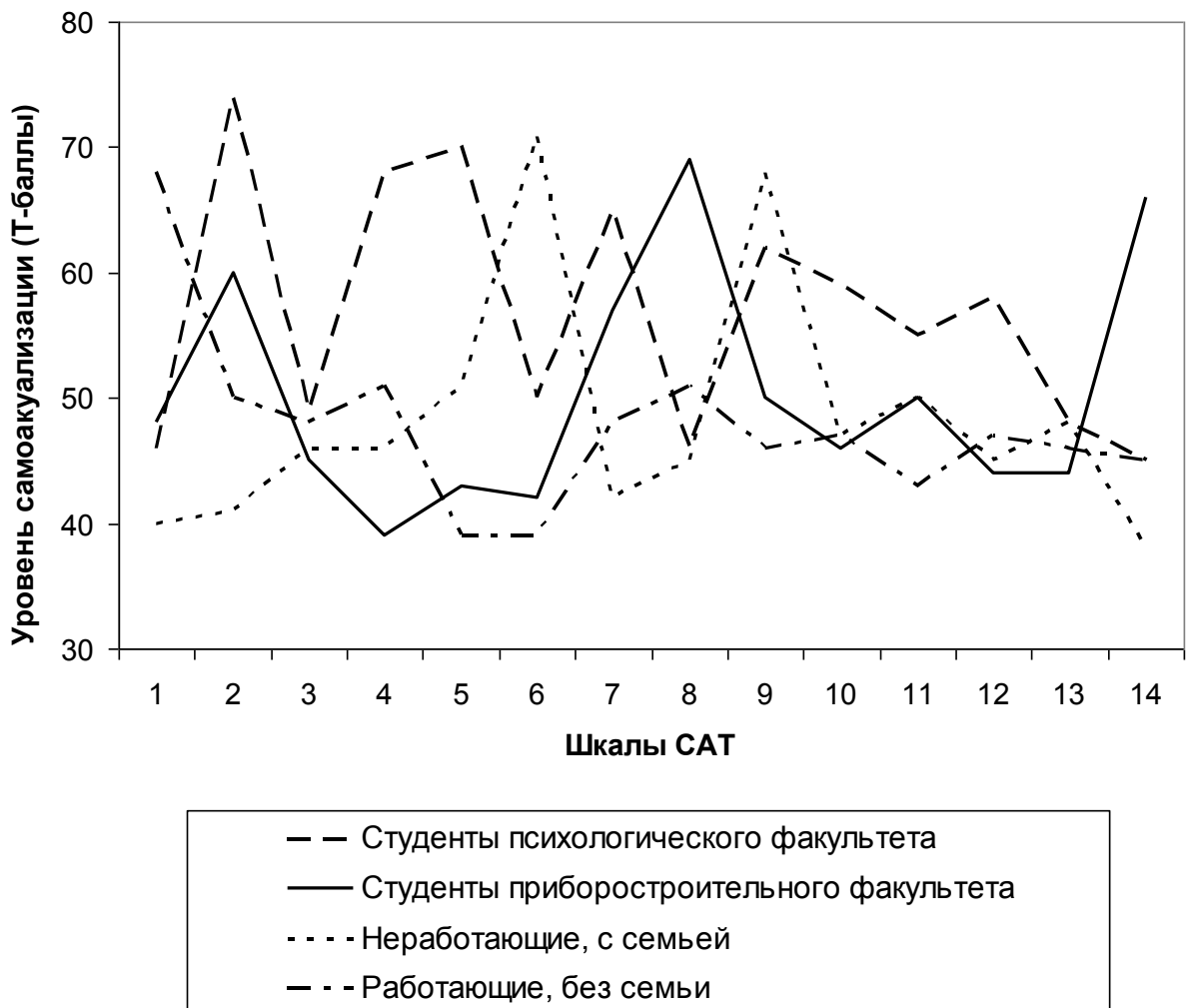
1. Методика САТ (Э. Шостром) предназначена для исследования самоактуализации. Методика включает в себя 14 шкал. Базовые шкалы: шкала компетентности во времени и шкала поддержки. Дополнительные шкалы: шкала ценностных ориентаций, шкала гибкости поведения, шкала сензитивности к себе, шкала спонтанности, шкала самоуважения, шкала самопринятия, шкала представлений о природе человека, шкала синергии, шкала принятия агрессии, шкала контактности, шкала познавательных потребностей, шкала креативности.

2. Опросник терминальных ценностей ОТеЦ, основанный на теоретических положениях М. Рокича о структуре человеческих ценностей, исследует ценности собственного престижа (СП), высокого материального положения (ВМП), креативности (К), активных социальных контактов (АСК), развития себя (РС), достижения (Д), духовного удовлетворения (ДУ), сохранения собственной индивидуальности (ССИ) в различных сферах жизни человека: профессиональной (СПЖ), обучения и образования (СОиО), семейной жизни (ССЖ), общественной жизни (СОЖ), увлечений (СУ).

3. Методика УСЦД Фанталовой Е.Б. направленная на исследование уровня соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах. Методика позволяет выявить наличие и характер внутриличностного конфликта. Интегральный показатель методики – индекс расхождения «Ц–Д» выступает как индикатор блокады функционирующих в мотивационно – личностной сфере ценностно – смысловых образований.

6.1.1. Исследование особенностей самоактуализации в группах с разной структурой социальной ситуации развития

Анализ усредненных профилей самоактуализации позволяет судить о некоторых наиболее общих особенностях развития личности в определенной системе отношений, обусловленной социальной структурой.

Рис. 4. Средние показатели уровня самоактуализации по шкалам САТ в группах с разной структурой социальной ситуации развития

На рис. 4 цифры с 1 по 14 – шкалы опросника САТ.

Диапазон средних значений уровня самоактуализации: 45–55 Т-баллов.

На рис. 4 представлены усредненные значения уровня самоактуализации по шкалам опросника САТ в разных группах испытуемых. Эти данные достаточно разнообразны, но значительная часть всех показателей находится в пределах средних и высоких значений. В области средних значений практически по всем шкалам опросника САТ распределен уровень самоактуализации молодых людей 3 группы, которые имеют постоянную работу, и не имеют собственной семьи. В этой группе испытуемых самые высокие показатели обнаружены по шкале компетентности во времени (ТС). Высокий балл по этой шкале свидетельствует о способности субъекта жить настоящим, переживать жизнь во всей ее полноте, воспринимать жизнь целостно, принимая неразрывность прошлого, настоящего и будущего. Это важный показатель, свидетельствующий о высоком уровне развития личности. Следует отметить, что такое восприятие жизни характерно

только для данной группы респондентов. Показатели по шкале ТС в этой группе статистически значимо отличаются от значений группы семейных неработающих респондентов (при $P \leq 0.001$), у которых показатели по этой шкале самые низкие в данной выборке и находятся на уровне ниже средних значений. Это позволяет утверждать, что неработающие респонденты, система социальных отношений которых определяется, в основном, семьей и кругом близких друзей воспринимают свой жизненный путь дискретно или ориентируются на какой-то отрезок времени – прошлое, настоящее или будущее. Возможно, в их представлении настоящее – это только подготовка к будущей жизни. Такое мироощущение свидетельствует о недостаточном уровне самоактуализации.

У респондентов двух студенческих групп показатели по шкале Компетентности во времени (Тс) находятся на уровне средних значений, зато показатели по шкале Поддержки (I) – на уровне очень высоких значений, который значимо превышают показатели работающих респондентов ($P \leq 0.05$) и семейных неработающих ($P \leq 0.001$). Шкала Поддержки методики САТ измеряет степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне. Человек с высокими показателями по этой шкале относительно независим в своих поступках, ориентируется на собственную систему ценностей и убеждений, свободен в выборе. Такая характеристика респондентов студенческих групп характеризует их как достаточно личностно зрелых, готовых к взрослой жизни. Ниже средних значения по этой шкале (в группе неработающих семейных респондентов) подтверждают их в целом невысокую степень самоактуализации и развития личности.

Низкие показатели по шкале Гибкости поведения (Ех) и шкале Спонтанности (S) и высокие по шкале Самопринятия (Sa) и Креативности (Cr) у студентов технического профиля могут быть объяснены спецификой выбранной профессии и профессиональной подготовки.

То, что значения самоактуализации в группах студентов находятся на уровне высоких и выше среднего, может свидетельствовать о наиболее благоприятном субъективном переживании ситуации развития в период кризиса ранней взрослости. Включенность в учебно-профессиональные взаимоотношения предоставляет личности более широкие возможности для поиска и переоценки системы ценностей, жизненных целей, самоактуализации в той или иной сфере жизни и деятельности, способствует личностному развитию и самоопределению в целом. Наиболее благоприятные условия для самоактуализации личности создает социальная ситуация развития, в структуре которой основным фактором является профессиональное обучение благодаря расширению временных границ для самоопределения и специальным условиям для развития в соответствии с возрастными задачами.

Полученные результаты согласуются с суждением Л.С. Выготского о социально – исторической природе возраста. Если в нецивилизованных обществах не выделяется возрастного перехода от детства к взрослости, то в современных цивилизованных культурах происходит постепенное расширение границ подросткового и юношеского возраста. Уровень развития

производственной и социальной сферы предъявляет все более серьезные требования к развитию, образованию, зрелости каждой личности. Необходимость продления обучения и образования в сфере профессионализации и освоения культурно-нормативной среды – требование более развитого общества.

6.1.2. Исследование системы ценностей в группах испытуемых с разной структурой социальной ситуации развития

На рис. 5 можно увидеть, что показатели по шкалам терминальных ценностей опросника ОТеЦ в разных группах испытуемых находятся преимущественно в пределах средних и высоких значений.

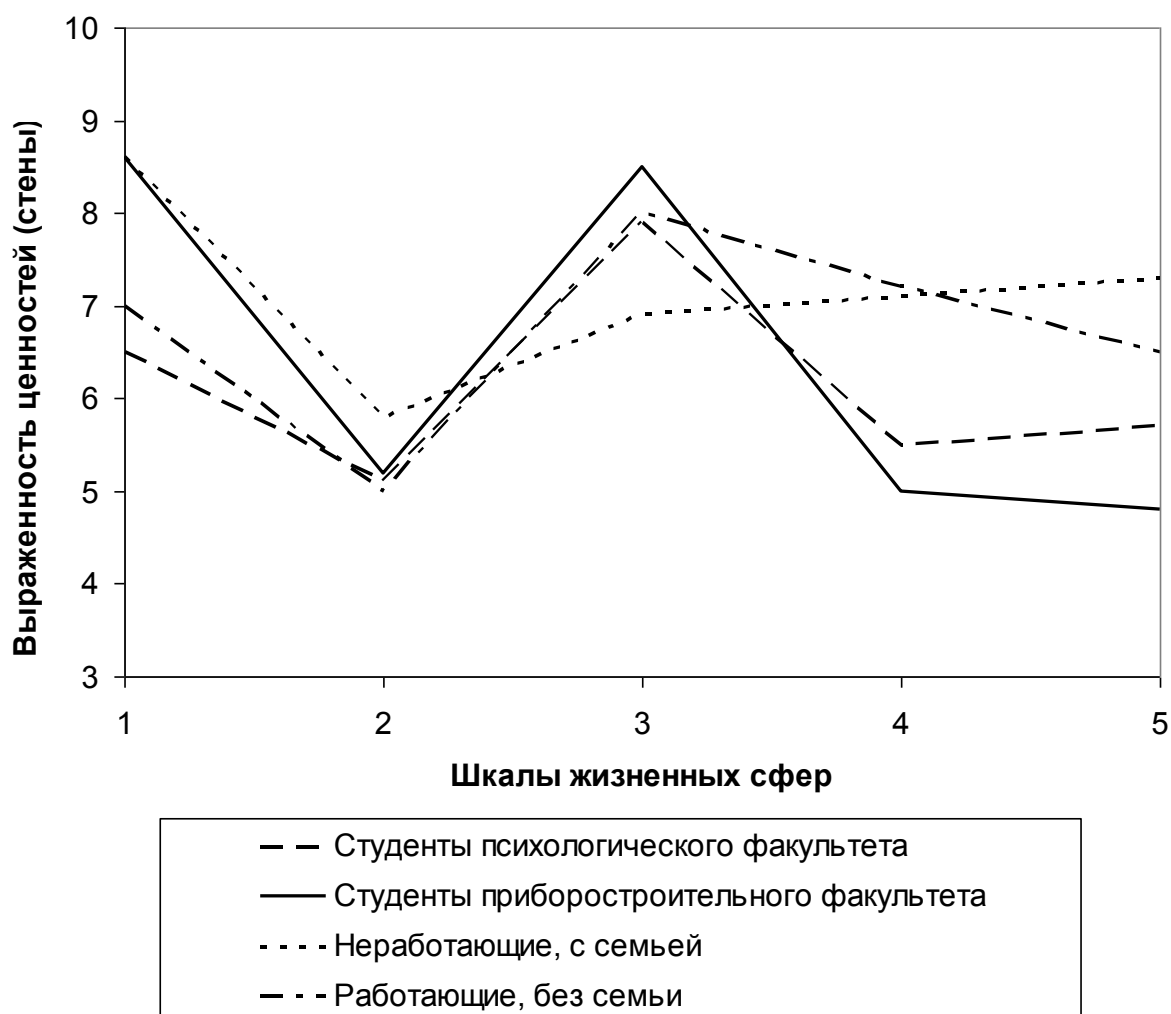
Рис. 5. Средние показатели выраженности ценностей по шкалам терминальных ценностей опросника ОТеЦ в группах с разной структурой социальной ситуации развития.

На рисунке цифры от 1 до 8 – шкалы терминальных ценностей опросника ОТеЦ: 1 – собственный престиж (СП); 2 – высокое материальное положение (ВМП); 3 – креативность (К); 4 – активные социальные контакты (АСК); 5 –

развитие себя (РС); 6 – достижения (Д); 7 – духовное удовлетворение (ДУ); 8 – сохранение собственной индивидуальности (ССИ).

Различия в уровне ценностей между четырьмя группами испытуемых статистически значимы ($p \leq 0,05$) по шкалам креативности (К), достижений (Д), духовного удовлетворения (ДУ) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ).

Группу студентов приборостроительного факультета и курсантов отличают самые высокие показатели по ценности креативности (К), достижений (Д) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ). У студентов психологов высокие показатели выявлены по ценности собственного престижа (СП), ценности высокого материального положения (ВМП), ценности достижений (Д) и сохранения собственной индивидуальности (ССИ). У работающих молодых людей преобладают ценности высокого материального положения (ВМП) и ценности развития себя (РС). У неработающих молодых людей – высокие показатели по шкале ценности активных социальных контактов (АСК), ценности достижений (Д) и ценности духовного удовлетворения (ДУ).

Рис. 6. Средние показатели выраженности ценностей по шкалам жизненных сфер опросника ОТеЦ в группах с разной структурой социальной ситуации развития

На рисунке цифры от 1 до 5 – шкалы жизненных сфер опросника ОТеЦ:

1 – Сфера профессиональной жизни (СПЖ); 2 – Сфера обучения и образования (СОиО); 3 – Сфера семейной жизни (ССЖ); 4 – Сфера общественной жизни (СОЖ); 5 – Сфера увлечений (СУ).

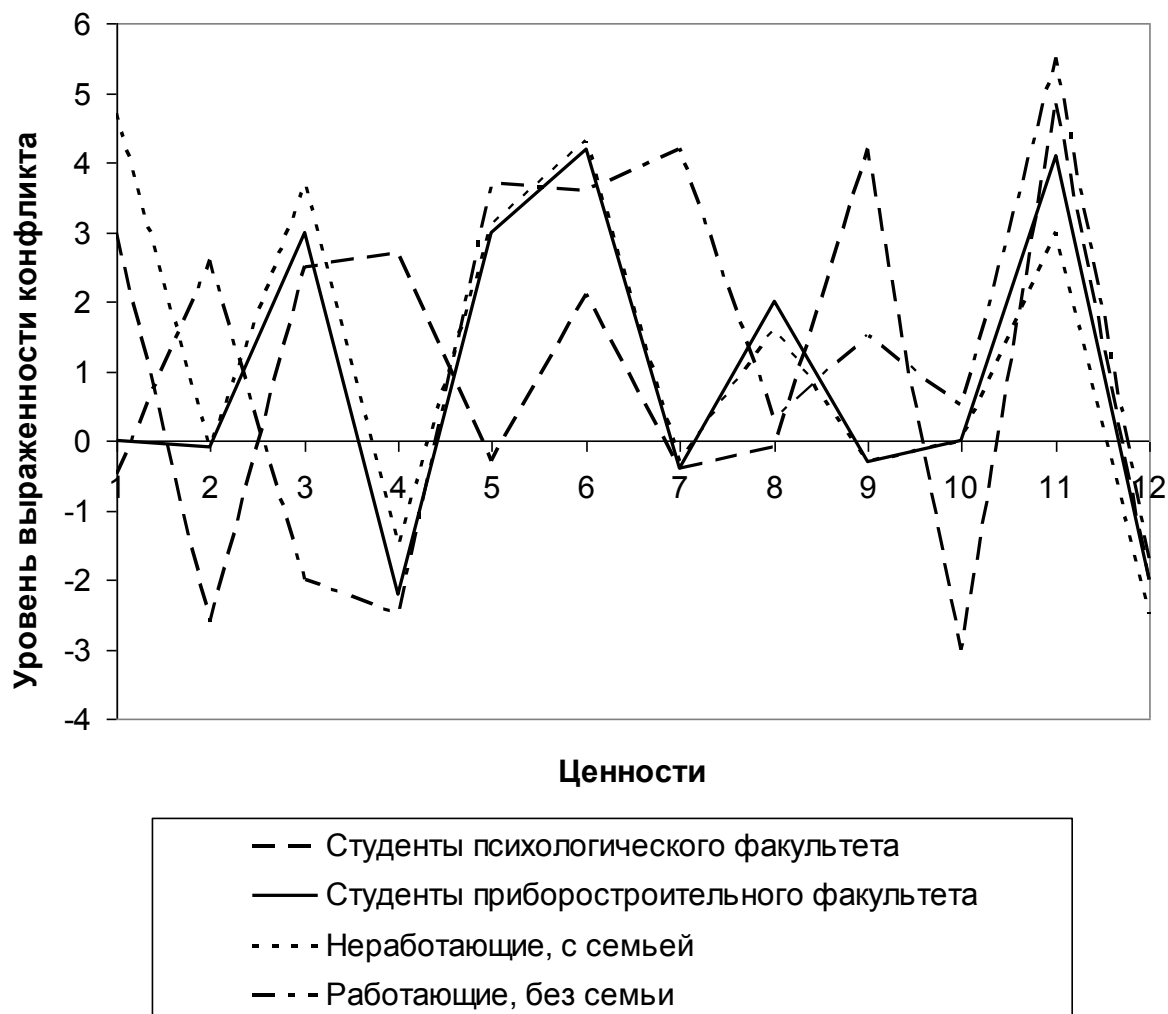
На рис. 6 видно, что показатели ценностей по шкалам жизненных сфер опросника ОТеЦ у разных групп испытуемых так же находятся в основном в пределах средних и высоких значений.

Статистический анализ данных по Н – критерию Крускала – Уоллиса фиксирует значимые различия ($p \leq 0,05$) между четырьмя группами испытуемых по ценностям сферы общественной жизни (СОЖ) и сферы увлечений (СУ). Самые высокие значения по этим показателям отмечены в группе неработающих молодых людей. В группе работающих молодых людей высокие показатели – по ценности общественной сферы жизни (СОЖ).

При этом во всех четырех группах самыми высокими показателями являются показатели ценностей семейной сферы (ССЖ) и профессиональной сферы жизни (СПЖ).

Полученные данные подтверждают, что испытуемые в период перехода к ранней взрослости находятся в процессе определения системы ценностей и целей. При этом разная структура социальной ситуации развития во многом определяет особенности структуры ценностей личности. Тот факт, что ценности семейной сферы и профессиональной жизни являются ведущими во всех выделенных группах, подтверждает, что задачи профессионализации и создания собственной семьи являются общевозрастными задачами данного периода развития.

Следующей задачей данной части исследования стало выявление особенностей внутриличностного конфликта, связанного с возможностью достижений ценностей в группах с разной структурой социальной ситуации развития, а также определение взаимосвязи конфликта с уровнем самоактуализации.

Рис. 7. Средние показатели уровня выраженности внутриличностного конфликта в группах с разной структурой социальной ситуации развития

На рис. 7. цифры от 1 до 12 – шкалы жизненных ценностей опросника УСЦД Е.Б. Фанталовой.

1 – Активная деятельная жизнь (АДЖ); 2 – Здоровье (З); 3 – интересная работа (Р); 4 – Красота природы и искусства (КПиИ); 5 – Любовь (Л); 6 – Материально обеспеченная жизнь (МОЖ); 7 – Наличие верных друзей (НВД); 8 – Уверенность в себе (У); 9 – Познание (П); 10 – Свобода как независимость в поступках и действиях (С); 11 – Счастливая семейная жизнь (ССЖ); 12 – Творчество (Т).

Из рис. 7. видно, что у представителей разных групп существует достаточно небольшое число областей (ценностей), в которых ярко выражены показатели внутриличностного конфликта.

Наиболее высокий уровень внутриличностного конфликта у всех испытуемых выявлен по ценностям счастливой семейной жизни (ССЖ) и материально обеспеченной жизни (МОЖ), что свидетельствует о высокой ценности данных сфер и их малой доступности в этом возрасте. Эти данные согласуются с тем, что основными задачами ранней взрослости являются обретение социально –

экономической самостоятельности и интимности – близости, а период перехода к взрослости связан с внутренним конфликтом именно в этих сферах.

Статистически значимые различия в уровне внутриличностного конфликта в исследуемых группах выявлены по ценности активной деятельной жизни (АДЖ), ценности здоровья (З) и ценности познания (П) на уровне $p \leq 0,05$.

Так у студентов второй группы к общевозрастным (общим для всех респондентов внутренним конфликтам) добавляются высокие показатели по внутриличностному конфликту в ценности познания (П) как возможности расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а так же интеллектуального развития. У работающих молодых людей к высоким показателям по внутриличностному конфликту добавляется ценность наличия хороших и верных друзей (НВД). У неработающих молодых людей высокие показатели внутриличностного конфликта связаны с ценностью активной деятельной жизни (АДЖ) и материально обеспеченной жизни (МОЖ). Эти особенности связаны с объективной системой отношений в исследуемых группах

Для определения тесноты взаимосвязи внутриличностного конфликта с уровнем самоактуализации был проведен корреляционный анализ по Пирсону.

Таблица 12

Показатели коэффициентов статистически значимых корреляций r

N = 320		МОЖ	У	АДЖ	П	НВД	ССЖ
САТ	ТС	.12*	.02	.054	-.026	.004	-.047
	IC	.095	.152**	.031	-.110	.091	-.089
	Ex	.068	.111	.114*	-.078	.042	-.076
	S	.023	.092	.024	-.131*	.045	-.005
	C	.041	.047	.057	-.035	.21***	-.043
	Sr	.045	.136*	.014	-.029	.037	-.156**

Условные обозначения: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

В таблице по горизонтали представлены шкалы ценностей опросника УСЦД Е. Б. Фанталовой: МОЖ – материально обеспеченная жизнь; У – уверенность в себе; АДЖ – активная, деятельная жизнь; П – познание; НВД – наличие верных друзей; ССЖ – счастливая семейная жизнь; З – здоровье; ИР – интересная работа; С – свобода; Л – любовь.

В таблице по вертикали представлены шкалы методики САТ:

ТС – шкала компетентности во времени; IC – шкала поддержки; Ex – шкала гибкости поведения; S – шкала спонтанности; Sr – шкала самоуважения; C – шкала контактности;

В табл. 12 представлены результаты корреляционного анализа по шкалам двух методик. Сравнивались показатели внутриличностного конфликта по всем ценностям (опросник Фанталовой Е.Б.) и показатели шкал теста САТ.

Внутриличностный конфликт, вызванный недоступностью ценности материально-обеспеченной жизни коррелирует со шкалой компетентности во времени методики САТ. Другими словами, более развитая личность, воспринимающая свою непрерывность, живущая настоящим, стремится к материально-обеспеченной жизни, что согласуется с задачами молодости, а в силу недоступности этой ценности испытывает внутренние конфликты. Внутриличностный конфликт по шкале уверенности в себе (У) связан с уровнем самоактуализации по шкале поддержки (IC) и самоуважения (Sr). Конфликт, связанный с ценностью активной деятельностной жизни коррелирует со шкалой гибкости поведения. Конфликт в сфере познания обратно коррелирует со шкалой спонтанности. Высокая корреляция обнаружена между уровнем внутриличностного конфликта по ценности наличия верных друзей (НВД) с показателями уровня контактности (С). А внутриличностный конфликт в сфере счастливой семейной жизни (ССЖ) связан обратной зависимостью уровнем самоуважения (Sr). Из анализа видно, что внутриличностные конфликты связаны с уровнем самоактуализации личности, причем, конфликт в ведущих для данного возраста ценностях (материально-обеспеченная жизнь и уверенность в себе) коррелирует с основными шкалами теста самоактуализации. Это подтверждает, что содержание кризиса перехода к ранней взрослости (молодости) определяется противоречием между ценностями, связанными с интериоризацией возрастных задач (идеальная форма будущего) и их объективной недоступностью (реальная форма).

6.2. Исследование динамики системы отношений как субъективной составляющей социальной ситуации развития в кризисе перехода к ранней взрослости

На следующем этапе была расширена группа испытуемых за счет расширения возрастного диапазона с тем, чтобы рассмотреть динамику нормативного кризиса перехода к ранней взрослости.

В экспериментальном исследовании проверялись следующие теоретические представления о динамике кризиса.

Первая фаза – **предкритическая** – характеризуется латентным обострением противоречия между объективной и субъективной составляющими социальной ситуации развития (т. е. средой и переживаниями) и открытием идеальной формы. Поскольку мы полагаем, что задачи возрастного этапа тождественны новообразованиям возраста, то предкритическая фаза данного периода должна характеризоваться «объективным взрослением». Субъективные переживания ситуации взросления связаны с неоднозначностью социальной позиции юноши. С одной стороны, он стремится к самостоятельности во всем, с другой стороны, все

еще не может расстаться с детскими привязанностям, зависимостью от родителей. «Взрослый ребенок» создает мифический идеализированный образ будущего, все кажется доступным и достижимым.

Вторая фаза – **собственно критическая**, в которой обнаруживаются противоречия. Они затрагивают три линии развития, характерные для всего взрослого периода: развитие личностной идентичности, профессиональное становление и развитие семейных отношений. Она характеризуется стремлением личности немедленно опробовать идеальную форму – идеальный образ собственного будущего. Обнажается конфликт между реальностью и идеальным образом будущего. Происходит процесс отделения от родительской семьи, связанный с выходом из родительской семьи и созданием собственной. Процесс индивидуализации, к установлению новых отношений с реальностью осуществляется через сравнение и связь идеального образа будущего с реальностью. Данная фаза сопровождается острыми переживаниями относительно правильности выбора в т.ч. профессии, появляются страхи взросления, размышляются представления о себе.

Третья фаза – **посткритическая**. В ней разрешается противоречие через синхронизацию объективной и субъективной составляющих новой социальной ситуации развития. У человека формируется психологическая готовность или определенный уровень личностной зрелости, создающие возможность перехода во взрослость: готовность реализовывать себя в профессии и готовность создать собственную семью, что приводит к принятию *новой внутренней социальной позиции* – положению профессионала и семьянина, связанной с ответственностью за выбор пути в жизни.

В экспериментальном исследовании, *целью* которого было обнаружить *структуру и динамику кризиса перехода к взрослости*, приняло участие три группы респондентов: студенты второго и третьего курса профессиональных колледжей и университета, группы завершающего курса и группы молодых специалистов – инженеров и психологов – всего 400 чел (г. Челябинск и Челябинская область).

6.2.1. Структура и динамика системы отношений в кризисе перехода к взрослости

На данном этапе использовалась модификация методики «Неоконченные предложения» Д. Сакса, которая характеризует систему отношений испытуемого к семье, к себе, межличностные и сексуальные отношения. В соответствии с задачами методика была модифицирована следующим образом: было выделено 4 класса категорий, которые характеризуют динамику кризиса перехода к взрослости. 1 класс – «отделение от родительской семьи» составили категории: *идеализация, адекватные или конфликтные отношений с родительской семьей; принятие – непринятие членов семьи; стремление к независимости и самостоятельности*. 2 класс – «отношение к себе» включил категории: *наличие конкретно-практических или абстрактных целей; наличие целей; пересмотр*

настоящего; тождественность образа «Я» во времени; готовность к действию и ответственности; поиск себя. В 3 класс – «отношение к профессии» вошли категории: идеализация или реалистическое представление о профессии; видение себя в профессии и неопределенный образ себя в профессии. 4 класс – «отношение к собственной семье» составили категории: идеализированный – реалистический образ собственной семьи; отсутствие – намерение создать собственную семью, поиск партнера.

Результаты исследования показали, что молодые специалисты значимо выше (здесь и далее приведены данные при $P \leq 0.001$) оценивают собственные способности, чем представители двух других групп, они более остальных уверены в своих способностях и силах справиться с различными жизненными ситуациями. Они постулируют готовность действовать, принимать на себя ответственность, демонстрируют наличие конкретно-практических целей. Респонденты, позиционирующие себя независимыми от родительской семьи, демонстрируют большую уверенность в своих возможностях в отличие от считающих себя зависимыми от родителей. Представители группы студентов средних курсов значимо отличаются от молодых специалистов по преобладанию категорий: «идеализация отношений с родительской семьей», «идеализация профессии», «неопределенный образ себя в профессии», «поиск партнера», «поиск себя», «пересмотр настоящего», «отсутствие тождественности образа «Я» во времени». У завершающих профессиональное обучение преобладают категории «конфликтные отношения с родительской семьей» и «поиск себя», «неопределенный образ себя в профессии».

Корреляционный анализ свидетельствует о значимых связях между категориями «отсутствие тождественности образа «Я» в настоящем, будущем, прошлом» и «неопределенный образ себя в профессии». Категории «отсутствие образа собственной семьи» значимо связаны с категорией «отсутствия видения себя в профессии».

В группе респондентов с преобладанием категорий «отсутствие тождественности образа «Я» во времени» оказалось большинство студентов завершающих курсов. Их отличает то, что образ «Я» дифференцирован и состоит из трех разных образов «Я»: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», а целостность представления о себе во временной перспективе отсутствует. Человек выделяет из общего потока времени прошлое, но может не принимать свой образ в прошлом. В настоящем часто отсутствуют ориентиры и, образ себя в настоящем неполон. Будущее представляется неопределенным. Здесь же обнаружены корреляции между категориями «отсутствие образа собственной семьи» и «отсутствие видения себя в профессии». Все это свидетельствует о психологической неготовности к реализации задач ранней взрослости и переходу на следующий возрастной этап.

Экспериментальные данные подтверждают гипотезу, основанную на теоретическом анализе о наличии нормативного кризиса психического развития в период перехода от юности к взрослости (19–21 год), трех фазах прохождения кризиса развития, связанных с изменением объективной (система отношений) и

субъективной (переживание этих отношений) составляющих социальной ситуации развития, с динамикой конфликта между идеальной формой и реальностью. Очевидно, что студенты средних курсов высших и профессиональных учебных заведений в большинстве своем проходят первую фазу кризиса, характеризующуюся идеализацией образа собственного будущего. Собственно критическая фаза приходится на старшие – выпускные курсы профессиональных учебных заведений независимо от вида. Разрешение нормативного кризиса совершается в основном после окончания обучения в процессе вхождения в профессию на этапе создания собственной семьи.

6.2.2. Особенности динамики жизненных ценностей и их доступности в разных фазах нормативного кризиса перехода к ранней взрослости

В связи с тем, что изменение системы ценностей является еще одним важным критерием нормативного кризиса взрослости были исследованы особенности ценностной сферы в каждой группе респондентов.

Для определения особенностей осознаваемых жизненных ценностей и их доступности была проведена методика Фанталовой Е.Б. «Свободный выбор ценностей». Данная методика оценивалась в три этапа: сначала производилась обработка, предусмотренная автором, затем в трех имеющихся группах определялись приоритетные, ведущие реализованные ценности и устанавливалась связь между собственными ценностями и выбранными ценностями родительской семьи.

Для того, чтобы определить приоритетные ценности необходимо выявить степень согласованности изменений ценностей в трех группах, т.е. если иерархии ценностей в группах изменяются не согласованно, это может свидетельствовать о разных статусах тех или иных ценностей. Показатели согласованности изменений ценностей представлены в табл. 13.

Таблица 13

Показатели согласованности изменений ценностей при попарном сравнении в трех группах

	ВВ	ВК	РЦ
Группа молодых специалистов и группа третьего курса	0,183**	0,241**	0,195*
Группа молодых специалистов и группы завершающего курса	0,209**	0,152	0,158
Группы завершающего курса и группа третьего курса	0,163	0,230**	0,171

Условные обозначения: ** различия значимы при $p \leq 0,05$; * различия значимы при $p \leq 0,01$;

ВВ – ценности, относящиеся к внутренним вакуумам;

ВК – ценности, относящиеся к внутренним конфликтам;

РЦ – ценности, относящиеся к реализованным ценностям.

Из табл. 13 видно, что в группе молодых специалистов и в группе третьего курса не согласованно изменяются ценности, относящиеся к внутренним вакуумам, внутренним конфликтам и реализованным ценностям. В группе молодых специалистов и группе завершающего курса не согласованно изменяются ценности, относящиеся к внутренним вакуумам, а в группе завершающего курса и третьего курса – относящиеся к внутренним конфликтам. Таким образом, можно говорить о различных приоритетах в ценностях у каждой исследуемой группы.

Рассматривая ценности в группе третьего курса, можно заметить, что ценности: любовь и наличие семьи связаны с внутренним конфликтом, т.е. желанны, но не достижимы. Наличие данных ценностей тесно связано с собственно критической фазой кризиса перехода к взрослости (таблица 3.2). Среди ценностей связанных с внутренним вакуумом нет доминирующих ценностей; отсутствуют доминирующие ценности, относящиеся к реализованным ценностям; отмечается разброс ценностей. Данное явление можно объяснить тем, что идет процесс поиска ценностей, а вместе с тем и целей собственной жизни, т.е. можно говорить о процессе формирования нового отношения к миру и себе. Собственно критическая фаза кризиса перехода к взрослости связана с отсутствием ярко выраженных приоритетных ценностей личности, что свидетельствует о процессе поиска ценностей, а вместе с тем и целей и нового отношения к миру и себе. В результате поиска определяются ценности, связанные с психологическими особенностями, возникающими в посткритической фазе. Готовность реализовать себя в профессии связана с ценностью – целеустремленность. Готовность создать собственную семью – с ценностями: наличие семьи, наличие детей, любовь к противоположному полу.

Рассматривая ценности группы завершающего курса, можно констатировать отсутствие доминирующих ценностей в зоне внутренних вакуумов и конфликтов. Парадоксальным выглядит то, что приоритетные ценности – любовь и целеустремленность относятся к реализованным, в то время как среди респондентов лишь единицы находятся в браке, причем стаж семейной жизни – около года, в профессии они тоже еще не достигли определенности. Такое несоответствие в системе ценностей не позволяет констатировать ее сформированность и принятие.

Из таблицы № и видно, что в группе молодых специалистов доминирующие ценности тоже не связаны с внутренним вакуумом и внутренним конфликтом. При этом молодые специалисты действительно осваивают новые социальные роли – профессиональные и семейные. В целом внутренних вакуумов в этой группе больше, чем в группе завершающих курсов (табл. 13), что свидетельствует о большей доступности многих целей и ценностей. Возможно, это связано с уверенностью в своих способностях, социальной смелостью и открытостью, ощущением самостоятельности и свободы в связи с принятием на себя новых социальных ролей. Доминирующие ценности тоже оказались среди реализованных и доступных. Среди них: искренность, оптимизм, любовь, наличие семьи и детей. Ощущение субъективной готовности к освоению нового этапа

жизни приводит к самостоятельности, уверенности в собственных силах и ресурсах, отстаиванию собственных приоритетов.

6.2.3. Особенности динамики отношения к ценностям родительской семьи как критерий динамики нормативного кризиса перехода к взрослости

Теоретический анализ проблемы разрешения кризиса перехода к ранней взрослости свидетельствует о необходимости достижения независимости личности посредством психологического отделения от родительской семьи. Среди различных аспектов независимости принято выделять независимость, связанную со сформировавшейся системой собственных ценностей отличной от той, которая свойственна родителям.

Для определения соотношения ценностей наших респондентов с родительскими, в методику «Свободный выбор ценностей» была введена дополнительная инструкция. Испытуемым необходимо было выделить 10 ценностей, которые характерны для родительской семьи. Далее осуществлялся подсчет совпадений в ценностях и попарное сравнение результатов в трех группах. Результаты представлены в табл. 14

Таблица 14

Сравнение совпадений системы ценностей личности с ценностями родительской семьи в исследуемых группах

Группы	U _{эм}
Группа третьего курса	233
Группа завершающего курса	
Группа завершающего курса	91
Группа молодых специалистов	
Группа молодых специалистов	67**
Группа третьего курса	

Условные обозначения:

** различия значимы при $p \leq 0,05$

 – значимые показатели выше в группе третьего курса

Из табл. 14 видно, что различия обнаружены только между группой молодых специалистов и группой третьего курса, то есть группа третьего курса отличается большим количеством совпадений собственных ценностей с ценностями родительской семьи, чем группа молодых специалистов. Это свидетельствует о том, что группа третьего курса психологически еще зависима от ценностей родительской семьи и разделяет эти ценности, значит, зависит от родительской семьи. В группе молодых специалистов отмечается отказ от ценностей

родительской семьи, однако делать выводы о независимости от родительской семьи преждевременно.

До наступления кризиса перехода к взрослости существует психологическая зависимость от родительской семьи, которая проявляется в совпадении ценностей личности с ценностями родительской семьи. В процессе кризиса происходит отделение от ценностей родительской семьи. А в посткритической фазе у людей должны сформироваться собственные ценности, не обязательно отличные от ценностей родительской семьи, но осознанные и принятые. Лишь сформированная система собственных ценностей может быть соотнесена со стабильным периодом развития – ранней взрослостью (молодостью).

Обобщая полученные результаты, структурную динамику системы ценностей в исследуемом возрастном диапазоне можно описать следующим образом. В дебюте нормативного кризиса перехода к ранней взрослости доминирующие для данного возраста ценности (семья и профессия) находятся в зоне внутреннего конфликта, т. е. желанны, но не достижимы и не реализованы. Этой фазе кризиса соответствуют респонденты средних курсов.

В собственно критической фазе нормативного кризиса перехода к ранней взрослости (в ситуации обучения в вузе вторая фаза кризиса приходится на старшие курсы) разброс ценностей, свидетельствует об активном поиске собственных приоритетов и жизненных целей и о наличии внутреннего конфликта и мотивации к обретению собственной идентичности. Декларируемое отсутствие внутренних конфликтов и вакуумов в области осознаваемых приоритетных ценностей может свидетельствовать об отрицании их субъективной значимости, что, как правило, свидетельствует о глубоком конфликте, тем более, что доминирующие ценности предъявляются респондентами как уже реализованные.

Группа респондентов – молодых специалистов с профессиональным стажем около года мало отличается от старшекурсников и, скорее всего, находится в той же собственно критической фазе нормативного кризиса развития. Об этом свидетельствует большое число вакуумов, отсутствие желанных целей (большинство значимых для этого возраста ценностей предъявляются как уже реализованные и достижимые). Ценности родительской семьи отрицаются. Собственная система ценностей еще не сформирована.

Фаза выхода из кризиса должна сопровождаться, по всей видимости, сформированной согласованной, выработанной в собственной семье системой ценностей и содержать в виде приоритетных целей основные задачи следующего стабильного периода (профессионализация и создание собственной семьи; освоение и принятие связанных с этим новых социальных ролей).

6.3. Исследование временной транспективы в нормативном кризисе перехода к взрослости

Среди индикаторов уровня сформированности идентичности многими исследователями выделяются особенности восприятия времени жизни. Важность

категории времени подчеркивается уже в работах Э. Эриксона, где идентичность определяется, в том числе, и как чувство непрерывности своего существования во времени. Разные статусы идентичности связываются с изменениями восприятия времени своей жизни. Для более точного выявления «временной» составляющей идентичности было проведено исследование особенностей изменения временной трансспективы жизни в структуре кризиса перехода к ранней взрослости. Концепт временной трансспективы был введен В.И. Ковалевым и обозначает взгляд на течение времени жизни из настоящего в прошлое и будущее [4]. Изучая особенности эго-идентичности в связи с динамикой кризисов [8] в различные периоды взрослости мы обнаружили, что в первой фазе нормативных кризисов взрослости возникает предрешенная эго-идентичность, связанная с открытием новой идеальной формы, соответствующей задачам следующего возрастного этапа. Предрешенная эго-идентичность чаще всего связана с идеализацией «Я-будущего», отказом от «Я-прошлого», эгоцентризмом и некоторой эйфорией по поводу собственных изменений. В следующей фазе кризиса – собственно критической, когда встречаются «Я-идеальное» и реальность, происходит «размывание идентичности». Здесь в полной мере проявляются сомнения, неверие в собственные ресурсы, но, вместе с тем, человек ищет, «примеряет» различные образцы для идентичности. Этому этапу соответствует диффузная идентичность. На этапе выхода из кризиса личность обладает достигнутой или автономной эго-идентичностью – это обязательное условие перехода в стабильный этап развития – фазу новых количественных изменений. В стабильном же этапе личность утверждает себя в выбранной идентичности и какое-то время мотивация к изменениям отсутствует – это фаза моратория.

В данном исследовании структура эго-идентичности изучалась с помощью специальной методики (СЭИ-тест). Соотношение трех показателей – автономия (А), сомнение (С) и фиксация (Ф) – характеризует структуру эго-идентичности.

Мы исходили из предположения о том, что существует связь между статусом эго-идентичности и особенностями восприятия времени жизни.

Для высоких значений показателя Ф – «фиксация» по методике СЭИ-тест, то есть для людей с предрешенной идентичностью, должны быть характерны тенденции идеализации будущего, а также психологический отказ от прошлого и настоящего. Эта тенденция может отражаться в уменьшении количества событий прошлого и настоящего, в отличие от будущего, их более негативная эмоциональная окраска, а также малая протяженность периодов прошлого и настоящего.

Для высоких значений показателя «сомнение» (С) – диффузная идентичность – будут характерны переоценка периода прошлого, его идеализация, в отличие от настоящего и будущего, а также ощущение утраты собственной непрерывности.

Наконец, статусу достигнутой идентичности – высокие значения показателя «автономии» (А) – соответствует тенденция принятия прошлого и настоящего и позитивная направленность на будущее, что будет отражаться в пропорциональности продолжительности и эмоциональной оценки всех жизненных периодов.

В связи с целью данного исследования выявить взаимосвязи между структурой эго-идентичности и показателями временной транспективы в кризисе перехода к ранней взрослости были определены следующие задачи:

1. Выявить структуру эго-идентичности и особенности восприятия прошлого, настоящего и предполагаемого будущего в период нормативного кризиса перехода к ранней взрослости.

2. Выявить взаимосвязь между показателями эго-идентичности и параметрами временной транспективы жизни.

Данное исследование выполнено И.А. Шляпниковой под нашим руководством. Выявление особенностей временной транспективы жизни осуществлялось с помощью модифицированной методики «**Линия жизни**». В соответствии с целью исследования была разработана специальная процедура диагностики восприятия времени жизни. Участникам исследования предъявлялся лист с двумя линиями: горизонтальная линия по центру, направленная слева направо – ось времени, и перпендикулярно к ней слева – шкала оценки значимости событий. Инструкция для выполнения методики была следующей: «Представьте, что Вы снимаете фильм о своей жизни и надо отыскать самые главные кадры-события своего прошлого, настоящего и будущего. Событиями могут быть любые перемены во внешнем и внутреннем мире, происходящие достаточно быстро (не длительный этап). Например, событием может быть поступление в институт или окончание института (а не обучение в институте). Подумайте о наиболее значимых для Вас событиях прошлого, настоящего и ожидаемого будущего и отметьте их точками. При этом сверху от линии должны располагаться положительные, приятные события, а снизу – негативные, неприятные. Удаленность точки события от оси обозначает эмоциональную значимость события (чем дальше точка события от оси, тем оно более сильно переживается). Напишите дату каждого события и обозначьте его понятным для Вас ключевым словом или символом». Для выявления менее осознанного отношения человека к событиям жизни использовалась процедура цветовых ассоциаций, когда опрашиваемому предлагалось указать цвета, с которыми у него ассоциируется то или иное событие.

Отдельными критериями для изучения особенностей восприятия жизненного пути выступали показатели: *насыщенность* жизни в целом и отдельных периодов, *эмоциональный фон*, *продолжительность* периодов прошлого, настоящего и ожидаемого будущего, *вариативность* линии жизни.

Насыщенность жизни – содержательный критерий, характеризующий жизненный путь человека. Единицей измерения насыщенности жизни является «событие». Таким образом, степень насыщенности жизни определяется количеством значимых событий.

Показателем *эмоционального отношения* к событиям жизни выступали субъективные оценки событий и отдельных периодов жизни по шкале «приятное – неприятное», общее количество положительных и отрицательных событий. Также показателем *эмоционального отношения* к событиям прошлого, настоящего и предполагаемого будущего выступали цветовые ассоциации.

Однако, поскольку последующего ранжирования цветов по привлекательности не производилось, при интерпретации цветовых ассоциаций мы ограничимся только теоретическими положениями М. Люшера и А.М. Эткинда, а также имеющимися эмпирическими данными, которые свидетельствуют об устойчивых ассоциациях приятных и неприятных событий с теми или иными цветами [1, 2, 3].

Вариативность линии жизни, свидетельствует о степени дифференцированности представлений о своем жизненном пути и измеряется количеством положительных, отрицательных и нулевых сдвигов в эмоциональной окраске при переходе от одного события к следующему. Таким образом, степень дифференцированности представлений о событиях своей жизни наглядно отражается в степени «изломанности» линии жизни.

Далее будут представлены результаты эмпирического исследования. Для выявления взаимосвязи проводился корреляционный анализ по Пирсону. В исследовании принимали участие 41 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

В табл. 15 представлены результаты выявления взаимосвязи между показателями эго-идентичности и общими параметрами временной транспективы. В этой таблице и далее будут отражены только те параметры временной транспективы, которые имеют значимые корреляции с показателями эго-идентичности.

Таблица 15

Корреляции между показателями идентичности и общими параметрами временной транспективы (N=41)

Показатели СЭИ-теста	Насыщенность жизни
	Общее количество событий
Автономия	0,549***
Сомнение	-0,355*
Фиксация	-0,290

Условные обозначения:

* – связи, значимые при $p < 0,05$;

** – связи, значимые при $p < 0,01$;

*** – связи, значимые при $p < 0,001$

Как видно из табл. 15, статистически значимые корреляционные связи обнаружены между показателями СЭИ-теста и таким параметром временной транспективы, как насыщенность жизни. При этом с общим количеством событий на Линии жизни статистически значимо положительно коррелирует показатель автономии ($r = 0,549$, $p < 0,001$), и отрицательно – показатель сомнения ($r = -0,355$, $p < 0,05$). Обнаруженные корреляции означают, что при увеличении значений показателя автономии увеличивается количество событий на Линии жизни и, наоборот, при увеличении показателя сомнения количество

событий уменьшается. Таким образом, в отличие от диффузной идентичности, для статуса достигнутой идентичности характерно восприятие жизни как более насыщенной и продуктивной. То есть диффузную идентичность характеризует своеобразное «обеднение» жизни – сокращение общего количества событий, представленных на Линии жизни.

Таблица 16

Корреляции между показателями идентичности и параметрами временной ретроспективы (N=41)

Показатели СЭИ-теста	Насыщенность прошлого	Эмоциональный фон прошлого						Вариативность Линии в прошлом			
		Количество событий	Среднее кол-во «+» событий	Среднее кол-во «-» событий	Среднее кол-во выборов синего цвета (1)	Среднее кол-во выборов красного цвета (3)	Среднее кол-во выборов коричневого цвета (6)	Среднее кол-во выборов серого цвета (0)	Среднее кол-во «+» сдвигов	Общая величина «+» сдвигов	Среднее кол-во «-» сдвигов
Автономия	0,483***	0,418**	0,381**	0,313*	0,450**	0,363*	0,054	0,392**	0,445**	0,584***	0,484***
Сомнение	-0,319*	-0,317*	-0,134	-0,361*	-0,286	-0,196	0,327*	-0,285	-0,383**	-0,338*	-0,311*
Фиксация	-0,245	-0,156	-0,357*	0,053	-0,244	-0,244	-0,319*	-0,163	-0,103	-0,363*	-0,258

Условные обозначения:

- * – связи, значимые при $p < 0,05$
- ** – связи, значимые при $p < 0,01$
- *** – связи, значимые при $p < 0,001$

В табл. 16 представлены коэффициенты корреляции между показателями СЭИ-теста и общими параметрами временной ретроспективы (субъективная картина прошлого), к которым относятся насыщенность прошлого, эмоциональный фон и вариативность Линии в прошлом.

Статистически значимые корреляционные связи выявлены между общим количеством событий в прошлом и показателями автономии и сомнения. При этом с общим количеством событий на Линии жизни в прошлом статистически значимо положительно коррелирует показатель автономии ($r = 0,483$, $p < 0,001$), и отрицательно – показатель сомнения ($r = -0,319$; $p < 0,05$). Обнаруженные корреляции означают, что при увеличении значений показателя автономии увеличивается количество событий на отрезке прошлого, и, наоборот, при увеличении показателя сомнения количество событий в прошлом уменьшается. Таким образом, в отношении прошлого повторяется обнаруженная ранее общая закономерность восприятия жизни в целом: статусу достигнутой идентичности соответствует восприятие прошлого как насыщенного и продуктивного периода жизни, обратная тенденция характерна для статуса диффузной идентичности. То есть, диффузную идентичность характеризует своеобразное «обеднение» жизни в прошлом.

Как видно из табл. 16, совокупность корреляций между показателями общего эмоционального фона прошлого и показателями идентичности позволяет говорить о следующих тенденциях: при увеличении значений показателя автономии, который соответствует статусу достигнутой идентичности, увеличивается количество как положительных ($r = 0,418$; $p < 0,01$), так и отрицательных событий ($r = 0,381$; $p < 0,01$) на Линии прошлого. Кроме того, при высоких значениях показателя автономии обнаруживается значимо больше ассоциаций событий прошлого с синим ($r = 0,313$; $p < 0,05$), красным ($r = 0,450$; $p < 0,01$) и коричневым цветом ($r = 0,363$; $p < 0,05$).

Высоким значениям показателя сомнения соответствует уменьшение количества положительных событий ($r = -0,317$; $p < 0,05$), а при увеличении значений показателя фиксации происходит уменьшение количества отрицательных событий ($r = -0,357$; $p < 0,05$) в прошлом. Кроме того, при высоких значениях показателя сомнения обнаруживается значимо больше ассоциаций событий прошлого с серым цветом ($r = 0,327$; $p < 0,05$), и значимо меньшее количество выборов синего цвета ($r = -0,361$; $p < 0,05$). А также высоким значениям показателя фиксации соответствует значимо меньшее число ассоциаций событий прошлого с серым цветом ($r = -0,319$; $p < 0,05$).

Таким образом, анализ значимых корреляций позволяет констатировать, что для статуса достигнутой идентичности характерно разнообразие в эмоциональной оценке прошлого. Автобиографическая память людей с высокими значениями показателя автономии содержит большое количество как позитивно, так и негативно воспринимаемых событий. Тогда как людям с диффузной идентичностью свойственно уменьшение значимости позитивных событий своего прошлого (меньшее число «+» событий), а для людей с предрешенной

идентичностью – тенденция к избеганию негативных воспоминаний (меньшее число «–» событий).

При анализе корреляционных взаимосвязей между показателями идентичности и особенностями цветового ассоциирования событий прошлого были выявлены разнообразные тенденции. Поэтому представляется важным для более полной картины особенностей эмоционального отношения к событиям прошлого рассмотреть палитры цветов, которыми окрашивались события в разных группах – «автономных», «сомневающих» и «фиксированных».

Таблица 17

Цветовые ассоциации событий прошлого в соотношении с показателями идентичности

Группы в соответствии с показателями СЭИ-теста	Номер и название цвета (согласно тесту Люшера)								Ранг (место цвета в ряду)	
	0 серый	1 синий	2 зеленый	3 красный	4 желтый	5 фиолетовый	6 коричневый	7 черный		
Автономные	8	2	4	1	3	7	5	6		
Сомневающиеся	4	6	3	1	2	7	8	5		
Фиксированные	6	3	5	1	2	7	8	4		
Коэффициент корреляции между рядами А и С					0,476					
Коэффициент корреляции между рядами А и Ф					0,761*					
Коэффициент корреляции между рядами Ф и С					0,785*					

Условные обозначения:

* – связи, значимые при $p < 0,05$

В ячейках табл. 17 для каждой из групп – «автономные», «сомневающиеся» и «фиксированные» – отражены позиции цветов (ранги) в общей иерархии, построенной по количеству выборов того или иного цвета. В трех нижних строках таблицы отражены коэффициенты корреляции между иерархическими рядами цветов соответствующих групп.

Как видно из табл. 17, статистически значимые взаимосвязи обнаружены между цветовыми ассоциациями событий прошлого в группах автономных и

фиксированных ($r = 0,761$; $p < 0,05$) и в группах фиксированных и сомневающих ($r = 0,785$; $p < 0,05$). Напротив, между группами автономных и сомневающих статистически значимых корреляций выявлено не было. Таким образом, можно предположить, что группы автономных и сомневающих представляют собой «крайние» группы, в которых эмоциональные оценки периода прошлого наиболее различаются.

Исходя из табл. 17, если восстановить иерархии цветов в порядке возрастания от первого к последнему (где первым позициям соответствует большее количество выборов данного цвета), можно увидеть следующую картину. Для людей с высокими значениями по показателю автономности соответствует ряд: красный (3), синий (1), желтый (4), зеленый (2), коричневый (6), черный (7), фиолетовый (5), серый (0). Таким образом, можно отметить наличие основных цветов – красного, синего, желтого и зеленого – на первых четырех позициях цветового ряда. Согласно теоретической концепции М. Люшера, эти цвета, символизирующие фундаментальные психологические потребности, должны занимать первые четыре-пять позиций [5]. А. Кроник в эмпирических исследованиях также обнаружил, что события, которые переживаются приятными, чаще других ассоциируются с основными цветами – красным, желтым, синим и зеленым, особенно с красным. Отмечается и обратная закономерность – неприятные события чаще видятся серыми, коричневыми, очень неприятные – черными. Таким образом, можно констатировать достаточно благополучную эмоциональную картину прошлого в группе с достигнутой идентичностью. Больше, по сравнению с группами сомневающих и фиксированных, количество ассоциаций событий прошлого с коричневым цветом, который выдвигается на 5 позицию, может объясняться самим содержанием событий, которое мы не анализировали. Например, известна устойчивая взаимосвязь коричневого цвета с состояниями болезни. Однако мы склонны предполагать, что наличие событий разного эмоционального знака, а также темных цветов в палитре прошлого у людей с достигнутой идентичностью является свидетельством реалистичного восприятия этого периода жизни. Люди с достигнутой идентичностью не идеализируют свое прошлое, когда оно целиком окрашивается только в позитивные цвета, а относятся к нему реалистично: события жизни не всегда приятны, способность осознавать значимость разных событий является показателем конструктивного принятия того, что происходило в жизни человека.

Исходя из табл. 17, высоким значениям показателя сомнения соответствует ряд цветов: красный (3), желтый (4), зеленый (2), серый (0), черный (7), синий (1), фиолетовый (5), коричневый (6). Следует обратить внимание на присутствие серого цвета (0) на одной из первых четырех позиций ряда. При этом пятую позицию занимает черный цвет (7). Значимо большее число ассоциаций событий прошлого с серым цветом ($r = 0,327$; $p < 0,05$), и значимо меньшее количество выборов основного синего цвета ($r = -0,361$; $p < 0,05$) подтверждают эту тенденцию (таб. 16). Таким образом, в эмоциональной оценке событий прошлого

у людей с диффузной идентичностью наблюдается нота отстраненности и негативизма.

Иерархический ряд цветовых ассоциаций в группе с предрешенной идентичностью (высокие значения показателя фиксации) выглядит следующим образом: красный (3), желтый (4), синий (1), черный (7), зеленый (2), серый (0), фиолетовый (5), коричневый (6). Следует обратить внимание на расположение черного цвета (7) на четвертой позиции ряда, который может рассматриваться как показатель присутствия негативного отношения к событиям прошлого.

Возвращаясь к табл. 16, для восстановления более полной картины особенностей восприятия прошлого людьми с разной структурой идентичности следует охарактеризовать взаимосвязь показателей идентичности с таким параметром временной ретроспективы, как вариативность Линии. Показатели «Среднее количество «+» сдвигов между событиями», «Общая величина «+» сдвигов между событиями», «Среднее количество «-» сдвигов между событиями» и «Общая величина «-» сдвигов между событиями», отраженные в последних четырех столбцах Таблицы 2, свидетельствуют о степени «изломанности» линии жизни, следовательно, о степени дифференцированности представлений человека о событиях своего прошлого. Как видно из табл. 16, обнаруживаются статистически значимые положительные корреляционные связи между показателем автономности и всеми параметрами вариативности Линии. И, наоборот, высоким значениям показателей сомнения и фиксации соответствуют низкие значения вариативности Линии. Указанные тенденции означают, что в группе людей с достигнутой идентичностью Линия прошлого более вариативна, следовательно, представления о событиях прошлого более разнообразны, что может говорить о большей осознанности, реалистичности и принятии своего прошлого.

Таким образом, обнаруженные закономерности в восприятии прошлого позволяют говорить о следующих тенденциях.

Статусу достигнутой идентичности соответствует восприятие прошлого как насыщенного и продуктивного периода жизни. Эмоциональная картина прошлого достаточно благополучна. Однако люди с достигнутой идентичностью не идеализируют свое прошлое, когда оно целиком окрашивается только в позитивные цвета, а относятся к нему реалистично. Автобиографическая память людей с высокими значениями показателя автономности содержит большое количество как позитивно, так и негативно воспринимаемых событий, то есть представления о событиях прошлого разнообразны, что может говорить о большей осознанности, реалистичности и принятии своего прошлого.

Диффузную идентичность характеризует своеобразное «обеднение» жизни в прошлом, а также уменьшение значимости позитивных событий своего прошлого. В эмоциональной оценке событий прошлого у людей с диффузной идентичностью наблюдается нота отстраненности и негативизма.

У людей с предрешенной идентичностью в отношении событий прошлого также отмечается появление негативных оттенков, однако, при этом присутствует стремление к избеганию неприятных воспоминаний.

Рассмотрим далее данные корреляционного анализа.

Таблица 18

Корреляции между показателями идентичности и параметрами восприятия настоящего в субъективной картине жизни (N=41)

Показатели СЭИ-теста	Насыщенность настоящего	Эмоциональный фон настоящего	Вариативность Линии в настоящем
	Общее кол-во событий	Общий уровень позитивности эмоционального переживания настоящего	Среднее кол-во «+» сдвигов
Автономия	0,327*	0,042	0,492***
Сомнение	-0,078	-0,310*	-0,232
Фиксация	-0,161	0,331*	-0,379*

Условные обозначения:

- * – связи, значимые при $p < 0,05$;
- *** – связи, значимые при $p < 0,001$.

В табл. 18 представлены коэффициенты корреляции между показателями СЭИ-теста и общими параметрами субъективной картины настоящего.

Как видно из табл. 18, статистически значимая положительная корреляционная связь выявлена между общим количеством событий в настоящем и показателем автономии. То есть высоким значениям по показателю автономии соответствует большее количество событий на Линии жизни в настоящем. Подобную тенденцию К.Н. Василевская [6] называет «онтологизацией» настоящего. То есть настоящее является для людей с достигнутой идентичностью самостоятельным этапом жизненного пути, тогда как у людей в статусе диффузной и предрешенной идентичности настоящее менее развернуто. Кроме того, статусу достигнутой идентичности соответствует большее количество «+» сдвигов между событиями в настоящем ($r = 0,492$; $p < 0,001$). То есть для достигнутой идентичности характерен восходящий характер Линии в настоящем, что свидетельствует об оптимистичном взгляде на события своей жизни в настоящий момент.

В оценке эмоционального фона периода настоящего показатели сомнения и фиксации СЭИ-теста образуют крайние полюсы. Показатель сомнения статистически значимо отрицательно ($r = -0,310$; $p < 0,05$), а показатель фиксации статистически значимо положительно ($r = 0,331$; $p < 0,05$) коррелируют с уровнем позитивности эмоциональных переживаний. Это означает, что при возрастании значений по показателю фиксации увеличивается уровень позитивного отношения к настоящему, и, наоборот, при увеличении значений по показателю сомнения уменьшается количество позитивных и увеличивается значение негативных оценок настоящего. При этом, для высоких значений показателя фиксации характерно меньшее число «+» сдвигов между точками событий ($r = -0,379$; $p < 0,05$), то есть Линия жизни в настоящем не похожа на постоянно

возрастающую, на ней есть и спады и подъемы. Таким образом, можно говорить о тенденции к идеализации настоящего людьми с предрешенной идентичностью.

Таким образом, тенденции восприятия настоящего очень разнообразны в зависимости от структуры эго-идентичности. Насыщенность событиями свидетельствует о том, что настоящее более развернуто у людей с достигнутой идентичностью. Настоящее является для них самостоятельным этапом жизненного пути, тогда как у людей в статусе диффузной и предрешенной идентичности настоящее менее насыщено событиями. Людьми с диффузной идентичностью настоящее воспринимается более негативно. Напротив, статусу предрешенной идентичности соответствует тенденция идеализации настоящего – несмотря на незначительное количество событий и наличие на Линии настоящего и спадов и подъемов в целом данный период воспринимается очень оптимистично.

Рассмотрим отдельно цветовые ассоциации событий настоящего.

Таблица 19

Цветовые ассоциации событий настоящего в соотношении с показателями идентичности

Группы в соответствии с показателями СЭИ-теста	Номер и название цвета (согласно тесту Люшера)								Ранг (место цвета в ряду)
	0 серый	1 синий	2 зеленый	3 красный	4 желтый	5 Фиолетовый	6 коричневый	7 черный	
Автономные	3	2	4	1	5	6	7	8	
Сомневающиеся	7	1	5,5	2	8	3	5,5	4	
Фиксированные	7	2	3	1	4	7	7	5	
Коэффициент корреляции между рядами А и С					0,323				
Коэффициент корреляции между рядами А и Ф					0,659				
Коэффициент корреляции между рядами Ф и С					0,466				

В табл. 19 для каждой из групп – автономные, сомневающиеся и фиксированные – отражены позиции цветов в общей иерархии, построенной по количеству выборов того или иного цвета. В трех нижних строках таблицы отражены коэффициенты корреляции между иерархическими рядами цветов соответствующих групп.

Как видно из табл. 19, значимых корреляций между рядами цветовых ассоциаций событий настоящего у групп с разными статусами идентичности не обнаружено. Отсутствие взаимосвязи свидетельствует о разнонаправленных тенденциях в эмоциональной оценке настоящего людьми с различными статусами идентичности.

В группе автономных по отношению к настоящему повторяется тенденция эмоциональной оценки прошлого, когда на первых четырех позициях помимо основных цветов встречается дополнительный цвет – серый. Высоким значениям показателя автономии соответствует ряд: красный (3), синий (1), серый (0), зеленый (2), желтый (4), фиолетовый (5), коричневый (6), черный (7).

Статусу диффузной идентичности – высокие значения по показателю сомнения – соответствует цветовая раскладка: синий (1), красный (3), фиолетовый (5), черный (7), зеленый (2), коричневый (6), серый (0), желтый (4). Обращает на себя внимание присутствие черного цвета на 4 позиции и отдаление желтого цвета на последнее место в ряду цветовых ассоциаций событий настоящего, что подтверждает выявленную ранее закономерность присутствия негативной ноты в отношении к настоящему у людей с диффузной идентичностью.

Высоким значениям показателя фиксации соответствует ряд: красный (3), синий (1), зеленый (2), желтый (4), черный (7), фиолетовый (5), коричневый (6), серый (0). Можно отметить наличие основных цветов – красного, синего, желтого и зеленого – на первых четырех позициях цветового ряда, в связи с чем можно говорить о достаточно благополучной эмоциональной картине настоящего в группе с предрешенной идентичностью. Характер цветовых ассоциаций соответствует выявленной ранее тенденции идеализации настоящего.

Таким образом, были выявлены разнонаправленные тенденции в эмоциональной оценке настоящего людьми с различными статусами идентичности. Настоящее более развернуто у людей с достигнутой идентичностью. Несмотря на разнообразные эмоциональные оценки событий настоящего, что говорит о достаточной осознанности и реалистичности восприятия настоящего, этот период является для людей с достигнутой идентичностью ценным и самодостаточным этапом жизненного пути. Подобное отношение можно назвать «онтологизацией» настоящего. Людьюми с диффузной идентичностью настоящее воспринимается более негативно, и мы можем говорить о своеобразной дезактуализации настоящего. Напротив, статусу предрешенной идентичности соответствует тенденция идеализации настоящего – несмотря на незначительное количество событий и наличие на Линии настоящего и спадов и подъемов в целом данный период воспринимается очень оптимистично.

Особенности отношения к будущему в зависимости от статуса идентичности можно увидеть в табл. 20

Таблица 20

Корреляции между показателями идентичности и параметрами временной перспективы (N=41)

Показатели СЭИ-теста	Эмоциональный фон будущего			Вариативность Линии в будущем
	Среднее кол-во выборов красного цвета (3)	Среднее кол-во выборов желтого цвета (4)	Среднее кол-во выборов коричневого цвета (6)	кол-во «0» сдвигов
Автономия	0,322*	0,328*	-0,206	0,410**
Сомнение	-0,210	-0,324*	0,319*	-0,402**
Фиксация	-0,210	-0,179	-0,146	-0,027

Условные обозначения:

* – связи, значимые при $p < 0,05$

** – связи, значимые при $p < 0,01$

В табл. 20 представлены коэффициенты корреляции между показателями СЭИ-теста и общими параметрами субъективной картины будущего, то есть временной перспективы жизни.

Как видно из табл. 20, корреляционные зависимости обнаружены между показателями СЭИ-теста и отдельными параметрами эмоционального отношения к будущему и вариативности Линии.

Как видно из табл. 20, значения по показателю автономии статистически значимо положительно коррелируют с количеством выборов красного ($r = 0,322$; $p < 0,05$) и желтого ($r = 0,328$; $p < 0,05$) цветов для событий будущего. Это означает, что людьми с достигнутой идентичностью данные цвета выбираются чаще, чем сомневающимися (диффузная идентичность) и фиксированными (предрешенная идентичность). Статистически значимое большее количество «0» сдвигов ($r = 0,410$; $p < 0,01$) при высоком показателе автономности характеризует стабильность в оценке событий будущего (многие точки событий находятся на одном уровне). Таким образом, можно предположить, что статус достигнутой идентичности характеризуется оптимистичным восприятием будущего.

Из той же таблицы видно, что показатель сомнения статистически значимо отрицательно коррелирует с количеством выборов желтого цвета ($r = -0,324$; $p < 0,05$) для событий будущего, а также обнаруживается статистически значимая положительная корреляционная связь с частотой выборов коричневого цвета ($r = 0,319$, $p < 0,05$). Это означает, что при возрастании значений по показателю

сомнения увеличивается количество ассоциаций с коричневым цветом и уменьшается число ассоциаций с желтым цветом. Это может означать большую долю тревожности и озабоченности будущим, мало подкрепленную надеждой на лучшее (психологическое значение желтого и коричневого цветов). При этом у людей с высокими показателями сомнения представления о событиях будущего достаточно вариативны, отмечается уменьшение количества «0» сдвигов ($r = -0,402$; $p < 0,01$), то есть точки событий расположены на разных уровнях.

Рассмотрим теперь более подробно, как меняются цветовые палитры будущего в зависимости от статуса идентичности.

Таблица 21

Цветовые ассоциации событий будущего в соотношении с показателями идентичности

Группы в соответствии с показателями СЭИ-теста	Номер и название цвета (согласно тесту Люшера)									
	0 серый	1 синий	2 зеленый	3 красный	4 желтый	5 фиолетовый	6 коричневый	7 черный		
Автономные	6	3	4	1	2	5	8	7	Ранг (место цвета в ряду)	
Сомневающиеся	6	4	3	1	2	5	7	8		
Фиксированные	8	4	3	2	1	5	7	6		
Коэффициент корреляции между рядами А и С					0,952***					
Коэффициент корреляции между рядами А и Ф					0,881**					
Коэффициент корреляции между рядами Ф и С					0,881**					

Условные обозначения:

- * – связи, значимые при $p < 0,05$;
- ** – связи, значимые при $p < 0,01$;
- *** – связи, значимые при $p < 0,001$.

В табл. 21 для каждой из групп – автономные, сомневающиеся и фиксированные – отражены позиции цветов в общей иерархии, построенной по количеству выборов того или иного цвета. В трех нижних строках таблицы отражены коэффициенты корреляции между иерархическими рядами цветов соответствующих групп.

Как видно из табл. 21, статистически значимые положительные взаимосвязи обнаружены между цветовыми ассоциациями событий будущего всех трех групп – автономных, сомневающих и фиксированных. То есть в целом

эмоциональный цветовой фон событий будущего не различается у разных статусов идентичности. При этом следует обратить внимание на то, что в отношении событий будущего для всех статусов идентичности характерно позитивное восприятие будущего – первые четыре позиции цветового ряда занимают основные цвета.

Таким образом, можно говорить в целом о позитивном взгляде в будущее вне зависимости от статуса идентичности. Однако обнаруженные отдельные взаимосвязи свидетельствуют о том, что статусу достигнутой идентичности соответствует более оптимистичное восприятие будущего, а для статуса диффузной идентичности в большей степени характерно состояние тревожности и озабоченности будущим и меньшее количество надежд.

Таким образом, гипотезы, поставленные в начале исследования, полностью подтвердились в отношении достигнутой идентичности и частично в отношении диффузной и предрешенной идентичности.

Обобщая полученные результаты изучения взаимосвязей между статусами идентичности и особенностями временной транспективы жизни, можно сделать следующие **выводы**.

Для статуса достигнутой идентичности характерно восприятие жизни в целом как более насыщенной и продуктивной. Статусу достигнутой идентичности соответствует восприятие прошлого как насыщенного и продуктивного периода жизни. Эмоциональная картина прошлого субъективно воспринимается достаточно благополучной. Однако люди с достигнутой идентичностью не идеализируют свое прошлое, когда оно целиком окрашивается только в позитивные цвета, а относятся к нему реалистично. Автобиографическая память людей с высокими значениями по показателю автономности содержит большое количество как позитивно, так и негативно воспринимаемых событий, то есть представления о событиях прошлого разнообразны, что может говорить о большей осознанности, реалистичности и принятии своего прошлого. Настоящее более развернуто у людей с достигнутой идентичностью. Несмотря на разнообразные оценки событий настоящего, что свидетельствует об осознанности и реалистичности восприятия настоящего, этот период является для людей с достигнутой идентичностью ценным и самодостаточным этапом жизненного пути. Подобное отношение можно назвать «онтологизацией» настоящего. Статусу достигнутой идентичности соответствует в целом оптимистичное восприятие будущего.

Диффузную идентичность характеризует своеобразное «обеднение» жизни в целом, и, в частности, сокращение общего количества событий в прошлом. В эмоциональной оценке событий прошлого у людей с диффузной идентичностью наблюдается некоторая отстраненность и негативизм, а также субъективное уменьшение значимости позитивных событий собственного прошлого. Настоящее воспринимается людьми с диффузной идентичностью более негативно, и мы можем говорить о своеобразной дезактуализации настоящего. Кроме того, для статуса диффузной идентичности в большей степени характерно состояние

тревожности и озабоченности будущим, иногда подкрепленное надеждами на лучшее.

Статусу предрешенной идентичности соответствует стремление к избеганию негативных воспоминаний о событиях прошлого, тенденция идеализации настоящего и в целом позитивный взгляд в будущее.

6.4. Исследование динамики содержания образа будущего как идеальной формы развития

Для диагностики содержания образа будущего была использована методика «Неоконченные предложения» Д. Сакса, модифицированная в соответствии с задачами исследования. Испытуемым предлагалось закончить 14 предложений, описывающих представление о будущем. Исследование проведено в рамках дипломного проекта А.А. Бормотовым под нашим руководством.

Выделенные с помощью контент-анализа критерии оценки образа будущего приведены в табл. 22. При статистической обработке подсчитывалась частота отнесения объектов к категории [14].

Таблица 22

Критерии оценки неоконченных предложений

Критерии описания образа будущего		Усл. обозн.
Локус контроля	Интрапунитивный (события приходят извне)	I
	Импунитивный (направленность изнутри)	Im
	Экстрапунитивный (действуют другие люди)	E
Содержание	Конкретный (конкретные события)	K
	Обобщенный (формализованный)	Ф
	Неопределенный («не знаю, что там будет»)	H
	Бессодержательный (идеализированный, сверхобобщенный)	H1
Круг событий	Индивидуально-личные (связанные с собой)	L
	Семейные (члены семьи совершают события)	C
	Глобальные («чтобы люди лучше относились к природе»)	G
	Абстрактные («добро победило зло», «все будет хорошо»)	Ab
Эмоции	Эйфория (идеализация будущего)	Э
	Реалистичность (принятие будущего, готовность к нему)	P
	Тревога («боюсь будущего», «становится страшно»)	T
	Избегание чувств (прямое отрицание чувств)	I

На первом этапе исследовалось изменение содержания образа будущего в группах студентов: второго (42 человека), третьего (17 человек), четвертого (20 человек), пятого (22 человека) курсов разных факультетов ЮУрГУ и в группе ранней взрослости (32 респондента в возрасте 23–28 лет, с разными уровнем образования и семейным положением).

При анализе содержания описания представлений о будущем учитывались следующие характеристики. Во-первых: насколько конкретно респондент представляет свое будущее, указывает ли он какие-то конкретные изменения (К) или ограничивается формализованными представлениями (Ф), в случае, если будущее описывается таким образом: «не знаю, что там будет» или «что будет, то будет», – образ неопределенный (Н), если человек избегает высказываться о собственном будущем, а это находит отражение в таких предложениях: «...», – приписывается категория бессодержательности (Б).

Событийная наполненность образа будущего оценивалась по следующим категориям: события индивидуально-личностного характера (Л), события, затрагивающие семейный круг (С), глобальные события будущего (Г) и абстрактные события (А).

Представления о том, насколько подконтрольным представляются события будущего респонденту, оценивались по следующим категориям: интрапунитивные высказывания (I), импунитивные (Im) и экстрапунитивные (E).

Эмоциональное содержание образа будущего рассматривали по следующим категориям: возвышенно-положительные эмоции, эйфория (Э), тревога, беспокойство (Т), реалистичность, принятие (Р), избегание эмоций, прямое отрицание чувств (И).

Для того чтобы отследить возрастную динамику образа будущего в период нормативного кризиса перехода к ранней взрослости и сравнить с образом будущего в кризисах средней взрослости, было проведено сравнение выделенных категорий.

В табл. 23 приведены средние значения встречаемости категорий для респондентов – студентов со второго по пятый курс и «взрослых» респондентов (23–28 лет).

Анализ материалов показал, что в целом представления о будущем в кризисе перехода к ранней взрослости характеризуются признаками формальности, наличием описания лично значимых событий, интрапунитивным и импунитивным локусом контроля событий будущего. Представления о будущем в периоды кризисов средней взрослости и зрелости тоже отличаются достаточно высокой формальностью, но, наряду с индивидуально значимыми событиями, в средней взрослости выражена категория круга семейных событий будущего. Кроме того, локус контроля будущих изменений преимущественно импунитивный, т.е. «взрослыми» испытуемыми приписывается ответственность за будущее в большей степени судьбе или случаю.

Средние значения по категориям

	Содержание				События				Эмоциональная окраска				Локус контроля		
	конкретность	формальность	неопределенность	бессодержательность	личные	семейные	глобальные	абстрактные	эйфория	реалистичность	тревога	Избегание эмоций	I	Im	E
2 курс	12.0	36.2	3.9	14.9	48.1	2.5	.7	3.0	9.0	.7	.8	1.9	22.9	27.6	1.7
3 курс	13.8	39.7	2.4	15.0	52.4	3.5	.9	1.2	1.6	1.5	2.4	.6	26.2	28.8	2.7
4 курс	1.7	42.0	2.3	18.8	5.3	3.5	1.0	1.8	12.5	1.3	2.0	2.0	27.0	28.5	1.3
5 курс	2.6	36.6	5.5	2.9	5.0	1.8	1.4	1.6	13.4	1.1	3.2	1.6	28.6	27.0	.7
взросл.	1.7	34.1	4.8	1.2	39.1	7.0	.6	1.6	9.5	.6	1.6	3.0	13.1	31.1	36.2

Характеристика формальности в содержании образа будущего представляется достаточно адекватной, поскольку будущее – это то, что еще не наступило и существует только в форме образа воображения, к характеристикам которого относятся обобщенность, типизация, различного рода трансформации.

Преобладание событий индивидуально-личностного характера в образе будущего тоже вполне объяснимо: думая о будущем, человек обычно ставит себя в центр событий. Тем более это характерно для юности, когда кажется, что мир существует для тебя, что все в собственной судьбе можно контролировать, да и не только в своей судьбе. Возможно, поэтому интрапунитивный локус контроля будущих изменений тоже характерен в юности и ранней взрослости. Большое количество событий глобального характера в образе будущего тоже соответствует кризису перехода к ранней взрослости и связано, очевидно, с юношеским максимализмом, благодаря которому любые перемены вселенского масштаба кажутся легко доступными – молодости свойственна жажда перемен.

Попарное сравнение групп респондентов второго, третьего, четвертого, пятого курсов вуза и средней взрослости дает более точное представление о возрастной динамике исследуемых критериев образа будущего.

Анализ результатов по всем возрастным группам в целом выявил значимые различия ($p \leq 0,001$) по критерию бессодержательности образа будущего: наиболее низкие значения обнаружены в группе респондентов ранней взрослости, а наиболее высокие – у студентов-пятикурсников. Различия были выявлены по частоте встречаемости в содержании образа будущего событий, относящихся к индивидуально-личностным ($p \leq 0,001$): реже они встречаются у взрослых испытуемых, чаще у третьекурсников. На высоком уровне значимости ($p \leq 0,05$) зафиксированы различия по локусу контроля: интрапунитивный локус чаще встречается у пятикурсников, реже – у взрослых, а экстрапунитивный – наоборот. Отмечены различия ($p \leq 0,05$) по показателю тревоги: выше – у пятикурсников, меньше – у студентов второго курса.

Из табл. 23 и табл. 24 видно, что от второго к четвертому курсу повышается показатель формальности содержания образа будущего. Причем, статистически значимые отличия обнаружены между значениями второго и четвертого курса. Конкретность содержания образа будущего резко падает к пятому курсу (различия между группами пятого и второго и пятого – третьего на уровне 0.001) и одновременно повышается неопределенность и бессодержательность образа будущего (показатели пятикурсников значимо выше показателей второго и третьего курсов).

Динамика содержания образа будущего

	Содержание				События				Эмоциональная окраска				Локус контроля		
	Конкретность	Формальность	Неопределенность	Бессодержательность	Личностные	Семейные	Глобальные	Абстрактные	Эйфория	Реалистичность	Тревога	Избегание эмоций	I	Im	E
2 курс	12,0	36,2	3,9	14,9	48,1	2,5	0,7	3,0	9,0	0,7	0,8	1,9	22,9	27,6	1,7
4 курс	1,7	42,0	2,3	18,8	50,3	3,5	1,0	1,8	12,5	1,3	2,0	2,0	27,0	28,5	1,3
U	227	218*	291	197*	289	263	277	268	204*	263	265	284	230	285	291
2 курс	12,0	36,2	3,9	14,9	48,1	2,5	0,7	3,0	9,0	0,7	0,8	1,9	22,9	27,6	1,7
5 курс	1,7	36,6	5,5	20,9	50,0	1,8	1,4	1,6	13,4	1,1	3,2	1,6	28,6	27,0	0,7
U	206**	322	210**	196***	320	307	323	286	224*	309	210**	322	226*	313	285
3 курс	13,8	39,7	2,4	15,0	52,4	3,5	0,9	1,2	10,6	1,5	2,4	0,6	26,2	28,8	2,7
5 курс	2,6	36,6	5,5	20,9	50,0	1,8	1,4	1,6	13,4	1,1	3,2	1,6	28,6	27,0	0,7
U	92***	154	106*	108*	130	154	172	170	134	169	150	150	150	155	128*
4 курс	8,5	42,0	2,3	18,8	50,3	3,5	1,0	1,8	12,5	1,3	2,0	2,0	27,0	28,5	1,3
5 курс	1,3	36,6	5,5	20,9	50,0	1,8	1,4	1,6	13,4	1,1	3,2	1,6	28,6	27,0	0,7
U	201	160	130*	209	217	181	212	218	219	212	173	218	208	194	199
2 курс	12,0	36,2	3,9	14,9	48,1	2,5	0,7	3,0	9,0	0,7	0,8	1,9	22,9	27,6	1,7
взр	1,7	34,1	4,8	10,2	39,1	7,0	0,6	1,6	9,5	0,6	1,6	3,0	13,1	31,1	36,2
U	462	459	453	322**	263***	350**	479	409	463	479	427	411	250***	400	315***
3 курс	13,8	39,7	2,4	15,0	52,4	3,5	0,9	1,2	10,6	1,5	2,4	0,6	26,2	28,8	2,7
взр	2,6	34,1	4,8	10,2	39,1	7,0	0,6	1,6	9,5	0,6	1,6	3,0	13,1	31,1	6,6
U	229	196	222	157*	84***	193	230	236	232	214	219	176*	75***	207	185
4 курс	8,5	42,0	2,3	18,8	50,3	3,5	1,0	1,8	12,5	1,3	2,0	2,0	27,0	28,5	1,3
взр	1,3	34,1	4,8	10,2	39,1	7,0	0,6	1,6	9,5	0,6	1,6	3,0	13,1	31,1	6,6
U	234*	229*	297	133***	143***	271	302	312	241	286	322	294	88***	274	204***
5 курс	6,4	36,6	5,5	20,9	50,0	1,8	1,4	1,6	13,4	1,1	3,2	1,6	28,6	27,0	0,7
взр	0,7	34,1	4,8	10,2	39,1	7,0	0,6	1,6	9,5	0,6	1,6	3,0	13,1	31,1	6,6
U	184**	296	236*	112***	139***	211**	309	309	229*	295	235	273	76***	246	174***

Условные обозначения: U – значение критерия Манна-Уитни; Уровни значимости: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

В табл. 24 отражены средние значения встречаемости категорий для респондентов – студентов со второго по пятый курс и «взрослых» респондентов, а также эмпирические значения U-критерия Манна-Уитни с обозначенными уровнями значимости различий.

Эмоциональные особенности переживания возвышенного, безусловно положительного отношения к будущему статистически значимо изменяются от второго курса к пятому. Самые высокие значения отмечены у пятикурсников. Вместе с тем, такая же динамика выражена и по показателю тревоги и беспокойства по поводу будущих изменений. Это свидетельствует о диссонансе эмоциональных переживаний пятикурсников. У взрослых же респондентов эти показатели значимо ниже, чем у пятикурсников.

Все это позволяет предполагать, что пятикурсники не имеют адекватного представления о будущем. На пороге самостоятельной жизни они оказываются менее всего психологически готовы как в когнитивном, так и в эмоциональном плане, к грядущим переменам. Представления о будущем оказываются пугающе неопределенными или многообещающе привлекательными.

Интересно, что конкретность образа будущего, т. е. проработанность содержания будущих изменений выше всего у третьекурсников, и у взрослых респондентов. У третьекурсников, при этом, самые низкие значения по тревоге. Студентам третьего курса будущее представляется вполне понятным и они не испытывают сильных эмоций, представляя себе грядущее.

У взрослых респондентов, кроме того, выраженные отличия отмечены по показателю интрапунитивного локуса контроля будущих событий. Конкретность образа будущего у взрослых связана, скорее всего, с интрапунитивностью – в силу возрастных особенностей они более чем студенты склонны самостоятельно и реалистично планировать свою жизнь. Показатели тревоги относительно будущего у взрослых респондентов – на уровне средних значений. Можно предположить, что они в целом более реалистично смотрят в будущее.

Представления о будущем четверокурсников отличаются высокой формализованностью в сочетании с бессодержательностью или обобщенностью. Вместе с тем, в эмоциональном плане выражено безусловно положительное отношение к будущему. Такое сочетание свидетельствует о пассивном ожидании перемен к лучшему, которые случатся независимо от чего-либо, сами по себе.

Итак, образ будущего стабилизирован к третьему курсу: будущее представляется понятным, а перемены не особенно беспокоят. К четвертому курсу возрастает ощущение приближения чего-то неясного, но, безусловно, лучшего. К окончанию пятого курса будущее кажется неопределенным, пугающим и, одновременно, манящим и столь же неопределенно многообещающим.

В целом возрастную картину динамики образа будущего можно описать таким образом. Большой содержательностью, высокой конкретностью и отсутствием тревоги отличается представление о будущем у второкурсников и третьекурсников. Это представление, скорее всего, свидетельствует о дебюте нормативного кризиса развития, когда будущее представляется прекрасным, желанным, не структурированным и мало похожим на настоящее.

Большой частотой встречаемости личностных событий и интрапунитивного локуса ответственности за будущее наряду с неопределенностью и неоправданной эйфорией в сочетании с высокой тревогой отличается образ будущего у пятикурсников. Это свидетельствует о проживании критической фазы нормативного кризиса развития, связанной с внутренней неопределенностью и рассогласованием представлений о себе и своем будущем.

Мы исходим из того, что представления о будущем связаны с идеальной формой развития. В таком случае можно утверждать, что дебют нормативного кризиса, связанный с открытием идеальной формы приходится на второй-третий курсы. У пятикурсников выражен конфликт идеальной формы с реальностью, следовательно, этот период приходится на вторую фазу кризиса – наиболее острую. Третья фаза нормативного кризиса – фаза адаптации и выхода приходится на период после обучения в вузе.

Младшие курсы, очевидно, проживают предшествующий кризису перехода к взрослости стабильный период – юность.

Принимая во внимание влияние на развитие личности других факторов (не только профессионального обучения, но и отношений с родительской семьей, установление интимных и супружеских отношений, опыт родительства и т.п.), мы не ограничились сравнением возрастных групп. Следующим шагом стало сравнение групп, выделенных по Тесту структуры Эго-идентичности.

На этом этапе, для определения более корректного изменения содержания образа будущего, учитывая индивидуальную динамику в период прохождения нормативного кризиса перехода к ранней взрослости (молодости), исследовались особенности образа будущего у респондентов с разным статусом эго-идентичности. Мы исходили из того, что предрешенная эго-идентичность соответствует первой фазе – дебюту нормативного кризиса, диффузная идентичности – собственно критической фазе, а автономная – третьей фазе – выходу из кризиса развития. Статус моратория в поиске эго-идентичности связан со стабильным этапом развития. Было выделено четыре группы респондентов: с автономной эго-идентичностью – 22 человека, с предрешенной – 24 человека, с диффузной идентичностью – 13 человек и со статусом моратория – 19 человек.

Попарное сравнение выборок осуществлялось с помощью U-критерия Манна-Уитни, а сравнения всех групп между собой – с помощью H-критерия Крускала-Уоллиса.

Анализ данных всех выделенных по СЭИ-тесту групп, по H-критерию Крускала-Уоллиса, выявил отличия между всеми группами по критериям неопределенности образа будущего и тревоги (чаще встречаются у респондентов

с диффузной и меньше всего у респондентов с предрешенной эго-идентичностью).

В табл. 26 представлены результаты попарного сравнения «чистых» групп (в «чистые» группы по статусам эго-идентичности вошли респонденты, у которых один из показателей статуса был выше среднего или высокий, в то время как два других, – на уровне средних или ниже средних).

Таблица 25

Средние значения категорий образа будущего в «чистых» группах

	Содержание				События				Эмоциональная окраска				Локус контроля		
	конкретность	формальность	неопределенность	бессодержательность	личные	семейные	глобальные	абстрактные	эйфория	реалистичность	тревога	Избегание эмоций	I	Im	E
А	12.75	39.3	4.3	12.25	47.75	4.1	1.15	1.6	8.65	1.8	1.15	2.75	26.35	27	2.75
Ф	13.75	38.75	1.65	12.9	47.9	5.65	0.65	0.85	12.1	0.4	0.65	1.9	20.85	28.95	4.8
С	11.15	28.45	8.45	16.15	41.15	1.55	2.3	1.55	8.45	1.55	3.45	1.9	21.55	25.765	1.15
ФА	9.45	35.55	2.2	21.65	51	3.9	0.55	2.8	14.45	0.55	1.1	1.1	26.1	30.55	0

Условные обозначения: респонденты со статусом эго-идентичности: А – достигнутым, С – диффузным, Ф – предрешенным, ФА – фиксировано-автономный.

В табл. 26 отражены средние значения встречаемости категорий для групп респондентов, соответствующих разным статусам идентичности, а также эмпирические значения U-критерия Манна-Уитни с обозначенными уровнями значимости различий.

Видно, что в период нормативного кризиса при переходе от первой фазы ко второй (от предрешенной эго-идентичности к диффузной) статистически достоверно уменьшается формальность образа будущего и чрезмерно положительное эмоционально переживание будущего ($P \leq 0.05$). Вместе с тем, значительно возрастает тревога и неопределенность в представлениях о грядущем ($p \leq 0.01$).

При переходе от второй фазы кризиса к его завершению (от диффузной эго-идентичности к автономной) статистически достоверно снижаются формальность в содержании образа будущего и тревога перед будущим, а конкретность в представлениях о будущем повышается ($p \leq 0.05$).

Сравнивая показатели образа будущего в первой фазе нормативного кризиса с третьей, обнаруживаем следующие достоверные различия (при $p \leq 0.05$): снижение эйфории и неопределенности, повышение реалистичности в эмоциональном плане.

Таблица 26

Динамика категорий образа будущего

	Содержание				Эмоциональная окраска			
	Конкретность	Формальность	Неопределенность	Бессодержательность	Эйфория	Реалистичность	Тревога	Избегание эмоций
Ф	13.75	38.75	1.65	12.9	47.9	5.65	0.65	0.85
С	11.15	28.45	8.45	16.15	41.15	1.55	2.3	1.55
U	135	102*	78,5**	121	105*	104	69**	107
С	11.15	28.45	8.45	16.15	41.15	1.55	2.3	1.55
А	12.75	39.3	4.3	12.25	47.75	4.1	1.15	1.6
U	94*	84*	102	98	114	103	87*	95
Ф	13.75	38.75	1.65	12.9	47.9	5.65	0.65	0.85
А	12.75	39.3	4.3	12.25	47.75	4.1	1.15	1.6
U	192	190	188*	201	179*	187*	198	203
А	12.75	39.3	4.3	12.25	47.75	4.1	1.15	1.6
ФА	9.45	35.55	2.2	21.65	51	3.9	0.55	2.8
U	157	149	205	117**	145*	146	152	138*
Ф	13.75	38.75	1.65	12.9	47.9	5.65	0.65	0.85
ФА	9.45	35.55	2.2	21.65	51	3.9	0.55	2.8
U	160*	178	186	130**	191	203	162	153*

Условные обозначения: респонденты со статусом эго-идентичности: А – достигнутым (n = 22), С – диффузным (n = 23), Ф – предрешенным (n = 24), ФА – фиксировано-автономный (n = 19);

U – значение критерия Манна-Уитни;

Уровни значимости: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$.

В процессе выделения статусов Эго-идентичности, была обнаружена довольно представительная группа с высокими значениями автономии наряду с высокими показателями предрешенной идентичности – фиксировано-автономный вариант. Сравнение этой группы с «автономными» респондентами, позволило выявить интересные особенности первых. Оказалось, что группа фиксированно-автономных респондентов отличается значимо более высокими показателями бессодержательности или свехобобщенности в содержании образа будущего ($p \leq 0.01$), показателями эмоциональной эйфории по отношению к будущему и,

вместе с тем, избеганием эмоциональных проявлений и прямого отрицания чувств. Сравнение по локусу контроля событий будущего показало, что эта группа отличается от всех остальных значительно более высокими показателями по импунитивному локусу, т. е. представители этой группы более других склонны считать, что будущее предрешиено и не зависит от воли самой личности. Такое сочетание характеристик образа будущего позволяет говорить либо о проявлении защитных механизмов личности либо о том, что данные респонденты находятся в стадии моратория, когда отсутствует мотивация к изменениям. В качестве предположения выскажем идею о том, что выход из кризиса не всегда сопровождается реально достигнутой (автономной) идентичностью, возможен так называемый адаптированный вариант выхода – с достигнутой, но не интериоризованной эго-идентичностью, т.е. принятой только на когнитивном уровне моделью возрастных изменений, но не принятой на внутриличностном уровне.

В целом, можно сделать вывод о том, что содержание образа будущего связано с фазами прохождения кризиса: от общего положительного и формализованного образа в предкритической фазе кризиса (предрешенная идентичность), и тревожно-неопределенного в собственно критической фазе (диффузная идентичность), до эмоционально ровного и реалистичного, разработанного образа в посткритической фазе кризиса (достигнутая идентичность).

Кроме того, в содержании образа будущего наличие у представителей ранней взрослости событий, связанных с семьей, жизнью близких (чаще всего детей), их развитием и успехами отражает особенности социальной ситуации развития взрослости и соответствует возрастным задачам.

6.6. «Медовый месяц» как нормативный кризис развития семьи на этапе перехода к взрослости

Одной из сторон нормативного развития в период молодости является создание собственной семьи. В этом процессе решаются важные задачи для становления личности. Полагая, что развитие – всеобщее свойство, характерное для любой существующей системы, в том числе и семьи, было проведено исследование особенностей развития семьи в начальный период ее развития.

Мы исходили из того, что согласно законам развития, каждая семья должна пройти свой жизненный цикл – определенную последовательность смены событий и стадий: Семейная система должна создаться, развиваться и завершиться, следовательно, в ходе ее развития можно выделить качественно различные периоды. Если выделяются качественно различные стадии, то существуют и кризисы развития. Полагая данные процессы нормативными (различные периодизации подтверждают наличие общих для большинства семей закономерностей развития), мы рассматривали «медовый месяц» как первый нормативный кризис развития семьи.

Анализ периодизаций развития семьи выявил разные основания для периодизации. Рассмотрим некоторые из них.

По семейному стажу супругов: а) семья молодоженов; б) молодая семья; в) семья, ждущая ребенка; г) семья среднего супружеского возраста; д) семья старшего супружеского возраста; е) пожилые супружеские пары.

Периодизация развития семьи, тоже связанная со стажем семейной жизни супругов, предложенная В.А. Сысенко: совсем молодые браки (от 0 до 4 лет совместной жизни); молодые браки (от 5 до 9 лет); средние браки (от 10 до 19 лет); пожилые браки (более 20 лет совместной жизни) [7].

Существуют периодизации по составу семьи, по типу главенства, руководства семьей, по семейному быту, укладу, по качеству отношений в семье, по особым условиям семейной жизни (студенческие, дистантные), по количеству детей [1]. Так у Дювалль, в качестве основного признака разграничения стадий, используется факт наличия или отсутствия детей в семье и их возраст. Э.К. Васильева выделяет на этом же основании 5 стадий жизненного цикла:

1. Зарождение семьи: с момента заключения брака до рождения первого ребенка.

2. Рождение и воспитание детей: заканчивается с началом трудовой деятельности хотя бы одного ребенка.

3. Окончание выполнения семьей воспитательной функции: с начала трудовой деятельности первого ребенка до момента, когда на попечении родителей не останется ни одного из детей.

4. Дети живут с родителями, и хотя бы один из детей не имеет собственной семьи.

5. Супруги живут одни или с детьми, имеющими собственные семьи.

Периодизацию развития семьи, как малой группы, предлагает определять по совокупности различных отношений, связанных с семьей и их значимости Г. Навайтис [5] и выделяет следующие этапы развития семьи:

1. добрачное общение;

2. брак – принятие супружеских социальных ролей;

3. этап “медового месяца”;

4. этап молодой семьи;

5. зрелая семья, то есть семья, выполняющая все свои функции. Этап заканчивается, когда дети достигают частичной независимости от родительской семьи;

6. семья людей старшего возраста;

Выделение этапов связывают с кризисами, которые переживает семья в связи с возникновением и становлением детско-родительских отношений. Такая классификация была предложена В. Сатир [2], 1) зачатие, беременность и рождение ребенка; 2) начало освоения ребенком человеческой речи; 3) налаживание ребенком отношений с окружающей средой, и т.д.

А.Я. Варга [3] предлагает другой подход к определению стадий развития семьи, где так же описывает возникающие кризисы семьи. Но здесь кризисы связываются с изменениями структуры семьи. Первая стадия – стадия монады. Молодые люди живут самостоятельно, отдельно друг от друга, вырабатывая некий опыт самостоятельной жизни, реализуя правила, усвоенные в родительской

семье, проверяя на практике. Вторая стадия – диады, когда пара начинает встречаться. Далее – первый кризис, когда люди начинают жить вместе и должны договориться о том, по каким правилам это будет происходить. Есть правила, которые можно легко выработать, а есть правила, которые выработать трудно: во-первых, потому что они плохо осознаются, и, во-вторых, потому что они непосредственно «привязаны» к самооценке.

Правила, о которых разговаривать просто, – это внешние правила жизни. Например, кто из членов семьи планирует отдых, кто моет посуду, кто покупает, кто деньги зарабатывает и т. д. Но в семейной жизни есть и такие существенные вещи, по поводу которых договариваться труднее. Часто их очень трудно обсуждать, поскольку часто раздражение, неудовольствие возникает на уровне самочувствия, а не формулируется в словах. Часто эти правила культурно обусловлены. Здесь семейная микросистема сталкивается с макросистемой большого социума, в который включена семья. Культурные ожидания очень много значат для внутренней семейной жизни. Не говоря уже о правилах родительских семей, которые молодые люди приносят в свою собственную семью.

Далее наступает третья стадия жизненного цикла – триада, появляется ребенок. Часто этот период называют кризисным. Меняется структура семьи и межличностные отношения. Часто у людей возникает ощущение, что они стали дальше друг от друга. Надо снова «передоговариваться», потому что должны измениться функции и обязанности супругов.

На любом этапе жизненного цикла случаются обычные трудности, которые в более или менее острой форме переживают все семьи: на первом этапе жизни – конфликты при формировании взаимоотношений с родственниками, сложности взаимного психологического приспособления; жилищные проблемы; далее – задачи воспитания и ухода за ребенком, ведения домашнего хозяйства и т.д. Эти и другие трудности в семейной психологии принято соотносить с семейными кризисами.

Семья, как и любая другая развивающаяся система, в процессе своего развития проходит ряд стадий, переход на каждую новую стадию требует существенных перестроек супружеских отношений, в соответствии с новыми задачами, встающими перед семьей. Мы исходим из того, что этап перехода семьи на новую стадию (в том числе на стадию становления семьи, этап «медового месяца») является кризисным.

Кризис, как переломный период, переход на новую стадию, на новый этап, – фаза жизни, содержащая более или менее значительные изменения, как для самой системы, так и для ее окружения. Заметим, что кризис «медового месяца» чаще всего совпадает с нормативным кризисом развития обоих супругов, поскольку браки в нашем обществе чаще всего совершаются в период перехода к ранней взрослости.

В этом случае кризис понимается как поворотный пункт в развитии, обусловленный постепенным возникновением качественных образований, которые приводят к разрушению прежней социальной ситуации развития и

становлению новой, более соответствующей новым возможностям. Кризисы такого рода – это норма в развитии. Кризис наступает, когда задачи, потребности предыдущего этапа исчерпаны и возникли новые, а психологических средств для их решения еще нет.

У супругов на этапе «медового месяца» (1–2 месяца совместной жизни) возникает огромное количество новых задач, среди них следует отметить принятие изменений в интенсивности чувств, установление психологической и пространственной дистанции с генетическими семьями, приобретение опыта взаимодействия в решении вопросов организации каждодневного быта семьи, создание интимности, первичное согласование семейных ролей, процесс выработки новых ролей, принятия новых обязанностей. В целом, главная задача супругов на этом этапе – адаптация, как целостная система активных и направленных действий индивида, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении.

Несмотря на то, что основная потребность супругов на этапе становления семьи – жить вместе – удовлетворена, возникает необходимость выработать новые отношения и способы взаимодействия, адаптироваться к новой ситуации в различных сферах, то есть те психологические средства, которыми семья на этапе ее становления еще не обладает. Период «медового месяца» является нормативным кризисом развития семьи, здесь присутствуют все его признаки. Во-первых, это переход на радикально новый этап в жизни. Во-вторых, новые потребности и задачи уже сформированы (в частности, это потребность в браке, потребность жить вместе, вести общее хозяйство), а психологические средства для их решения еще не выработаны. Супругам только предстоит распределить отношения и роли, определить правила, выработать способы совместного существования и т.п.

В связи с целью обосновать гипотезу о «медовом месяце» как нормативным кризисом периоде развития семьи, в экспериментальном плане решались следующие задачи: провести исследование особенностей ролевых ожиданий, установок и удовлетворенности браком молодых супругов, находящихся на этапе становления семьи и сравнить эти параметры с результатами в парах, находящихся на первом стабильном этапе развития семьи.

Проверка гипотезы осуществлялась П. Семикашевой под нашим руководством. В исследовании принимало участие 17 молодых семей, находящихся на этапе «медового месяца» и 17 молодых семей, находящихся на стабильном этапе развития, со стажем совместной жизни – около 1,5 лет, не имеющие детей. Возраст супругов от 21 до 26 лет. Все семьи живут отдельно от родителей.

6.6.1. Сравнение выборок по параметру «Удовлетворенность браком»

Сравнение двух выборок (супружеских пар на этапе «медового месяца» и пар, на стабильном этапе развития семьи) проводилось по фактору удовлетворенность

– неудовлетворенность семейными отношениями. Для подтверждения достоверности различий использован статистический критерий χ^2 – угловое преобразование Фишера. Исследование проводилось в два этапа.

1. Исследовалось общее количество супругов удовлетворенных и неудовлетворенных браком в двух выборках. Обнаружено, что

1) неудовлетворенность браком у супругов на стабильном этапе развития семьи встречается чаще, чем у супругов на этапе «медового месяца» (35,3 % против 5,9 %). Различия достоверны на уровне значимости $p \leq 0,01$.

2) удовлетворенность браком у супругов на этапе «медового месяца» значительно выше, чем у супругов на стабильном этапе развития семьи (94,1 % против 64,7 %) Различия достоверны на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Значительно больше количество удовлетворенных браком по сравнению с неудовлетворенными супругами в период «медового месяца» говорит о восторженном эмоциональном состоянии, где имеют место радужные мечты, надежды и планы, часто оторванные от реальности, все кажется легко преодолимым, в том числе и все трудности, которые возникнуть перед молодыми. Это состояние, где главное во взаимоотношениях – быть вместе, а т. к. это достигнуто после свадьбы, то молодожены абсолютно удовлетворены, чувствуя себя счастливыми в браке – задача предыдущего периода решена.

В выборке, где супруги находятся на стабильном этапе развития семьи уже пережит первый кризис, когда необходимо было договариваться о взаимодействии в различных сферах семейной жизни, адаптироваться друг к другу, к новым ролям и т.д. супруги на этом этапе развития семьи гораздо реальнее смотрят на семейную жизнь, на различные ситуации возникающие в браке; они готовы к сложным ситуациям, которые могут возникнуть в процессе взаимодействия супругов, а так же в процессе семейной жизни, т.к. у них уже выработаны психологические средства для решения этих сложных ситуаций, психологические средства, которых еще нет у супругов на этапе становления семьи. Именно поэтому удовлетворенность семейными отношениями на этапе «медового месяца» качественно отличается от удовлетворенности супругов на стабильном этапе развития семьи.

2. Сравнивались три группы семейных пар:

1) оба супруга удовлетворены браком (88 % – «медовый месяц», 47 % – стабильный период);

2) оба неудовлетворены браком (0 % «медовый месяц», 17 %– стабильный период);

3) рассогласования в мнениях – один из супругов не удовлетворен браком (11 % «медовый месяц», 35 %– стабильный период).

В исследуемых парах, выбранных случайным образом, различия достоверны на уровне значимости $p \leq 0,01$.

Субъективная удовлетворенность–неудовлетворенность браком по своей природе скорее является обобщенной эмоцией, генерализованным переживанием, нежели следствием рациональной оценки успешности брака по тем или иным параметрам. Это говорит о том, что на этапе «медового месяца» молодые супруги

еще находятся в состоянии субъективной эмоциональной удовлетворенности супружескими отношениями. В то время как супруги на стабильном этапе развития семьи гораздо более реально смотрят на семейную жизнь, и их представления о супружеских отношениях и удовлетворенности более дифференцированы.

6.6.2. Анализ представлений о брачных отношениях в супружеских парах в период «медового месяца»

Распределение представлений о брачных отношениях в начальный период семейной жизни является неравномерным в семейных парах. Количество несовпадений в ответах супругов выше количества совпадений ($p \leq 0,01$). Единственной ценностью, где молодожены полностью согласованы во мнениях, является ценность – быть вместе. В отношении всех остальных ценностей согласованность относительна либо вообще отсутствует (большинство данных параметров вообще не обсуждались молодыми супругами). При этом молодые супруги все время находятся в состоянии эмоционального восторга, радости от общения друг с другом. В этом очевидное противоречие данного этапа.

Для определения системы отношений складывающихся в развивающейся семье воспользуемся понятием социальная ситуация развития, введенным Л.С. Выготским [6] для обозначения источников развития ребенка. Он полагал, что социальная ситуация – это уникальная система отношений, в которую вступает человек на каждом этапе своего развития и эта система определяет его развитие. В случае развития молодой семьи предыдущая социальная ситуация разрушена, объективно сложилась новая система отношений, но субъективно у супругов еще нет полного принятия этой ситуации, поскольку не выработаны и не согласованы пока правила отношений в семье. Существующее противоречие свидетельствует о кризисе развития, разрешение которого будет связано с адаптацией и принятием этой новой реальности на личностном уровне. Этап «медового месяца» соответствует первой фазе кризиса развития, когда идеальный образ будущего замещает реальность. Представления о собственной семье идеализированы, отношения и события настоящего эмоционально окрашены, будущее кажется безоблачным, при этом структурированность в образе будущего отсутствует, прошлый период не представляет субъективной ценности по сравнению с настоящим.

Рассмотрим подробнее результаты исследования.

Довольно высокая согласованность установок молодых супругов на этапе «медового месяца» наблюдается в *отношении к разводу, в отношении к автономности/зависимости друг от друга, а так же в отношении к детям*. Большинство супругов в своих ответах не допускают возможности развода в будущем, считают, что все свободное время лучше проводить вместе. В представлениях относительно количества детей в семье, тоже отмечены совпадения. Среди исследуемых пар значимо больше ($p \leq 0,01$) оказалось с несогласованными представлениями о следующих сферах отношений: *Досуг –*

ценность сексуальных отношений в семье, финансовая независимости молодых супругов друг от друга и независимость молодых супругов от родителей, откровенное общение друг с другом ценности супругов, отношение к хобби супруга(ги) отношение к спиртному, отношение к профессиональной деятельности супруга(ги), решение семейных пробле.

Значительное количество несовпадений в ответах молодых супругов по вышеперечисленным сферам, а также значимость этих сфер в становлении семейной жизни свидетельствует о несогласованности ожиданий и представлений супругов относительно развития их семьи вообще. Рассогласование в системах ценностей особенно важно отметить, так как это показатель неустойчивости системы, дисбаланса в семейной паре. Для кризиса вообще характерна маргинальность – ценности одной системы утрачены, а ценности новой еще не приняты.

Исходя из критериев нормативного кризиса развития, можно сказать, что у супругов на этапе «медового месяца» уже сформированы потребности для совместной жизни (потребность быть вместе, иметь семью, детей характеризуют задачи следующего стабильного этапа развития), но психологические средства для решения этих задач еще не выработаны, в молодой семье не обговорены общие ценности супругов, совместные установки на взаимодействие в различных сферах семейной жизни.

6.6.3. Сравнение выборок по параметрам «Распределение супружеских ролей» и «Установки семейной пары»

Для того чтобы выяснить, насколько согласованы представления у молодых супругов по следующим параметрам: ролевые ожидания и установки семейной пары, полученные в двух группах (на этапе «медового месяца» и в парах на стабильном этапе развития семьи) данные были подвергнуты специальной процедуре обработки.

По каждой методике для каждой из супружеских пар, был определен коэффициент согласованности, который свидетельствовал о совпадении или расхождении представлений между супругами в различных сферах. Коэффициент согласованности определялся следующим образом: разница между баллами у супругов по каждой сфере была представлена по модулю. Затем результаты по каждой паре суммировались. Далее проводилось сравнение этих суммированных коэффициентов согласованности между супружескими парами, находящимися в периоде «медового месяца» и парами, проживающими стабильный период развития семьи.

Для подтверждения достоверности различий использовался статистический U-критерий Манна-Уитни.

Чем выше коэффициент согласованности, тем менее согласованы семейные пары по конкретным факторам и, соответственно, чем ниже коэффициент согласованности семейной пары, тем более согласованными являются представления супругов в различных жизненных сферах.

Таблица 27

Сравнение согласованности представлений супругов

	Суммированные коэффициенты согласованности супругов по методикам:	
	«Распределение ролей в семье»	«Установки в семейной паре»
«медовый месяц»	91,29	114,5
стабильный этап	31,59	62,25
Значение $U_{эмп}$	12	32,5
Уровень значимости различий по U-критерию Манна-Уитни	$P < 0,01$	$P < 0,01$

Условные обозначения:

$U_{эмп}$ – эмпирическое значение критерия U – Манна-Уитни;

p – уровень значимости различий.

В табл. 27 представлены суммированные коэффициенты согласованности супругов на этапе «медового месяца» и супругов на стабильном этапе развития

семьи по методикам «Распределение ролей в семье» и «Установки семейной пары».

Видно, что суммированные коэффициенты согласованности в выборке 1 по методикам, значительно выше коэффициентов, представленных в выборке 2. Различия достоверны в на уровне значимости $p \leq 0,01$ т. е. согласованность мнений и представлений супругов в различных значимых сферах на стабильном этапе развития семьи значительно выше, чем между супругами на этапе «медового месяца».

Итак, супруги на этапе становления семьи эмоционально удовлетворены браком, однако во многом расходятся между собой в представлениях, ожиданиях, установках на брачные отношения.

Таблица 28

Сравнение согласованности ролевых ожиданий супругов, находящихся на этапе «медового месяца» и супругов, находящихся на стабильном этапе развития семьи

Основные роли в семье	Воспитание детей	Эмоциональный. климат в семье	Материальное обеспечение.	Организация развлечений	Роль «хозяйина», «хозяйки»	Секс. партнер	Семейная субкультура.	Σ
«медовый месяц»	83,25	102,6	95,8	85,3	105,4	86,5	97,6	656,45
стабильный этап	35,1	86,7	89,2	72,4	79,3	41,5	52,1	456,3
$U_{\text{эмп}}$	72	64	99	56	16,5	68,5	64,5	12
Уровень значимости различий по U-критерию Манна-Уитни	$P < 0,01$	$P < 0,05$	-	$P < 0,01$	$P < 0,01$	$P < 0,01$	$P < 0,01$	$P < 0,01$

Условные обозначения:

$U_{\text{эмп}}$ – эмпирическое значение U-критерия Манна-Уитни;

p – уровень значимости различий.

В табл. 28 представлены суммированные коэффициенты согласованности супругов на этапе «медового месяца» и супругов на стабильном этапе развития

семьи, а также эмпирические значения U-критерия Манна-Уитни и уровни значимости различий.

Из табл. 28 видно, что в семьях, находящихся на этапе «медового месяца» не согласованы мнения в отношении распределения ролей в большинстве жизненных сфер, в отличие от семей, находящихся на стабильном этапе развития, где супруги, благодаря большому стажу совместной жизни и разнообразию различных ситуаций, в которых они оказывались вместе за время совместной жизни, уже договорились и пришли к согласию во многих вопросах, касающихся распределения ролей в семье. Исследовалось совпадение мнений супругов относительно распределения ролей в сферах:

- воспитание детей;
- эмоциональный климат в семье;
- организация развлечений;
- роль «хозяина», «хозяйки»;
- сексуальный партнер;
- семейная субкультура.

Основная ценность для супругов, находящихся на этапе «медового месяца» – быть вместе, поэтому многие другие важные семейные вопросы, касающиеся распределения ролей в семье их пока не интересуют. Супруги на данном этапе развития семьи испытывают массу положительных эмоций от общения друг с другом, и поэтому все им кажется достижимым и все трудности легко преодолимыми. Они создали семью, но еще не знают, что для этого нужно, кроме того, чтобы быть вместе.

У супругов, находящихся на стабильном этапе развития семьи, преодолевших этот кризисный период значительно большая договоренность в отношении распределения ролей.

В отношении ролевых ожиданий супругов в сфере материального обеспечения семьи не наблюдается значимых различий между двумя выборками. Это говорит о согласованности мнений супругов в двух выборках в вопросах обеспечения семьи, распределения ролей и обязанности, связанных с зарабатыванием денег. Большинство молодых супругов на момент заключения брака уже имеют работу и в состоянии обеспечивать семью, поэтому большинство супружеских пар обговаривают вопрос о том, кто будет материально обеспечивать семью еще до брака.

Таблица 29

Сравнение коэффициентов согласованности установок семейных пар, находящихся на этапе «медового месяца» и супругов, находящихся на стабильном этапе развития семьи

Значимые сферы	Отношение к людям	Долг и удовольствие	Отношение к детям	Автономность/зависимость супругов	Отношение к разводу	Отношение к романтической любви	Значимость сексуальной сферы в семейной жизни	Отношение к «запретности секса»	Патриархальный / эгалитарный уклад семьи	Отношение к деньгам	Σ
«медовый месяц»	86,3	95,6	93,8	98,7	85,4	83,5	97,6	103	99,2	100,1	943,2
Стабильный этап	58,2	83,8	89,7	62,4	79,3	51,5	86,1	74,6	83,5	89,0	758,1
$U_{\text{эмп}}$	72	84	98,5	56,5	135	28	134	23,5	87,5	82,5	32,5
Уровень значимости различий по U-критерию Манна-Уитни	$P < 0,01$	$P < 0,05$	-	$P < 0,01$	-	$P < 0,01$	-	$P < 0,01$	$P < 0,05$	$P < 0,05$	$P < 0,01$

Условные обозначения: $U_{\text{эмп}}$ – эмпирическое значение критерия; U – Манна-Уитни; p – уровень значимости различий.

В табл. 29. представлены суммированные коэффициенты согласованности супругов на этапе «медового месяца» и супругов на стабильном этапе развития семьи, а также эмпирические значения U-критерия Манна-Уитни и уровни значимости различий.

Из табл. 29 видно, что наблюдаются значимые различия в согласованности установок семейных пар, находящихся на этапе «медового месяца» и стабильном этапе развития семьи. Различия наблюдаются в следующих сферах семейной жизни:

- отношение к людям;
- чувство долга и удовольствие;
- автономность/зависимость супругов;
- отношение к романтической любви;
- отношение к «запретности секса»;
- патриархальный/эгалитарный уклад семьи;
- отношение к деньгам.

Это говорит о том, что супруги на этапе становления семьи не имеют согласованных представлений во многих значимых сферах в жизни, в отличие от супругов, находящихся на стабильном этапе развития семьи, где супруги имеют гораздо более согласованные представления в различных значимых жизненных сферах.

В установках в отношении к детям, к разводу, а так же значение сексуальной сферы в семейной жизни значимых различий между двумя выборками нет.

Сфера *отношение к детям* предполагала рассмотрение установки супругов в отношении значения детей в жизни человека. Большинство супругов, как на этапе становления семьи, так и на стабильном этапе развития семьи согласованы во мнениях и, считают, что дети имеют большое значение в их жизни.

Нет значимых различий в согласованности установок супругов двух выборок в *отношении к разводу*. Большинство супругов в двух выборках не допускают возможности разойтись.

Согласованность установок семейных пар в двух выборках: выборке семей находящихся на этапе медового месяца, и в выборке семей, проживающих стабильный этап развития не имеет значимых различий в вопросах значения сексуальной сферы в семейной жизни.

Выявлены значимые различия в согласованности установок семейных пар, находящихся на этапе «медового месяца» и стабильном этапе развития семьи в следующих сферах семейной жизни: отношение к людям; чувство долга и удовольствие; автономность/зависимость супругов; отношение к романтической любви; отношение к «запретности секса»; патриархальный/эгалитарный уклад семьи; отношение к деньгам.

Выводы. Удовлетворенность семейными отношениями у супругов находящихся на этапе «медового месяца» значительно превышает

удовлетворенность в супружеских парах следующего стабильного периода. Супружеские пары со стажем около года отношения описывают более дифференцировано, в то время как молодожены пребывают в состоянии эйфории.

Молодожены не имеют согласованных представлений о распределении ролей в воспитании детей; в установлении эмоционального климата в семье; в организации развлечений; ими оспариваются роли «хозяина» и «хозяйки». Не согласованы установки семьи в значимых сферах: отношения к людям; чувство долга и удовольствие; автономность/зависимость супругов; отношение к романтической любви; отношение к «запретности секса»; патриархальный/эгалитарный уклад семьи; отношение к деньгам.

Несовпадение установок в отношении семейной жизни у молодоженов наблюдается в следующих сферах: досуг, сексуальные отношения, финансовая независимость друг от друга и от родителей, общение друг с другом, ценности супругов, отношение к хобби супруга(ги), отношение к спиртному, отношение к профессиональной деятельности супруга(ги), решение семейных проблем.

Совпадение установок у молодоженов наблюдается в отношении к разводу (неприятие его), в отношении к автономности/зависимости супругов друг от друга (предпочитают зависимость), а так же в отношении к детям.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что начальный период становления семьи (период «медового месяца») соответствует критериям первой фазы нормативного кризиса развития. В общем виде сформированы потребности развития семьи – потребность быть вместе, создать семью и иметь детей, но еще не сформированы психологические средства для этого.

6.7. Особенности проявления показателей креативности в фазах нормативных кризисов взрослости

В ходе исследования системы ценностей в кризисе перехода к средней взрослости (п. 7.1.) были выявлены противоречия между высокой значимостью и сниженным креативным потенциалом личности у людей, проживающих острую фазу нормативного кризиса. Это позволило предположить, что креативность, в целом, относительно постоянный личностный конструкт, имеет определенную динамику в период кризиса – независимо от индивидуальной структуры креативности, уровень ее снижается в острой фазе кризиса. В связи с этим следующей задачей исследования стало сравнение особенностей креативности с разными статусами эго-идентичности, соответствующими трем фазам нормативного кризиса.

Гипотезу о связи креативности и особенностей эго-идентичности в кризисе подкрепляют данные о связях показателей разнообразных тестов креативности с особенностями личностной эго-идентичности, которые были получены в исследованиях С. Доллингер, С. Клэнси Доллингер и Л. Сентенто (2005). Им удалось обнаружить значимые положительные корреляции показателей состоявшейся идентичности (приняты обязательства и отсутствует поиск – по

нашей классификации такое состояние идентичности соответствует статусу моратория) с показателями теста персональной креативности (CPS), а также с личностной и социальной идентичностью. Напротив, диффузный стиль идентичности оказался достоверно отрицательно связан с тестом поведенческой креативности (Story; CBI) и также достоверно отрицательно – со статусом моратория идентичности. Нормативный стиль, который М.Д. Берзонски связывает с predetermined статусом идентичности отрицательно коррелирует со всеми тестами креативности (Story; Drawing; Dossier; CPS), но положительно – со статусом моратория и коллективной идентичностью. Информационный стиль идентичности соответствующий статусу достигнутой идентичности, статистически достоверно положительно коррелирует с личностной и коллективной идентичностью, отрицательно – с диффузным стилем и положительно – с тестами креативности (CBI; CPS) [1].

Все это позволило предположить, что подобные связи можно обнаружить и в процессе нормативного кризиса. Для исследования фазовой динамики проявления креативности в нормативном кризисе была использована Проективная Методика Диагностики Дивергентного Мышления (ПМДДМ), разработанная Н.А. Батуриным и Е.Л. Солдатовой [2].

Данный тест разрабатывался для диагностики особенностей структуры креативности (вербальной, невербальной, поведенческой и исследовательской), далее, в процессе работы над тестом были выявлены связи между различными особенностями креативности, диагностируемыми данной методикой с личностными особенностями.

ПМДДМ является авторской модификацией тестовой батареи Д. Гилфорда. Для оценки результатов используются три основных критерия и один дополнительный. Каждый адекватный ответ оценивается по трем параметрам (структурным критериям креативности): беглость, гибкость, продуктивность. За каждый параметр присваивается от 0 до 2 баллов. В качестве дополнительного критерия используется балл за оригинальность. В зависимости от сочетания результатов по каждому основному компоненту, удалось выделить четыре типа креативности [Солдатова, Солдатова и Батурин]. Для удобства этим типам были присвоены условные названия (использовались результаты 950 респондентов подросткового и юношеского возраста (от 12 до 22 лет) и 380 взрослых респондентов (от 23 до 48 лет).

«Созидатели» имеют **высокие баллы по беглости, гибкости, продуктивности** и отличаются высокой скоростью мыслительных операций, способны порождать большое количество идей, которые могут относиться как к одной, так и к разным сферам и областям. Большинство их идей являются интересными и креативными.

«Аналитики» (**высокие баллы по гибкости и продуктивности**) способны выдвигать разнообразные, разноплановые идеи при решении любой нестандартной (творческой) задачи, ориентируясь на богатый опыт (обширную область знаний), умение связать несопоставимые на первый взгляд явления, найти нестандартные варианты применения, пренебрегая обычными, уже известными

способами использования различных объектов. Большинство предложенных ответов являются созидательными, конструктивными с точки зрения здравого смысла, эти люди проводят большую творческую работу по отбрасыванию неоригинальных, неинтересных идей, оставляя только интересные и необычные.

«Консерваторы» (*все показатели на уровне низких*) характеризуются тем, что продуцируют небольшое количество идей, которые лежат в одной двух сферах и по своему содержанию относятся к стандартным и общепринятым идеям.

«Фантазеры» (*характеризуются высокими баллами по гибкости и, возможно, беглости в сочетании с низкими значениями по продуктивности*) они способны выдвигать разнообразные, разноплановые идеи при решении любой нестандартной, в том числе и творческой задачи. Они легко связывают несопоставимые на первый взгляд явления, сочетают, казалось бы несочетаемые признаки. Невысокая продуктивность свидетельствует о том, что они не всегда соотносят свои идеи, замыслы с реальным запросом окружения, главное для них придумать разнообразные, разные идеи.

Исследование личностных особенностей у представителей выделенных по структуре креативности групп [Солдатова] выявили следующие интересные закономерности. Ниже приведены характеристики усредненных профилей, построенных по показателям СРІ [Батулин, Курганский] в четырех указанных группах.

У представителей I группы – «созидателей» высоко развиты социальные особенности (навыки межперсонального взаимодействия). Хорошо выражена мотивация к интеллектуальным и академическим достижениям. На уровне средних значений находятся показатели сформированности внутриличностных качеств, зрелости, ответственности и внутренней структуры ценностей, уровня принятия и овладения социальными ролями. Представителей данной группы можно охарактеризовать как относительно нетерпеливых, непостоянных, обладающих богатым воображением и сложной натурой (низкие значения S_m). Им присущи проницательность, предприимчивость, стремление добиться намеченной цели, уверенность в себе, своих силах и знаниях, непокорность, настойчивость и эгоистичность. Такие люди обладают чувством юмора, иногда могут позволить себе быть циничными, делать саркастические замечания окружающим, сосредоточившись на собственной значимости, ориентируясь на свои удовольствия (F_x – высокие). В области мотивации достижения можно выделить наличие таких черт, как зрелость, воля, независимость, выносливость, требовательность к себе и другим, предусмотрительность, довольно высокий интеллектуальный потенциал. Больших успехов такие личности способны достигать в тех видах деятельности, в которых требуется проявить самостоятельность, оригинальность, адекватность, независимость мышления и поступков (A_i – высокие). В сфере межперсонального взаимодействия следует выделить следующие характеристики. «Созидателям» присуще чувство собственного достоинства, самопринятие, самостоятельность в действиях, проявление интеллигентности, искренности, остроумия в общении. Они могут проявлять честолюбие, способны легко и убедительно говорить, держатся

самоуверенно, самонадеянно, выглядят энергичными, предприимчивыми, бдительными, спонтанными, с хорошими манерами, неформальными, экспрессивными, с кипучей энергией, разговорчивыми собеседниками (Sa, Wb, Sp – высокие).

Усредненный профиль представителей II группы – «аналитиков» позволяет характеризовать их как предприимчивых, неформальных, уверенных в себе, обладающих чувством юмора, отличающихся очень высокой степенью гибкости и адаптабельности мышления и поведения в обществе (очень высокие показатели по фактору Fx). Внутренняя нетерпеливость и богатое воображение, некоторая конфликтность и неорганизованность (низкие Cm), сглаживаются высокоразвитыми навыками самоконтроля, саморегуляции и адекватностью восприятия ситуации, а также высокой степенью социализации (им присущи правильность, честность, социальная зрелость, искренность, готовность к самоограничению и приспособлению к обстановке) (об этом свидетельствуют высокие показатели по факторам Sc и So). В сфере мотивации достижений можно отметить независимость, уверенность, предусмотрительность, зрелость, высокие интеллектуальные данные, рассудительность, автономность. Они способны достичь цели в любой среде и окружении, где требуется проявить автономию и независимость суждений. Представителей данной группы можно характеризовать как людей, которые не разбрасываются по пустякам, не ищут множества разнообразных решений, хотя имеют богатое воображение. Очевидно, они проигрывают всевозможные решения в уме и, выбрав наиболее адекватные и уместные в данной ситуации, реализуют только реально значимые идеи (высокие показатели Ai в сочетании с So, Sc и Ie).

Уже при первом прочтении описаний групповых профилей, составленных по личностным профилям, складывается впечатление, что представители первой и второй групп являются более зрелыми личностно, активными, имеют явно выраженную мотивацию достижений и, вообще, являются более успешными, поскольку перечисленные характеристики способствуют этому. Однако если представителей первой группы отличает активность и зрелость в межперсональной сфере, т. е. высокое развитие социальных черт личности, то для представителей второй группы, характерной является внутренняя (характерологическая) зрелость, т. е. более высокий уровень развития внутриличностных качеств.

Представителей III группы «фантазеров» можно охарактеризовать как неформальных, с высокой степенью гибкости и адаптабельности мышления (очень высокие показатели по фактору Fx). Внутренняя нетерпеливость и богатое воображение, большой круг интересов (фактор Sa) сочетаются у них с конфликтностью и неорганизованностью (низкие Cm). Они менее адекватны по отношению к себе, склонны к самопорицанию и чувству вины.

Представителей IV группы «консерваторов» отличают общие низкие показатели по I классу качеств (социальные навыки), характеризующие их как стереотипно мыслящих, скучных в своей традиционности, ограниченных во взглядах, неловких в новых, непривычных условиях. Такие люди, в принципе,

способны выдвигать идеи, но все они будут стереотипными, не отличающимися разнообразием и проработанностью. Сочетание низких показателей I-го класса с высоким результатом по Fx демонстрирует, скорее не гибкость и проницательность мышления, а неплохую адаптивность поведения. Представители этой группы более других способны проявлять циничность и непокорность, напористость в достижении целей, которые способны доставить им удовольствие; сконцентрированы на собственных потребностях, отличаются поверхностным идеализмом. В то же время способны демонстрировать искренность, ответственность, твердость, сознательность в ситуациях, когда необходимо показать свою социальную зрелость (So – высокие). Представителям данной группы свойственны такие качества как нетерпимость, непостоянство, неорганизованность, беспокойство и путанность, возможно плаксивость, невнимательность. Они демонстрируют трудности характера, имеющего внутренние конфликты и проблемы (очень низкие значения Cm). Дополняют описанный усредненный образ низкие показатели по шкалам Ie, Wb и To, которые характеризуют личность как защищающуюся, обладающую конвенциональным и стереотипным мышлением, а также недостатком самоуправления. Людям подобного склада могут быть присущи в большей степени, чем другим, подозрительность, недоверчивость, скрытность, склонность судить о других, сомнения в личных и социальных перспективах. Низкие показатели по данному фактору Wb свидетельствуют об отсутствии чувства благополучия, преувеличенном внимании к своим беспокойствам и сомнениям, а также к возможному проявлению защитной реакции.

Полученное в ходе этого исследования соотношение распределения групп с разными типами креативности и гипотеза относительно изменений в уровне различных показателей креативности в период кризиса позволили провести сравнение соотношений типов креативности в разных фазах кризиса.

Результаты, представленные в таблице свидетельствуют о том, что в разных фазах кризиса и в общей выборке распределение представителей различных типов креативности не равномерно. Так же не равномерно представлены в разных фазах кризиса по сравнению с общей выборкой типы креативности.

Так, нормальное для выделенных типов распределение, полученное на выборке 1320 чел (от 12 до 48 лет) представлено в следующем соотношении: «консерваторов» и «созидателей» – 23 и 18 % соответственно. Это самые большие группы в выборке. Очевидно, это связано с тем, что в принципе, структура в обеих группах однородна, разница лишь в уровне критериев креативности: ниже средних все показатели у «консерваторов», выше – у «созидателей». «Аналитики» и «фантазеры», имеющие неоднородную структуру, отличающиеся наиболее высоким показателем продуктивности или гибкости, напротив, немногочисленны (соответственно: 5.5 и 6 %).

Сравнение распределений выделенных по структуре креативности типов в разных фазах нормативных кризисов (χ^2)

Структура /тип креативности	Общее распределение, % (N=1320)	I фаза Ф (N=61), %	II фаза С (N=62), %	III фаза А (N=64), %	P
БГП, БгП / «созидатели»	18.0	43.0	5.9	28.8	0.01
бгП, бГП / «аналитики»	5.5	–	–	3.2	–
бгп, Бгп / «консерваторы»	23.0	25.0	29.9	16.0	0.05
бГп, БГп / «фантазеры»	6.0	–	17.6	1.6	0.001
χ^2					
P	.01	.01	.19	.01	

Условные обозначения: респонденты со статусом эго-идентичности: Ф – предрешенным (фиксированным), С – диффузным, А – достигнутым (автономным).

P – уровень значимости

Распределение выделенных типов в первой фазе кризиса отличается отсутствием «аналитиков» и «фантазеров» и значимо более высоким по сравнению с нормальным, процентом «созидателей». Во второй фазе происходит резкое снижение процента «созидателей», некоторое увеличение «консерваторов» и появление достаточно большой группы «фантазеров». В третьей фазе кризиса распределение более всего приближено к нормальному, хотя несколько выше количество «созидателей» и ниже – «фантазеров».

Полученные результаты и основания выделения данных типов креативности позволяют проанализировать изменения в кризисе показателей креативности и их сочетаний, образующих относительно устойчивые структуры. Структуры креативности, где все показатели одинаково высокие или одинаково низкие наиболее характерны для дебюта кризиса, которой соответствует предрешенный или фиксированный статус эго-идентичности. Такая эго-идентичность характеризуется, по-видимому, либо высокой креативностью: большим количеством разнообразных и разработанных идей, стремлением их реализовать, либо очень низкой креативностью, выражающейся весьма небольшим количеством тривиальных идей. Особенности личности, характерные для данных типов креативности позволяют говорить о том, что эта фаза кризиса связана либо с ярко выраженными социальными проявлениями, навыками межперсонального взаимодействия, выраженной мотивацией к интеллектуальным и академическим достижениям, либо, напротив, стереотипами, традиционностью, поверхностным

идеализмом, ограничениями во взглядах, неловкостью в новых, непривычных условиях, но неплохой адаптированностью, напористостью, непокорностью, концентрацией на достижение целей, потребностей. Это подтверждает полученные в предыдущих параграфах данные относительно преобладания в кризисах ранней зрелости предрешенной эго-идентичности, а в кризисах средней зрелости и зрелости стремления «законсервировать» изменения, не поддаваться времени. Возможно, это и проявление индивидуального стиля проживания кризисов.

Резкое снижение всех показателей креативности (низкое количество «созидателей и увеличение «консерваторов»), а также одностороннее повышение гибкости при низкой продуктивности во второй фазе кризиса свидетельствуют об особом статусе этой фазы. Диффузная эго-идентичность, соответствующая ей и качества личности, связанные с данными структурами креативности подтверждают низкий креативный потенциал, сомнения в себе, собственных целях, уход в фантазии, неуверенность, подозрительность, ощущение собственного неблагополучия, несостоятельности в собственно критической фазе нормативных кризисов.

Приближение к нормальному распределению выделенных структур креативности (показательно, что здесь появляется группа «аналитиков», отсутствующая в первых двух фазах, и резко уменьшается группа «фантазеров»). Качества, связанные с проявлениями данных типов креативности, дополняют картину личности с достигнутой эго-идентичностью: высокая гибкость, и адаптабельность, самоконтроль, саморегуляция, адекватность восприятия, высокая социализация, искренность и социальная зрелость.

Корреляционный анализ показателей методик ПМДДМ и СЭИ-теста в целом подтвердил выявленные закономерности.

Таблица 31

Коэффициенты корреляции показателей методики ПМДДМ и СЭИ-теста

		А	С	Ф
ПМДДМ	Беглость	.314***	-.287**	.050
	Гибкость	.307***	-.255**	-.091
	Продуктивность	.361***	-.303***	.102
	Общий балл	.347***	-.299***	-.087

Условные обозначения: показатели статуса эго-идентичности: А – достигнутой, С – диффузной, Ф – предрешенной;

ПМДДМ – показатели Проективной методики диагностики дивергентного мышления;

Уровень значимости * $P \leq 0.05$; ** $P \leq 0.01$; *** $P \leq 0.001$.

Из табл. 31 видно, что показатель автономии (А), соответствующий статусу достигнутой эго-идентичности статистически значимо коррелирует со всеми показателями методики ПМДДМ, исследующей особенности креативности: беглостью, гибкостью и продуктивностью, а также с общим баллом по методике. Показатель сомнения (С), характерный для диффузной идентичности статистически достоверно отрицательно коррелирует со всеми показателями методики креативности ПМДДМ. В отношении показателя фиксации (Ф) – предрешенной эго-идентичности и показателей креативности достоверных связей не выявлено.

Это значит, что высоким значениям автономии в структуре эго-идентичности, которая характерна для фазы выхода из кризиса, соответствуют высокие значения по всем показателям ПМДДМ. Напротив, высоким значениям диффузии эго-идентичности соответствуют низкие значения креативности по всем показателям: гибкости, беглости и продуктивности.

7.3. Проблема психологического сопровождения в периоды нормативных кризисов взрослости

Концептуальные подходы к организации и содержанию психологического сопровождения нормативных кризисов взрослости должны основываться на выявленных особенностях динамики и структуры данных кризисов. Теоретический и эмпирический материал позволяет обратиться к основным подходам в процессе психологического сопровождения в период нормативных кризисов взрослости.

Методологические основы психологического сопровождения в психологическом кризисе можно определить как «интегративный» и «трансмодальный» (так определяют свою концепцию психотерапевтической помощи специалисты Института психотерапии и консультирования «Гармония» и на чью позицию мы разделяем), основанный на экзистенциальном, гуманистическом, психоаналитическом и гештальт-подходах [162]. Это позволяет использовать различные приемы и способы в работе с индивидуальным опытом клиента, его состоянием, личностными особенностями и, в то же время, определить основные принципы работы в процессе сопровождения.

Процесс сопровождения в нормативном кризисе – особый процесс, который имеет общие черты как с процессом психотерапии или консультирования по поводу личностных проблем, так и с процессом кризисной интервенции. Если в кризисной интервенции основное внимание уделяется не работе с личностью, а актуальной ситуации, проблеме, то в процессе сопровождения по поводу проживания нормативного кризиса работа направлена на рефлекссию личностных изменений.

Основные принципы психологического сопровождения в нормативном кризисе развития.

Общие (принятые в консультативной практике): доверие ресурсам клиента; эмпатия; принятие; безоценочность; конгруэнтность.

Частные (основанные на динамике и содержании нормативных кризисов взрослости).

Принцип единства уникальности и универсальности опыта проживания нормативных кризисов взрослости. Здесь мы исходим из того, что кризисы развития во взрослости являются нормативным явлением, динамика их обусловлена некоторыми общими закономерностями (три последовательных фазы), вместе с тем, опыт индивидуального проживания каждого нормативного кризиса всегда уникален (переживания, уникальная система отношений в структуре социальной ситуации развития, особенности жизненного пути и пр.).

Принцип доверия собственным ресурсам клиента (принцип опоры). Доверие ресурсам предполагает признание того, что в кризисе развития личность опирается на собственный опыт, в том числе, проживания более ранних кризисов, способность к осознанию опыта, к рефлексии состояний, переживаний, отношений, навыкам целеполагания, творческому потенциалу. Роль психолога в сопровождении заключается в том, чтобы помочь клиенту встретиться с собственным ресурсом.

Принцип своевременности. Каждая фаза кризиса имеет свои ресурсы и свои ограничения. В силу этого работа должна строиться с учетом соответствующего состояния эго-идентичности клиента.

Если в первой фазе кризиса человек редко обращается к психологу, полагаясь на собственные силы, это не значит, что не востребована работа по сопровождению нормативного кризиса, но также и не значит, что надо внушать клиенту, что его ожидает обострение конфликта, сильные переживания, сомнения в себе и пр. Сглаживанию негативных явлений кризисов развития в реальной культуре способствуют, как известно, специально организованные ритуалы, цель которых в игровой форме «прорепетировать», встретиться с новым образом будущего, себя в нем, закрепить полученный опыт с помощью специальных средств. Подобное психологическое пространство можно организовать с помощью специальных психологических методов.

Работа психолога в собственно критической фазе направлена на принятие клиентом собственных переживаний и строится на поиске внутренних ресурсов.

Стадия выхода из кризиса таит «опасность» или искушение для клиента адаптивного выхода из кризиса, – когда изменения не присвоены, личность не интегрировала новые качества, а эго-идентичность объединяет автономность и предрешенность. Ограничение такого выхода связано с фиксацией на новом образе Я, на отдельных сторонах своей идентичности.

Принцип перевода ограничений в ресурсы. Знание особенностей динамики кризиса и ограничений, связанных с фазовой динамикой, позволяет переориентировать эти негативные особенности в конструктивные.

Ресурсы и ограничения, содержащиеся в фазах нормативного кризиса

	ограничения	ресурсы
I фаза	Нежелание жить сегодняшним днем. Стремление к неясному, неструктурированному будущему. Нежелание перемен, противостояние изменениям	Надежда на будущее позволяет обратиться к конкретным событиям, планированию собственного будущего. Фиксация на прошлом может быть обращена через внутреннее ощущение молодости к субъективации активной жизненной позиции
II фаза	Отрицание настоящего, дезактуализация «сегодняшнего дня», эмоциональное, бессодержательное обращение к прошлому или мечта о будущем	Осознание, переживание, рефлексия, название собственного состояния (принятие своих чувств – шаг к выходу из кризиса). Возможность соединить прошлое и будущее через обращение и рефлексия опыта переживаний кризисов в прошлом, осознание необходимости и роли каждой фазы кризиса и построение образа собственного будущего
III фаза	Достижение «адаптированного» статус эго-идентичности вместо «автономного»	Осознание и присвоение собственных ресурсов, работа с ограничениями. Принятие субличностей, обращение к целостности и интегрированности эго

Все эти принципы реализуемы в процессе индивидуальной консультативной длительной работы с клиентом, переживающим кризис. Как правило, такая работа осуществляется в течение нескольких сессий, иногда процесс сопровождения занимает достаточно длительное время (от нескольких месяцев до года).

Опыт показывает, что не всегда у человека есть возможность участвовать в таком процессе в силу разных причин (ограничение времени, средств, удаленность психологических центров и пр.). В связи с этим мы разработали два варианта экспресс-помощи в ситуации нормативного кризиса.

На основе выделенных принципов были разработаны: 1) процедура структурированного интервью и 2) семинар-тренинг «Нормативные кризисы развития». Использование этих процедур по отдельности или вместе позволяют помочь клиенту осознать, в какой точке своего жизненного пути он находится, встретиться со своими ресурсами, определить пути дальнейшего развития.

Опыт применения этих процедур свидетельствует о их результативности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходными для исследования нормативных кризисов взрослости явились представления: о непрерывности психического развития на протяжении всего онтогенеза; о стадийности развития, т. е. членении онтогенеза на отдельные этапы (возрастные стадии); о существовании общевозрастных закономерностей развития во взрослых возрастах. Выделение возрастных стадий во взрослом периоде онтогенеза позволяет определить качественные различия на разных этапах взрослости.

Суть нормативного кризиса состоит в преобразовании социальной ситуации развития. Объективный ее аспект связан с социокультурными ожиданиями как нормативными критериями возраста, которые вырабатываются в культуре не только для детских возрастов, но и для взрослого периода развития. Следовательно, переход из одного взрослого возраста в другой сопряжен с объективными изменениями социальной ситуации развития. Субъективная составляющая социальной ситуации развития связана с изменениями в системе ценностей, жизненных целей, удовлетворенности жизнью, переживаниями, которые непременно влекут за собой изменения в системе социально-возрастных отношений взрослого человека. Наряду с изменениями объективной и субъективной сторон социальная ситуация развития в период взрослости включает и рефлексивную. Рефлексия личностью изменений, происходящих с ней в результате преобразований социальных отношений, связана с процессом самоотождествления или эго-идентичности.

Основные задачи развития в ранней взрослости (молодости) связаны с профессиональным становлением и созданием семьи. Однако от мужчин общество ожидает большей включенности в профессиональную сферу и общей активности по созиданию нового, от женщины ожидается направленность на создание семьи и рождение детей и, вместе с тем, на активное профессиональное обучение и развитие. Основные задачи среднего возраста связаны с интенсивной работой, направленностью на поиск новых идей, целеустремленностью. Гендерные различия в ожиданиях общества связаны с большей ответственностью женщин за воспитание детей. Основные задачи зрелости связаны с присвоением опыта и стремлением к стабильности, надежности и уверенности в себе.

Представления людей о возрастных нормах и задачах детерминируются культурой. Образ возраста как специфический набор признаков и ценностей поддерживается носителями определенной возрастной субкультуры и транслируется как идеал или стереотип представителям других возрастов. Удалось выявить наиболее общие основания категоризации критериев взрослых возрастов. Этими критериями являются: 1) активность, новаторство и 2) мудрость, опыт.

Новообразованием нормативных кризисов взрослости является достижение эго-идентичности, т. е. тождественности себе измененному в результате интериоризации новообразований возраста. Возрастные задачи следующего этапа

актуализируют в нормативном кризисе определенные свойства личности, которые составляют возрастные новообразования. Возрастные новообразования отражаются в структуре эго-идентичности как новообразованиями нормативного кризиса.

Возрастные задачи молодости или ранней взрослости связывают с профессионализацией, созданием семьи, разотождествлением с родительской семьей, вхождением в социум и культуру, становлением мировоззрения, духовности и отношения к себе. *Новообразованием кризиса перехода к взрослости* является принятие своих чувств и доверие своим эмоциональным проявлениям – **достижение эмоциональной зрелости**.

Период молодости является центральным в логике развития эго-идентичности и *завершается кризисом тридцати лет*, который связан с принятием себя настоящего, осознанием ценности «быть собой», собственным выбором личностью направлений саморазвития. *Новообразованием* этого кризиса является **осознанная система ценностей и сформированная индивидуальная структура эго-идентичности**.

Возрастные задачи этапа средней взрослости связывают с укреплением достижений в профессии, в супружеских и родительских отношениях, в гражданской и духовной позиции. На второй период взрослости приходятся существенные изменения в структуре и уровне идентичности. Кризис середины жизни или сорока лет связан с обращением к себе, с осознанием системы основных жизненных ценностей, с переопределением новых целей. Путь в будущее лежит через обновление задач, принятие и понимание себя и своего возрастного статуса. *Новообразованием кризиса сорока лет* является **самодостаточность** или **сила эго**, определяющая независимость, самодостаточность личности в реализации жизненных целей, собственной линии жизни, в сфере отношений, социальных и профессиональных контактов, доверие ресурсам личности.

Содержание кризиса перехода к ранней взрослости во многом определяется особенностями объективной структуры социальной ситуации развития. Наиболее благоприятные условия для самоактуализации личности создает социальная ситуация, в структуре которой основным фактором является профессиональное обучение благодаря расширению временных границ для самоопределения и специальным условиям для развития в соответствии с возрастными задачами. Ценности семейной сферы и профессиональной жизни являются ведущими в группах с разной структурой социальной ситуации. Это подтверждает, что задачи профессионализации и создания собственной семьи являются общевозрастными задачами данного периода развития.

В дебюте нормативного кризиса перехода к ранней взрослости доминирующие ценности (семья и профессия) находятся в зоне внутреннего конфликта, т.е. желанны, но не достижимы и не реализованы. Этой фазе кризиса соответствуют респонденты средних курсов вузов.

В собственно критической фазе нормативного кризиса перехода к ранней взрослости (в ситуации обучения в вузе вторая фаза кризиса приходится на

старшие курсы) разброс ценностей, свидетельствует об активном поиске собственных приоритетов и жизненных целей и о наличии внутреннего конфликта и мотивации к обретению собственной идентичности. Декларируемое отсутствие внутренних конфликтов и вакуумов в области осознаваемых приоритетных ценностей может свидетельствовать об отрицании их субъективной значимости, что, как правило, свидетельствует о глубоком конфликте, тем более, что доминирующие ценности предъявляются респондентами как уже реализованные.

Фаза выхода из кризиса сопровождается сформированной, согласованной, выработанной в собственной семье системой ценностей и содержит в виде приоритетных целей основные задачи следующего стабильного периода (профессионализация и создание собственной семьи; освоение и принятие связанных с этим новых социальных ролей).

До наступления кризиса перехода к взрослости существует психологическая зависимость от родительской семьи, которая проявляется в совпадении ценностей личности с ценностями родительской семьи. В процессе кризиса происходит отделение от ценностей родительской семьи. А в посткритической фазе у людей должны сформироваться собственные ценности, не обязательно отличные от ценностей родительской семьи, но осознанные и принятые. Лишь сформированная система собственных ценностей может быть соотнесена со стабильным периодом развития - ранней взрослостью (молодостью).

Статусу достигнутой идентичности соответствует восприятие жизни в целом как более насыщенной и продуктивной. Эмоциональная картина прошлого субъективно воспринимается достаточно благополучным насыщенным и продуктивным периодом в жизни. При этом люди с достигнутой идентичностью не идеализируют свое прошлое, а относятся к нему реалистично. Представления о событиях прошлого разнообразны, что может говорить о большей осознанности, реалистичности и принятии своего прошлого. Настоящее более развернуто. Несмотря на разнообразные оценки событий настоящего, что свидетельствует об осознанности и реалистичности восприятия настоящего, этот период является ценным и самодостаточным этапом жизненного пути. Подобное отношение можно назвать «онтологизацией» настоящего. Статусу достигнутой идентичности соответствует в целом оптимистичное восприятие будущего.

Диффузную идентичность характеризует своеобразное «обеднение» жизни в целом, и, в частности, сокращение общего количества событий в прошлом. В эмоциональной оценке событий прошлого у людей с диффузной идентичностью наблюдается некоторая отстраненность и негативизм, а также субъективное уменьшение значимости позитивных событий собственного прошлого. Настоящее воспринимается более негативно, и можно говорить о дезактуализации настоящего. Кроме того, характерно состояние тревожности и озабоченности будущим, иногда подкрепленное надеждами на лучшее.

Статусу предрешенной идентичности соответствует стремление к избеганию негативных воспоминаний о событиях прошлого, тенденция идеализации настоящего и в целом позитивный взгляд в будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология/ Г.С. Абрамова. – М.: Академ. Проект, 2001. – 704 с.
2. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни/ К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Жизненные перспективы личности/ К.А. Абульханова-Славская // Психология личности и образ жизни/ под ред. Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1987. – 219 с.
4. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни/ К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
5. Абульханова-Славская, К.А. Типология активности личности/ К.А. Абульханова-Славская // Психологический журнал. – 1985. – Т. 6. – № 5. – С. 6–18.
6. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии/ А. Адлер. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.
7. Александрова, М.Д. Социально-психологическая геронтология/ М.Д. Александрова. – Л.: Из-во Ленинградского университета, 1974. – 135 с.
8. Алешина, Ю.Е. Цикл развития семьи: Исследования и проблемы/ Ю.Е. Алешина // Вестник Московского Университета. Серия 14. «Психология». – 1987. – № 2. – С. 60–72.
9. Амбрумова, А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика/ А.Г. Амбрумова // Психологический журнал. – 1985. – Т. 6. – № 6. – С. 107 – 115.
10. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т./ Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – Т.1. – 232 с.: ил.
11. Ананьев, Б.Г. Некоторые проблемы психологии взрослых/ Б.Г. Ананьев // Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – С. 298 – 329.
12. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
13. Ананьев, Б.Г. О системе возрастной психологии/ Б.Г. Ананьев // Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – С. 12–23.
14. Антонова, Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии/ Н.В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – №1. – С. 131–143.
15. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита/ Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 3–18.
16. Анцыферова, Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности/ Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1981. – Т.2. – № 2. – С. 8–19.
17. Анцыферова, Л.И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования/ Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1. – №2. – С. 52–60.

18. Анцыферова, Л.И. Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Эриксона/ Л.И. Анцыферова // Принцип развития в психологии/ под ред. Л.И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1978. – С. 231–256.
19. Арестова, О.Н. Операциональные аспекты временной перспективы личности/ О.Н. Арестова // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 61.
20. Ариес, Ф. Возрасты жизни/ Ф. Ариес // Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. – С. 216–244.
21. Аршавский, И.А. Основы возрастной периодизации/ И.А. Аршавский // Возрастная физиология. – Л.: Наука, 1975. – С. 5 – 67.
22. Асмолов, А.Г. Психология личности/ А.Г. Асмолов. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.
23. Ахмеров, Р.А. Биографические кризисы личности: автореферат дис. ... канд. психол. наук/ Р.А. Ахмеров. – М., 1994. – 24 с.
24. Бажин, Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля/ Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 3. – С. 152 – 162.
25. Баррон, Ф. Личность как функция проектирования человеком самого себя/ Ф. Баррон // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 41–48.
26. Баттерворт, Дж. Принципы психологии развития/ Дж. Баттерворт, М. Харрис; пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2000. – 350 с.
27. Батулин Н.А., Курганский М.А. Уровень притязаний как метод исследования личности// Диагностика психических состояний в норме и патологии. – Л., 1980. – С. 140–148.
28. Батулин, Н.А. Оценочная функция психики: монография/ Н.А. Батулин. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 306 с.
29. Батулин, Н.А. Психология оценивания и оценки: учебное пособие / Н.А. Батулин. – Челябинск: ЮУрГУ, 2000. – Ч. I. – 106 с.
30. Бауэр, Т. Психическое развитие младенца/ Т. Бауэр; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 319 с.
31. Белинская, Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности/ Е.П. Белинская // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 40–46.
32. Березина, Т.Н. Неосознаваемые особенности личностной организации времени: автореферат дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.11./ Т.Н. Березина. – М., 1997. – 17 с.
33. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание/ Р. Бернс; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
34. Бернс, Р. Эриксон об идентичности/ Р. Бернс // Общая психология: сб. текстов/ под ред. В.В. Петухова. – М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000. – Вып. 2 «Субъект деятельности». – С.
35. Бершедова, Л.И. Психологическая готовность к переходу на новый этап возрастного развития как личностное новообразование критических периодов: дисс. ... д-ра психол. наук/ Л.И. Бершедова. – М., 1999. – 314 с.
36. Блонский, П.П. Возрастная педология/ П.П. Блонский. – М., Л., 1930. – 364 с.

37. Бодалев, А.А. О предмете акмеологии/ А.А. Бодалев // Психологический журнал. – 1993. – №5. – С...
38. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте/ Л.И. Божович. – М.: Педагогика, 1968. – 415 с. (3)
39. Божович, Л.И. О культурно-исторической концепции Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности/ Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 15–24.
40. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе/ Л.И. Божович // Проблемы формирования личности: избранные психологические труды/ под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.; Воронеж, 1995. – С. 219–244.
41. Борисова, Е.М. Профессиональное самоопределение: Личностный аспект: авторский доклад/ Е.М. Борисова. – М., 1995. – 46 с.
42. Бороздина, Л.В. Возрастные изменения временной транспективы субъекта/ Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 2–3. – С. 40 – 50; С. 34–47.
43. Бочаров, В.В. Антропология возраста/ В.В. Бочаров. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 196 с.
44. Бочаров, В.В. Антропология возраста: учебное пособие/ В.В. Бочаров. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 196 с.
45. Братусь, Б.С. К изучению смысловой структуры личности/ Б.С. Братусь // Вестник МГУ. – 1981. – №2. – С. 46–55.
46. Братусь, Б.С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте/ Б.С. Братусь // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». – 1980. – № 2. – С. 3–12.
47. Братусь, Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии/ Б.С. Братусь // Вопросы психологии – 1990. – № 6. – С. 6–15.
48. Браун, Дж. Теория и практика семейной психотерапии/ Дж. Браун, Д. Кристенсен. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001. – 352 с.
49. Брушлинский, А.В. Проблема субъекта в психологической науке/ А.В. Брушлинский // Психологический журнал. – 1991. – № 6. – С. 3 – 11.
50. Брушлинский, А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе/ А.В. Брушлинский // Психологический журнал. – 1996. – Т.2. – № 6. – С. 18–26.
51. Брюдаль, Л.Ф. Психические кризисы в новой перспективе/ Л.Ф. Брюдаль; пер. с норвежского М.Л. Алекшиной. – СПб.: Европейский дом, 1998. – 164 с.
52. Бурлачук, Л.Ф. Психология жизненных ситуаций/ Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: «Российское педагогическое агентство», 1998. – 254 с.
53. Бурменская, Г.В. Современная американская психология развития/ Г.В. Бурменская, Л.Ф. Обухова, А.И. Подольский. – М., 1986. – 156 с.
54. Буякас, Т.М. Процесс обучения как диалог между профессиональным и личностным становлением/ Буякас Т.М. // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2001. – №2. – С. 69–67. (5)
55. Бьюдженталь, Дж. Искусство психотерапевта/ Дж. Бьюдженталь. – СПб.: Питер, 2001. – 304 с.

56. Бюлер, К. Духовное развитие ребенка/ К. Бюлер. – М., 1924. – 328 с.
57. Варга, А.Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс/ А.Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
58. Варламова, Е.П. Жизненный путь как творческий акт/ Е.П. Варламова, Ю.Н. Михайлова // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л.А. Головей, Л.А. Коростылевой. – СПб., 1999. – Вып. 3. – С. 37–50.
59. Васильева, О.С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека/ О.С. Васильева, Е.А. Демченко // Вопросы психологии. – 2001 – №2.– С. 74.
60. Васильева, О.С. Психологическое здоровье личности/ О.С. Васильева // Социальная психология личности/ под ред. В.А. Лабунской. – М.: Гардарики, 1999. – С. 359–372.
61. Василюк, Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций/ Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 90–101.
62. Василюк, Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
63. Возрастная психология/ М.В. Гамезо, В.С. Герасимова, Г.Г. Горелова, Л.М. Орлова. – М., 1999. – ...с.
64. Волкова, Е.Н. Субъектность как интегративное свойство личности педагога: автореферат ... канд. психол. наук/ Е.Н. Волкова. – М., 1992. – 20 с.
65. Волкова, Н.В. К пониманию категорий «кризис» и «критические ситуации» в психологии/ Н.В. Волкова// Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года: в 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – Т. 2. – С. 166–169.
66. Выготский, Л.С. Проблемы возрастной периодизации детского развития/ Л.С. Выготский // Вопросы психологии. – 1972. – № 2. – С. 114–123.
67. Выготский, Л.С. Психология/ Л.С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
68. Выготский, Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребенка/ Л.С. Выготский // Психология личности: тексты/ под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырей. – М., 1982. – С. 32–52.
69. Гаврилова, Т.А. Критический анализ зарубежных психологических концепций «кризисности – безкризисности» перехода от детства к взрослости: автореферат ... канд. психол. наук/ Т.А. Гаврилова. – М., 1985. – 19 с.
70. Ганзен, В.А. К системному описанию онтогенеза человека/ В.А. Ганзен, Л.А. Головей // Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – С. 81–97.
71. Гаулд, Р. Ступени жизни/ Р. Гаулд, Д. Левинсон, Д. Вейлант // Наука и жизнь. – 1977. – № 2. – С. 135–136.
72. Гизатуллина Д.Х. Личностный рост и самодиагностика в профессиональной подготовке будущих учителей // Прикладная психология. – 2000. – № 3. – С. 39–45. (9)

73. Гинзбург, М.Р. Жизненные планы как проявление личностного самоопределения старшеклассников/ М.Р. Гинзбург // Психологические условия формирования социальной ответственности. – М., 1987. – С. 18 – 22.
74. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43 – 52.
75. Глуханюк, Н.С. Психологические основы развития педагога как субъекта профессионализации: дис. ... д-ра. психол. наук/ Н.С. Глуханюк. – Екатеринбург, 2001. – 544 с.
76. Гозман, Л.Я. Взаимосвязь отношения к себе и другим/ Л.Я. Гозман, Ю.Е. Алешина // Вестник Московского университета: серия 14. «Психология». – 1982. – № 4. – С. 21–30.
77. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи/ Е.И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1988. – ...с.
78. Головаха, Е.И. Психологическое время личности/ Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: «Наукова думка», 1984. – 208 с.
79. Головей, Л.А. Развитие субъекта деятельности, профессиональное самоопределение и саморазвитие/ Л.А. Головей // Проблемы общей акмеологии / под ред. А.А. Реана. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – С. 36 –84.
80. Горбатенко, Т.М. Межличностные отношения и профессиональные намерения старшеклассников/ Т.М. Горбатенко // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 24–32.
81. Горелова, Г.Г. Личность и профессия: Профессионально-личностная реадaptация в условиях «тройного» кризиса: монография/ Г.Г. Горелова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. – 401 с.
82. Готовность к школе: Развивающие программы/ под ред. И.В. Дубровиной. – М., 1995. – 67 с.
83. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии/ Р.М. Грановская. – СПб.: Свет, 2000. – 647 с.
84. Грекова, Т.Н. Субъективная семантика понятия «развитие»: дис. ... канд. психол. наук/ Т.Н. Грекова. – М., 2001. – 170 с.
85. Джидарьян, И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания/ И.А. Джидарьян // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – №2. – С. 40 – 48.
86. Джидарьян, И. Проблема общей удовлетворенности жизнью. Теоретическое и эмпирическое исследование/ И. Джидарьян, Е. Антонова // Сознание личности в кризисном обществе. – М.: Изд-во ИП РАН, 1995. – С. 76–93.
87. Дзугкоева, М.Г. Психологические новообразования студенческого возраста: дис. ... канд. психол. наук/ М.Г. Дзугкоева. – М., 1999. – ...с.
88. Донченко, Е.А. Личность: конфликт и гармония/ Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко. – К.: Политиздат Украины, 1987. – 158 с.
89. Дорожевец, А.Н. Когнитивные механизмы адаптации к кризисным событиям/ А.Н. Дорожевец // Журнал практического психолога. – 1998. – №4. – С. 13–17.

90. Дружинин, В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии/ В.Н. Дружинин. – М.; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. – 135 с.
91. Дубровина, И.В. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту/ И.В. Дубровина. – М.: Педагогика, 1987. – 181 с.
92. Елагина, М.Г. Кризис семи лет и подход к его изучению/ М.Г. Елагина // Новые исследования в психологии. – М., 1989. – №1. – С. 37–42.
93. Ермоленко, В.Д. Психологические особенности развития ценностных ориентации детей в период перехода в младший школьный и подростковый возраст: автореферат дис. ... канд. психол. наук/ В.Д. Ермоленко. – М., 1984. – 24 с.
94. Ермолова, Т.В. Временной аспект образа себя у старших дошкольников/ Т.В. Ермолова, И.С. Комогорцева // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 47–58.
95. Жичкина, А. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: автореферат канд. дис./ А. Жичкина. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – ...с.
96. Зак, А.З. Характеристика «зоны ближайшего развития» при диагностике рефлексии у младших школьников/ Зак, А.З. // Научное творчество Выготского и современная психология. – М., 1981. – С. 55–57.
97. Запорожец, А.В. Значение ранних периодов детства для формирования детской личности/ А.В. Запорожец // Принцип развития в психологии. – М., 1987. – С. 32–48.
98. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности/ А.Г. Здравомыслов. – М., 1986. – 222 с.
99. Здравомыслов, А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов/ А.Г. Здравомыслов. – М.: Наука, 1999. – 352 с.
100. Зеер, Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности/ Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 6. – С. 35–44.
101. Зеер, Э.Ф. Профессиональное становление личности инженера-педагога/ Э.Ф. Зеер. – Свердловск, 1988. – ...с.
102. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие/ Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1997. – 244 с.
103. Зейгарник, Б.В. Теория личности Курта Левина/ Б.В. Зейгарник. – М., 1981. – с.
104. Зеньковский, В.В. Психология детства/ В.В. Зеньковский. – Екатеринбург: Деловая книга, 1995. – 347 с.
105. Зинченко, В.П. Идеи Л.С. Выготского о единицах анализа психики/ В.П. Зинченко // Психологический журнал. – 1981. – № 2. – С. 23–31.
106. Зинченко, В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации/ В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 19–27.
107. Зинченко, В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 42–53.

108. Иванченко, В.И. Установки личности и противоправное поведение/ В.И. Иванченко, А.Г. Асмолов, С.Н. Еликолонов // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 9–16.
109. Ивков, Н.Н. Условия и динамика разрешения ценностных противоречий в зрелости: дис. ... канд. психол. наук/ Н.Н. Ивков. – М., 2002. – ...с.
110. Канатов, А.К. Обучаемость взрослых в различные периоды зрелости/ А.К. Канатов // Психология развития: хрестоматия. – СПб.: Питер, 2001. – С. 329 – 335.
111. Канн, М. Между психотерапевтом и клиентом. Новые взаимоотношения/ М. Канн; пер. с англ.; под ред. В.В. Зеленского и М.В. Ромашкевича. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 143 с.
112. Карабанова, О.А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: дис. ... д-ра. психол. наук/ О.А. Карабанова. – М., 2002. – 360 с.
113. Клее, М. Психология подростка: психосексуальное развитие/ М. Клее. – М.: Педагогика, 1991. – 246 с.
114. Климов, Е.А. Введение в психологию труда/ Е.А. Климов. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 199 с.
115. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения/ Е.А. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 509 с.
116. Ковалев, В.И. Личностное время и жизненный путь личности/ В.И. Ковалев // Психология личности и время жизни человека: сб. науч. докладов по материалам Всесоюзной научной конференции. – Черновцы: ЧГУ, 1991. – С. 5–14.
117. Ковалев, В.И. Категория времени в психологии: личностный аспект/ В.И. Ковалев // Категории материалистической диалектики в психологии. – М., 1988. – 230 с.
118. Ковалев, В.И. Психологические особенности личностной организации времени жизни: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01./ В.И. Ковалев. – М., 1979. ...с.
119. Козлова, М. Влияние этнического фактора на становление психосоциальной идентичности/ М. Козлова // Журнал прикладной психологии. – 2001. – № 3. – С.
120. Колмогорцева, И.С. Психологическое время личности ребенка на рубеже дошкольного и младшего школьного возраста: автореферат дис. ... канд. психол. наук/ И.С. Колмогорцева. – М., 1993. – 25 с.
121. Кон, И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание/ И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
122. Кон, И.С. Психология ранней юности/ И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
123. Кон, И.С. Ребенок и общество. Историко-этнографическая перспектива/ И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
124. Коржова, Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека/ Е.Ю. Коржова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 334 с.

125. Коробкина, А.Л. Символическое моделирование позитивного образа будущего и его зависимость от индивидуально-типологических особенностей личности: дис. ... канд. психол. наук/ А.Л. Коробкина. – Хабаровск, 2002. – 170 с.
126. Коростылева, Л.А. Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения/ Л.А. Коростылева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 2000. – 292 с.
127. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего/ М. Коул. – М.: Когито-Центр, 1997. – 432 с.
128. Коул, М. Культурные механизмы развития/ М. Коул // Вопросы психологии. 1995. – № 3. – С. 5–13.
129. Коффка, К. Основы психического развития/ К. Коффка. – М., 1934. – 64 с.
130. Кравцов, Г.Г. Формирование личности в процессе обучения: автореферат докт. дис./ Г.Г. Кравцов – М., 1995. – 37 с.
131. Кравцова, Е.Е. Психологические новообразования дошкольного возраста/ Е.Е. Кравцова // Вопросы психологии. – 1996. – №6. – С. 64–76.
132. Крайг, Г. Психология развития/ Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
133. Кроник, А.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути/ А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. – М.: Смысл, 2003. – 284 с.
134. Кроник, А.А. Психовозрастная коррекция и биографический тренинг/ А.А. Кроник // Актуальные вопросы психологии личности. – М.: ИП АН СССР, 1988. – С. 229–240.
135. Кроник, А.А. Психологическое время личности/ А.А. Кроник, Е.И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1984. – 210 с. (19)
136. Крылов, Д.И. Критические периоды в психофизиологическом развитии детей и подростков/ Д.И. Крылов // Психогигиена детей и подростков. – М., 1985. – С. 17–35.
137. Кублицкене, Л.Ю. Личностные особенности организации времени: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01./ Л.Ю. Кублицкене. – М., 1989. – ...с.
138. Кудрявцев, В.Т. Идея историзма в психологии развития: автореферат дис. ... докт. психол. наук/ В.Т. Кудрявцев. – М., 1997. – 39 с.
139. Кулагина, И.Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека/ И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. – М.: ТЦ Сфера, 2003. – 464 с.
140. Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент»/ К. Левин // Период открытого кризиса. Начало 10-х-середина 30-х годов XX в.: Хрестоматия по истории психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 131–145.
141. Лейтес, Н.С. К проблеме сензитивных периодов психического развития человека/ Н.С. Лейтес // Принцип развития в психологии/ под ред. Анцыферовой Л.И. – М.: Наука, 1978. – С. 196–211.
142. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т./ А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т.1. – 391 с.
143. Леонтьев, Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности/ Д.А. Леонтьев // Вестник

Московского университета. Серия 14. «Психология». – 1996. – №4. – С. 35–44.

144. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности/ Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – с.

145. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО): методическое руководство/ Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1993. – 16 с.

146. Ливехуд, Б. Кризисы жизни – шансы жизни – развитие человека между детством и старостью/ Б. Ливехуд. – Калуга: Изд-во «Духовное познание», 1994. – 224 с.

147. Линяускайте, А.Й. Возрастная динамика психического темпа и восприятия времени: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07./ А.Й. Линяускайте. – Вильнюс, 1989. – с.

148. Лисбет, Ф. Психические кризисы в новой перспективе/ Ф. Лисбет, Брюдаль; пер. с норв. – СПб.: Европейский дом, 1998. – 164 с.

149. Лисина, М.И. Генезис форм общения у детей/ М.И. Лисина // Принцип развития в психологии. – М., 1978. – С. 268 – 294.

150. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка/ М.И. Лисина. – Москва.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 384 с.

151. Логинова, Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии/ Н.А. Логинова // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 32–46.

152. Логинова, Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности: учебное пособие/ Н.А. Логинова. – Алматы: Казахский Университет, 2001. – 172 с.

153. Логинова, Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь/ Н.А. Логинова // Принцип развития в психологии/ под ред. Л.И. Анцыферовой. – М., 1978. – С. 156–172.

154. Лозоцева, В.Н. Изучение подростковых мечтаний с целью прогнозирования и коррекции личностного развития: методические рекомендации/ В.Н. Лозоцева, А.А. Усманова. – М.: Изд-во АПН СССР, 1992. – 22 с.

155. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии/ Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

156. Любимова Г.Ю. От первокурсника до выпускника: проблемы профессионального и личностного самоопределения студентов-психологов// Вестник МГУ. Серия 14 «Психология». – 2000. – № 1. – С. 48–56. (21)

157. Маничев, С.А. Критические жизненные события и профессиональное выгорание/ С.А. Маничев // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. – СПб., 2001. – С. 192 – 203.

158. Манукян, В.Р. Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода: дис. ... канд. психол. наук/ В.Р. Манукян. – СПб., 2003. – 217 с.

159. Марютина, Т.М. Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития/ Т.М. Марютина // Психологический журнал. – 1981. – Т.2. – № 1 – С. 44–51.

160. Маслоу, А. Самоактуализация/ А. Маслоу // Психология личности: Тексты. – М., 1982. – С. 163–172.
161. Массен, П. Развитие личности в зрелом возрасте/ П. Массен, Дж. Конгер, Дж. Каган // Психология личности: тексты. – М.: Наука, 1982. – С. 182 – 186.
162. Мастерство психологического консультирования/ под ред. А.А. Бадхена, А.М. Родиной. – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2002. – 184 с.
163. Мельникова, Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
164. Меновщиков, В.Ю. Психологическое консультирование: работа с кризисными и проблемными ситуациями/ В.Ю. Меновщиков. – М.: Смысл, 2002. – 182 с.
165. Минигалиева, М.Р. Взрослость: типы и контексты анализа/ М.Р. Минигалиева // Психология зрелости. – 2000. – № 1 (9). – С. 5–19.
166. Митина, Л.М. Смысл жизни, судьба, личная ответственность/ Л.М. Митина // Вопросы психологии. – 1998. – № 1. – С. 142–143.
167. Моргун, В.Ф. Проблема периодизации развития личности в психологии/ В.Ф. Моргун, Н.Ю. Ткачева. – М.: МГУ, 1981. – 79 с.
168. Мудрик, А.В. Современный старшеклассник: проблемы самоопределения/ А.В. Мудрик. – М., 1977. – 64 с.
169. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: «Наука». Ленинградское Отделение. – 1983. – 240 с.
170. Мусина, И.А. Диагностика уровня тревожности по характеристикам восприятия времени: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01./ И.А. Мусина. – М., 1993. – 21 с.
171. Мухамедрахимов, Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие/ Р.Ж. Мухамедрахимов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – 286 с.
172. Мухина, В.С. Возрастная психология: От рождения до старости/ В.С. Мухина. – М., 1995. – 314 с.
173. Мухина, В.С. Проблема генезиса личности/ В.С. Мухина. – М.: МГПИ, 1985. – 103 с.
174. Мясищев, В.Н. Психология отношений/ В.Н. Мясищев. – М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
175. Навайтис, Г. Семья в психологической консультации/ Г. Навайтис. – М.: Московский психологосоциальный институт, 1999. – 224 с.
176. Некрасова, Е.В. Психологическое время в структуре самосознания личности в раннем юношеском возрасте: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01./ Е.В. Некрасова. – М., 1988. – 20 с.
177. Нельсон-Джоунс, Р. Теория и практика консультирования/ Р. Нельсон-Джоунс. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
178. Немировский, В.Г. Образ желаемого будущего как фактор формирования социально-профессиональной ориентации подростков/ В.Г. Немировский // Социологические исследования. – 1984. – 218 с.
179. Ниемела, П. Деятельностные, познавательные и эмоциональные

изменения в переломный момент жизни/ П. Ниемела // Психология личности и образ жизни / под ред. Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1987. – С. 121–125.

180. Обухова, Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы/ Л.Ф. Обухова. – М.: Тривола, 1995. – 360 с.

181. Обуховский, К. Психологическая теория строения и развития личности/ К. Обуховский // Психология формирования и развития личности. – М. Наука, 1981. – 365 с.

182. Овчинникова, Ю.Г. К проблеме кризиса идентичности/ Ю.Г. Овчинникова // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». – 2000. – № 2. – С. 84–89.

183. Орлов, А.Б. Развитие склонности и «временная перспектива» личности/ А.Б. Орлов // Основные проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. – М., 1978. – 215 с.

184. Основы геронтологии/ под ред. А. Бинэ, Ф. Бурльера; пер. с фр. – М.: Медгиз, 1960. – с.

185. Петров, А.П. Психологические проблемы в профессиональной переориентации взрослых/ А.П. Петров // Психологический журнал. – 1993. – №3. – С. 79–88.

186. Петровский, А.В. Категориальная система психологии/ А.В. Петровский, В.А. Петровский // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 3.

187. Пехунен, Р. Задачи развития и жизненные стратегии/ Р. Пехунен // Психология личности и образ жизни. – М., 1988. – 96 с.

188. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды/ Ж. Пиаже. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.

189. Пиняева, С.В. Личностное и профессиональное развитие в период зрелости/ С.В. Пиняева, Н.В. Андреев // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 3 – 10.(30)

190. Поливанова, К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития/ К.Н. Поливанова // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 61–69.

191. Поливанова, К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития: в логике культурно-исторической теории Л.С. Выготского: дис. ... д-ра. психол. наук/ К.Н. Поливанова. – М., 2003. – с.

192. Поливанова, К.Н. Психология возрастных кризисов/ К.Н. Поливанова. – М.: Академия, 2000. – 184 с.

193. Проблемы периодизации развития психики в онтогенезе/ под ред. В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина. – М., 1976. – 118 с.

194. Развитие психофизиологических функций взрослых людей: средняя зрелость/ под ред. Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой. – М.: Педагогика, 1977. – с.

195. Райгородский, Д.Я. Психология личности: хрестоматия: в 2 т. / Д.Я. Райгородский. – Самара: «БАХРАХ–М», 2002. – Т.1. – 512 с.; Т. 2. – 544 с.

196. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста/ Ф. Райс / пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – с.

197. Реан, А.А. Психология изучения личности: учебное пособие/ А.А. Реан. – СПб.: Изд-во Михайлова, 1999. – 228 с.

198. Реан, А.А. Теоретические основания и предметная область акмеологии личности/ А.А. Реан // Проблемы общей акмеологии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – С. 85–97.
199. Резник, Т.Е. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив/ Т.Е. Резник, Ю.М. Резник. – М.: Деловое содействие, 1995. – Вып. 2. – с
200. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности/ Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
201. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека/ К. Роджерс. – М.: Прогресс-универс, 1994. – с
202. Роджерс, К. Творчество как усиление себя/ К. Роджерс // Вопросы психологии. – 1990. – №1. – С. 16–21.
203. Романова, Е.С. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика/ Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. – Мытищи: Талант, 1990. – 139 с.
204. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии/ С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1998. – 704 с.
205. Рубинштейн, С.Л. Самосознание личности и ее жизненный путь/ С.Л. Рубинштейн // Собр. соч.: В 2 т. – М.: 1989. – Т. 2. – С. 236 – 250.
206. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир/ С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
207. Рыбалко, Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология/ Е.Ф. Рыбалко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 256 с.
208. Рыбалко, Е.Ф. Ценностные ориентации и временные перспективы самореализации личности/ Е.Ф. Рыбалко, Н.Г. Крогиус // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Реана, Л.А. Коростылевой, 1998. – Вып. 2. – С. 154–167.
209. Сайдуллаев, А. Своеобразие образов будущего и динамика их изменения у учащихся средней школы: автореферат дис. ... канд. психол. наук/ А. Сайдуллаев. – М., 1972. – 18 с.
210. Салливан, Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии/ Г.С. Салливан. – М.–СПб., 1999. – с.
211. Сидоренко, Е.В. Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру/ Е.В. Сидоренко. – СПб.: ООО Изд-во «Речь», 2000. – 352 с.
212. Слободчиков, В.И. Интегральная периодизация общего психического развития/ В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 41–52.
213. Слободчиков, В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития/ В.И. Слободчиков // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 37–49.
214. Слободчиков, В.И. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе: учебное пособие для ВУЗов/ В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная пресса, 2000. – 416 с.
215. Слободчиков, В.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности/ В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – с

216. Смирнов, С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения/ С.Д. Смирнов. – М., 1985. – с.

217. Солдатова Е.Л. «Социальная ситуация развития» как критерий периодизации взрослости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 118–125.

218. Солдатова, Е.Л. Динамика представлений о времени у старшеклассников/ Е.Л. Солдатова, М.М. Смирнягина // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 236–244.

219. Солдатова, Е.Л. Динамика эго-идентичности и представлений о будущем в нормативных кризисах взрослости/ Е.Л. Солдатова // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 2. – С. 16–30.

220. Солдатова, Е.Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости/ Е.Л. Солдатова // Вестник ЮУрГУ. – 2005. – Вып. 4. – № 7 (47). – С. 169–175.

221. Солдатова, Е.Л. К вопросу о динамике эго-идентичности в нормативных кризисах развития/ Е.Л. Солдатова // Ярославский психологический вестник. – 2006. – Вып. 18. – С. 91–97.

222. Солдатова, Е.Л. К вопросу о нормативных кризисах взрослости/ Е.Л. Солдатова // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 101–118.

223. Солдатова, Е.Л. Креативность в структуре личности: дис. ... канд. психол. наук/ Е.Л. Солдатова. – СПб., 1996. – 170 с.

224. Солдатова, Е.Л. Кризис перехода к взрослости / Е.Л. Солдатова // Профессиональное образование. – 2005. – № 11. – С. 16–17.

225. Солдатова, Е.Л. Особенности динамики кризиса перехода к взрослости/ Е.Л. Солдатова // Психология образования: региональный опыт. Материалы второй всероссийской научно-практической конференции. – М., 2005. – С. 268–269.

226. Солдатова, Е.Л. Особенности проявления креативности в кризисных ситуациях/ Е.Л. Солдатова, Е.В. Дубовая // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 244–251.

227. Солдатова, Е.Л. Проективная методика диагностики дивергентного мышления/ Е.Л. Солдатова // Научно-методический журнал «Вестник практической психологии образования». – 2005. – № 2 (3). – С. 119–125.

228. Солдатова, Е.Л. Проективная методика диагностики дивергентного мышления/ Е.Л. Солдатова, Н.А. Батулин// Шкала психодиагностических методик. – Челябинск: Психологический центр ПсиХРОН, 2005. – С. 13.

229. Солдатова, Е.Л. Психология нормативных кризисов взрослости: монография/ Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 281 с.

230. Солдатова, Е.Л. Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез/ Е.Л. Солдатова, Г.Н. Лаврова. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2004. – 384 с.
231. Солдатова, Е.Л. Развитие и кризисы зрелости/ Е.Л. Солдатова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 10. Экология. Валеология. Педагогическая психология. – 2005. – Т. 2. – № 6. – С. 192–201.
232. Солдатова, Е.Л. Становление материнства в нормативном кризисе перехода к взрослости / Е.Л. Солдатова, Пряхина Е.Л.// Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Т. 5. – С. 372–378.
233. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития/ Е.Л. Солдатова // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 75–84.
234. Сохань, Л.В. Жизненная программа личности: структура и динамика жизненных целей/ Сохань, Л.В. // Жизнь как творчество / под ред. Л.В. Сохань. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 56 – 89.
235. Старшенбаум, Г.В. Формы и методы кризисной психотерапии: методические рекомендации/ Г.В. Старшенбаум. – М.: Б.И., 1987. – 20 с.
236. Степанова, Е.И. Психология взрослых: Экспериментальная Акмеология/ Е.И. Степанова. – СПб.: Изд-во С.-Пстерб. ун-та «Алетейя», 2000. – 228 с.
237. Толстых, А.В. Возрасты жизни/ А.В. Толстых. – М., 1988. – 72 с.
238. Толстых, Н.Н. Варианты временной перспективы/ Н.Н. Толстых // Формирование личности старшеклассника/ под ред. И.В. Дубровиной. – М., 1988. – С. 41–56.
239. Томе, Г. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни/ Г. Томе // Принцип развития в психологии / под. ред. Л.И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1978. – С. 173 – 196.
240. Тхостов, А.Ш. Влияние кризисной жизненной ситуации на структуру самооценки/ А.Ш. Тхостов, Д.А. Степанович // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 32–43.
241. Файзуллаев, А.А. Мотивационные кризисы личности/ А.А. Файзуллаев // Психологический журнал. – 1989. – № 3. – С. 32–41.
242. Федоров, А.И. Временная перспектива в юношеском возрасте: Типологический подход: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13./ А.И. Федоров – М., 1996. – с.
243. Фельдштейн, Д.И. Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе/ Д.И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 1985. – № 6. – С. 3–14.
244. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности/ Д.И. Фельдштейн. – М., 1996. – с.
245. Филимонок, Ю.И. Жизненный путь: самореализация личности с опорой на подсознание/ Ю.И. Филимонок // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1997. – Вып. 1.– С. 59–74.

246. Филиппова, Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев/ Е.И. Филиппова // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах/ под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова, А.В. Малашенко. – М., 1997. – С. 134–150.
247. Франкл, В. Психотерапия на практике/ В. Франкл; пер. с нем. – СПб.: Ювента, 1999. – 250 с.
248. Франкл, В. Человек в поисках смысла/ В. Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
249. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы/ А. Фрейд / пер. с англ. – М., 1993. – 144 с.
250. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции/ З. Фрейд. – М., 1991. – с.
251. Фресс, П. Адаптация человека к времени/ П. Фресс // Вопросы философии. – 1961. – №1. – С. 43–56.
252. Фромм, Э. Иметь или быть/ Э. Фромм. – Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1998. – с.
253. Фромм, Э. Человеческая ситуация/ Э. Фромм. – М.: Смысл, 1995. – с.
254. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления/ М. Хайдеггер / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
255. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности/ В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
256. Холлис, Дж. Перевал в середине пути Кризис среднего возраста. Аналитическая психология / Дж. Холлис / пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 141 с.
257. Хорни, К. Невроз и развитие личности/ К. Хорни. – М.: Смысл, 1996. – 316 с.
258. Храповицкая, Е.М. Психологические характеристики жизненного пути в период поздней **взрослости/ Личность** и проблемы развития. – М.: ИПРАН, 2003. –
259. Хрящева, Н.Ю. Психогимнастика в тренинге/ Н.Ю. Хрящева. – СПб.: Изд-во «Ювента», Институт тренинга, 1999. – 256 с.
- 260.** Хухлаева, О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции/ О.В. Хухлаева. – М.: Изд. Центр «Академия», 2001. – 208 с. **(52)**
261. Хухлаева, О.В. Психология развития: молодость, зрелость, старость/ О.В. Хухлаева. – М.: Академия, 2002. – 208 с. **(51)**
262. Хьелл, Л. Теории личности/ Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 2006. – 607 с.
263. Чудновский, В.Э. Смысл жизни и судьба/ В.Э. Чудновский. – М.: Ось-89, 1997. – 208 с.
264. Шамионов, Р.М. Личностная зрелость и профессиональное самоопределение в подростковом и юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07./ Р.М. Шамионов. – СПб., 1997. – с.
265. Шихи, Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста / Г. Шихи. –

СПб.: Ювента, 1999. – 435 с.

266. Шкляр, Л.Е. Пространственно-временные модели жизненного пути личности/ Л.Е. Шкляр // Жизненный путь личности / под ред. Л.В. Сохань. – Киев: Наукова-думка, 1987. – С. 200-217.

267. Шляпникова, И.А. Изучение диагностических критериев переживания кризиса середины жизни/ И.А. Шляпникова // Теория и практика в современных социальных и психологических исследованиях: сборник научных статей по результатам всероссийской конференции / под ред. И.С. Морозовой, М.С. Яницкого. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 143–148.

268. Шморина, Е.В. О методе консультативной работы в ситуации развода/ Е.В. Шморина // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 2 (10). – С. 21–35.

269. Шнейдер, Л.Б. Особенности и условия формирования самоорганизации времени жизни подростков: (уч-ся СПТУ): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07./ Л.Б. Шнейдер. – М., 1993. – с.

270. Штерн, Э. Серьезная игра в юношеском возрасте/ Э. Штерн // Педология юности. – М.–Л., 1931. – с.

271. Шульц, Д. История современной психологии/ Д. Шульц, С. Шульц / пер. с англ. – СПб.: Евразия, 2002. – 544 с.

272. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте/ Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.

273. Эриксон, Э. Детство и общество/ Э. Эриксон / пер с англ. – СПб.: Университетская книга, 1996. – 590 с.

274. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис/ Э. Эриксон / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

275. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное/ К.Г. Юнг / пер. с англ. – СПб.; М., 1997. – 538 с. СПб.: Университетская книга, 1997.- 544 с.

276. Юнг, К.Г. Стадии жизни. Современный человек в поисках души/ К.Г. Юнг // Человек и его символы / пер. с англ.; под ред. С.Н. Сиренко. – М., 1997. – С.315 – 327.

277. Якунин, В.А. Педагогическая психология: учебное пособие/ В.А. Якунин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 376 с.

278. Ялтонский, В.М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией: автореферат дис.... д-ра. мед. наук/ В.М. Ялтонский. – СПб., 1995. – 48 с.

279. Яценко, А.И. Целеполагание и идеалы/ А.И. Яценко. – Киев: Наукова думка, 1977. – 275 с.

280. Adams, G.R. A developmental social psychology of identity: Understanding the person in context/ G.R. Adams, S.K. Marshall // Journal of Adolescence. – 1996. – № 19. – P. 429–442.

281. Adelson, A. Adolescence and the generalisation gap /A. Adelson // Psychology Today. – 1979. – January. – P. 33–37.

282. Albert, R.S. Identity, experiences, and career choice among the exceptionally gifted and eminent. / R.S. Albert; M.A. Runco & R.S. Albert (Eds.) // Theories of creativity. – N. P., CA.: Sage, 1990. – P. 13–34.

283. Amabile, T.M. Social psychology of creativity: A consensual assessment technique/ T.M. Amabile // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1982. – № 43. – P. 997–1013.
284. Anthis, Kristine. Readiness to change: A longitudinal study of changes in adult identity/ Anthis Kristine, LaVoie Joseph C. // *Journal of Research in Personality*. – V. 40. – Issue 2. – April 2006. – P. 209–219.
285. Arredondo, P. Operationalization of multicultural counselling competencies/ P. Arredondo, R. Toporek, S. Brown, J. Jones, D. Locke, J. Sanchez, H. Stadler // *Journal of Multicultural Counselling and Development*. – 1996. – № 24. – P. 42–78.
286. Barron, F. Introduction / F. Barron // *Creators on creating*/ F. Barron, A. Montuori, & A. Barron (Eds.) – New York: Tarcher / Putnam, 1997. – P. 1–21
287. Bastian, B. Psychological essentialism and stereotype endorsement/ B. Bastian, N. Haslam // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2006. – № 42. – P. 228–235.
288. Berzonsky, M. D. Reevaluating the identity status paradigm: Still useful after 35 years/ M.D. Berzonsky, G.R. Adams // *Developmental Review*. – 1999. – № 19. – P. 557–590.
289. Berzonsky, M.D. Identity style and coping strategies/ M.D. Berzonsky // *Journal of Personality*. – 1992. – № 60. – P. 771–788.
290. Berzonsky, M.D. Self-identity: The relationship between process and content/ M.D. Berzonsky // *Journal of Research in Personality*. – 1994. – № 28. – P. 453–360.
291. Berzonsky, M.D. Social-cognitive aspects of identity style: Need for cognition, experiential openness, and introspection / M.D. Berzonsky, C. Sullivan // *Journal of Adolescent Research*. – 1992. – № 7. – 140–155.
292. Bronfenbrenner, U. Towards an experimental ecology of human development/ U. Bronfenbrenner // *American psychologist*. – ... – №32. – P. 513–532.
293. Buckard, A.W. White counsellor trainees' racial identity and working alliance perceptions/ A.W. Buckard, J.G. Ponterotto, A.L. Reynolds, V.C. Alfonso // *Journal of Counselling and Development*. – 1999. № 77. – P. 324–329.
294. Cantor, N. Social intelligence and cognitive assessments in personality/ N. Cantor, J.F. Kihlstrom // *Advances in social cognition*. – N.Y.: Erlbaum. – 1989. – V. 2. – P. 1–60.
295. Caspi, A. Personality development across the life course: the argument for change and continuity/ Caspi, A., B.W. Roberts // *Psychological Inquiry*. – 2001. – № 12. – P. 49–66.
296. Caspi, A. Personality development: stability and change/ A. Caspi, B.W. Roberts, R.L. Shiner // *Annual Review of Psychology*. – 2005. – № 56. – P. 453–484.
297. Caspy, A. Development across the Life Course/ A. Caspy // *Handbook of Child Psychology*. – 1999. – № 4.
298. Caspy, A. Personality continuity and change across the life-cross/ A. Caspy & Bem D.J. // *Handbook of personality: theory and research*/ L.Previn (ed.) – N.Y.: Guilford press, 1990.

299. Cheek, J.M. Identity orientations: Personal, social, and collective aspects of identity/ J.M. Cheek, L.R. Tropp, L.C. Chen, M.K. Underwood // Annual Convention of the American Psychological Association. – Los Angeles, August.1994.
300. Cote, J.E. A critical examination of the identity status paradigm/ J.E. Cote, C.A. Levine // *Developmental Review*. – 1988. – № 8. – P. 1–38.
301. Cramer, P. Identity change in adulthood: The contribution of defense mechanisms and life experiences/ P. Cramer // *Journal of Research in Personality*. – June 2004. – V. 38. – Issue 3 , – P. 280–316.
302. *Developmental Theories through the Life Cycle* / editor Sonia G. Austrian. – New York: Columbia University Press, 2002. – 331p.
303. Dollinger, S.J Identity and Creativity/ S.J Dollinger, S.M. Clancy Dollinger, L. Centeno // *Identity: an International Journal of theory and research*. – 2005. – № 5(4). – P. 315–339.
304. Dollinger, S.J. Identity and Creativity/ S.J. Dollinger, S.M. Clancy Dollinger, L. Centeno // *International Journal of theory and research*. – 2005. – № 4. – P. 315–339.
305. Dollinger, S.J. Individuality and identity exploration: An autophotographic study / S.J. Dollinger, S.M. Clancy Dollinger // *Journal of Research in Personality*. – 1997. – № 31. – P. 337–354.
306. Dollinger, S.J. Need for uniqueness, need for cognition, and creativity/ S.J. Dollinger // *Journal of Creative Behavior*. – 2003. – № 37. – P. 99–116.
307. Dollinger, S.J., Clancy Dollinger S.M. Centeno L. Identity and Creativity/ S.J. Dollinger, S.M. Clancy Dollinger, L. Centeno // *Identity: an International journal of theory and research*. – № 5(4). – P. 315–339.
308. Domino, G. An empirical assessment of theGAMtheory of creativity/ G. Domino, J. Schmuck, M. Schneider // *Creativity Research Journal*. – 2002. – № 14. – P. 331–339.
309. Edinger, M. An investigation of creativity: A look at two-dimensional artists / M. Edinger // *Dissertation Abstracts International*. – 2002. – № 63 (1-A), July. – P. 81.
310. Erikson, E.H. *Childhood and society*/ E.H. Erikson. – New York: Norton, 1963.
311. Erikson, E.H. *Identity and the life cycle*/ E.H. Erikson. – New York: Norton, 1980.
312. Erikson, E.H. *Identity and the Life Cycle: A Reissue*/ E.H. Erikson. – New York: Norton, 1979.
313. Erikson, E.H. *Life History and the Historical Moment*/ E.H. Erikson. – New York: Norton, 1975.
314. Erikson, E.H. *The life cycle completed: A review*/ E.H. Erikson. – New York: Norton, 1982.
315. Fraga, E.D. Ethnic group preferences for multicultural counselling competencies/ E.D. Fraga, D.R. Atkinson, B.E. Wampold // *Culture Diversity and Ethnic Minority Psychology*. – 2004. – № 10. – P. 53–65.
316. Frankl, V. *Man's Search for Meaning* / V. Frankl. – New York: Beacon, 1955.
317. Hamburg, B. *Early adolescence: A specific and stresstul stage of the life*

- cycle/ B. Hamburg // *Coping and adaptation*. – New York: Basic Books, 1974. – P. 101–124.
318. Helson, R. Creative potential, creative achievement, and personal growth / R. Helson, J. L. Pals // *Journal of Personality*. – 2000. – № 68. – P. 1–27.
319. Hoppe, F. Erfolg und Misserfolg/ F. Hoppe // *Psychol. Forsch.* – 1930. – № 4.
320. Josselson, R.L. Psychodynamic aspects of identity formation in college women / R.L. Josselson // *J. Youth Adoles.* – 1973. – № 2. – P. 3–52.
321. Kasser, T. Further examining the American dream: The differential correlates of intrinsic and extrinsic goals/ T. Kasser, R.M. Ryan // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* – 1996. – V. 22. – P. 78–87.
322. Kiselica, M.S. Do multicultural education and diversity appreciation training reduce prejudice among counselling trainees?/ M.S. Kiselica, P. Maben, D.C. Locke // *Multicultural Education*. – 1999. – № 21. – P. 240–254.
323. Levinson, D. The seasons of a man's life/ D. Levinson. – N.Y., 1990.
324. Marcia, J.E. Development and validation of ego identity status/ J.E. Marcia // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1966. – № 3. – P. 551–558.
325. Marcia, J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. Identity/ J.E. Marcia // *An International Journal of Theory and Research*. – 2002. – № 2. – P. 7–28.
326. Marcia, J.E. The empirical study of ego identity/ J.E. Marcia // *Identity and development: An interdisciplinary approach* Thousand Oaks. – CA.: Sage, 1994. – P. 67–80.
327. Matsuba, M.K. Extraordinary moral commitment: Young adults involved in social organizations / M.K. Matsuba, L.J. Walker // *Journal of Personality*. – 2004. – № 72. – P. 413–436.
328. McAdams, D.P. Generativity in midlife/ D.P. McAdams // *Handbook of midlife development*. – New York: Wiley, 2001. – P.395–443.
329. McClelland, D. The achievement motive/ D. McClelland. – N.Y., 1953.
330. Neville, H.A. The impact of multicultural training on White racial identity attitudes and therapy competencies/ H.A. Neville, M.J. Heppner, C.E. Louie, C.E. Thompson, L. Brooks, C.E. Baker // *Professional Psychology: Research and Practice*. – 1996. – № 27. – P. 83–89.
331. Pack-Brown, S.P. Racism and white counsellor training: Influence of white racial identity theory and research/ S.P. Pack-Brown // *Journal of Counselling and Development*. – 1999. – № 77. – 87–92.
332. Pals, J.L. Narrative Identity Processing of Difficult Life Experiences: Pathways of Personality Development and Positive Self-Transformation in Adulthood/ J.L. Pals // *Journal of Personality*. – Aug2006. – V. 74. – Issue 4. – P. 1079–1110.
333. Pratt, M.W. A longitudinal analysis of personal value socialization: Correlates of a moral self-ideal in adolescence / M.W. Pratt, B. Hunsberger, S.M. Pancer, S. Alisat // *Social Development*. – 2003. – № 12. – 563–585.
334. Pratt, M.W. Family stories and the life course: An ecological context/ M.W. Pratt, B.H. Fiese // *Family stories and the life course: Across time and generations*. – NJ: Erlbaum, 2004. – P. 1–24.

335. Rokeach, M. *The Open and Closed Mind*/ M. Rokeach. – New York: Basic Books, 1960.
336. Romano, J.J. *Dimensions of parenting and identity development in late adolescence*/ J.J. Romano // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of science in Human Development. – Blacksburg, Virginia, June 11, 2004. – 47 p.
337. Schwartz, S.J. *A Comparison of Two Approaches for Facilitating Identity Exploration Processes in Emerging Adults: An Exploratory Study*/ S.J. Schwartz, W.M. Kurtines, M.J. Montgomery // *Journal of Adolescent Research*. – May 2005. – V.20. – № 3. – P. 309–345.
338. Schwartz, S.J. *Identity and Agency in Emerging Adulthood: Two Developmental Routes in the Individualization Process*/ S.J. Schwartz, J.E. Cote, J.J. Arnett // *Youth & Society*. – 2005. – V.37. – №2. – P. 201–229.
339. Schwartz, S.J. *Predicting identity consolidation from self-construction, eudaimonic self-discovery, and agentic personality*/ S.J. Schwartz // *Journal of Adolescence*. – October 2006. – V. 29. – Issue 5. – P. 777–793.
340. Serafini, T.E. *The Construction of a scale that measures the functions of identity*/ T.E. Serafini // A Thesis Presented to The Faculty of Graduate Studies of The University of Guelph in partial fulfillment of requirements for the degree of Master of Science. – August, 2000. – P.94–99.
341. Sethi, R. *Cross-functional product development teams, creativity, and the innovativeness of new consumer products*/ R. Sethi, D.C. Smith, C.W. Park // *Journal of Marketing Research*. – 2001. – № 37. – 73–85.
342. Soldatova, E. *Conditions and methods of creativity development*/ E. Soldatova // *Abstracts of the XXVII International Congress of Psychology*. – Stockholm, 2000. – P. 46.
343. Soldatova, E. *Peculiarities of self- notion of adolescents and juveniles*/ E. Soldatova // *Abstracts of the VIIth European Congress on Psychology*. – London, 2001. – P. 48.
344. Subramanian, S.V. *Women's status and depressive symptoms: a multilevel analysis*/ S.V. Subramanian, D. Acevedo-Garcia, I. Kawachi // *Social Science & Medicine*. – Jan 2005. – V. 60 (1). – P. 49–60.
345. Weinstock, C.S. *Adult Development*/ C.S. Weinstock, S.K. Whitbourne. – Westport, CT: Praeger Publishers, 1986. – 416 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Бланк методики «Культурный возраст»

Имя _____ возраст _____ пол М; Ж дата _____

Вам предлагается оценить в баллах (от **-3** до **+3**) наличие предложенных в таблице качеств и стремлений у **ТИПИЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ** каждого возраста (мужчины и женщины) и у себя.

-3 – совсем отсутствует

-2 – отсутствует

-1 – скорее нет, чем есть

0 – не знаю (затрудняюсь оценить)

+1 – скорее присутствует, чем нет

+2 – присутствует

+3 – ярко выражено

	Качества	Молодость 23–33 лет		Средняя взрослость 34–43 лет		Зрелость 44–55 (60)лет		Мудрость 56–65 лет		Я
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
1	беззаботность									
2	расцвет всех возможностей									
3	пик активности									
4	опыт									
5	предсказуемость									
6	хранение опыта поколений									
7	саморазвитие									
8	инфантильность									
9	степенность									
10	наличие новых идей									
11	создание семьи									
12	импульсивность									
13	бескорыстие									
14	пассивность									
15	продуктивность									
16	работа на прогресс общества									

	Качества	Молодость 23–33 лет		Средняя взрослость 34–43 лет		Зрелость 44–55 (60)лет		Мудрость 56–65 лет		Я
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
17	накопление опыта и созидательных сил									
18	продвижение идей на благо общества									
19	новаторство									
20	открытость									
21	рождение детей									
22	профессиональное развитие									
23	легкомысленность									
24	созидание нового									
25	быть образцом для подражания									
26	активность в усвоении знаний									
27	удержание достигнутых высот									
28	смирение с изменениями									
29	целеустремленность									
30	обретение духовности									
31	передача опыта									
32	воспитание детей									
33	интенсивная работа									
34	стабильность									
35	прогресс за счет внутренней стабильности									
36	надежность									
37	поддержка молодого поколения (в семье и в профессии)									
38	утрата активности									
39	хранение и передача опыта поколений									
40	забота о здоровье									
41	снижение возможностей									
42	осторожность									

	Качества	Молодость 23–33 лет		Средняя взрослость 34–43 лет		Зрелость 44–55 (60)лет		Мудрость 56–65 лет		Я
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
43	солидность									
44	мудрость									
45	праздность									
46	самодостаточность									
47	уверенность в себе									

- 3 – совсем отсутствует
- 2 – отсутствует
- 1 – скорее нет, чем есть
- 0 – не знаю (затрудняюсь оценить)
- + 1 – скорее присутствует, чем нет
- + 2 – присутствует
- + 3 – ярко выражено

СЕМИНАР ТРЕНИНГ
«НОРМАТИВНЫЕ КРИЗИСЫ РАЗВИТИЯ» (ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ).

МИКРОДИЗАЙН ТРЕНИНГА
(6 часов)

Задачи:

- 1. Встреча с собой, со своей реальностью в опыте проживания кризиса**
- 2. Осознание ресурсов «кризиса развития»**
- 3. Осознание (интеграция) своего опыта**
- 4. Умение использовать полученный опыт**

План:

1. вступление:
  - знакомство (презентация себя и тренинга: темы, своего видения, сообщение об условиях учебной ситуации)
  - создание групповой атмосферы (ожидания участников)
  - групповой контракт (план, задачи и правила)
2. основная часть (создание условий для появления и закрепления опыта, проработка опыта и приобретение навыков и умений):
  - обращение к феномену «кризис развития», встреча с собственным и разным опытом.
  - осознание многообразия опыта, разнообразия отношений к опыту...
  - осознание опыта, его ресурсности
3. заключение (заземление, присвоение полученного опыта и соотнесение с повседневной жизнью):
  - заземление

Часть 1.

Вступление.

Ожидания участников

Контракт.

Нас объединяет с одной стороны, уникальный, с другой – универсальный опыт переживания всевозможных кризисов, в том числе и кризисов развития. Человек живет в огромном изменяющемся мире встреч и отношений. Даже обращаясь к собственной истории, мы обнаруживаем, что наше отношение к людям, событиям, даже к себе не остаются неизменными. По-разному происходят эти изменения. Но каждый раз мы получаем какой-то опыт. Иногда этот опыт мешает нам, приносит разочарования, иногда исцеляет, становится ресурсным.

Сегодняшний семинар-тренинг тоже предполагает обращение к себе, собственному опыту... Для того, чтобы создать атмосферу безопасности, которая

необходима, чтобы какой-то опыт состоялся, нам важно договориться о правилах, которых мы будем придерживаться сегодня.

Правила:

- конфиденциальность (когда будем рассказывать о чем-то, будем иметь в виду, что говорим лишь о собственном опыте, о том, что происходило с нами лично)
- безоценочность (опыт каждого уникален и ценен, поэтому не оцениваем и не интерпретируем проявления участников)
  - активность
  - правило «стоп»
  - (дополнения?)

Основная часть

Ведущий: Я предлагаю вместе исследовать собственный опыт кризисов развития.

Сначала мы будем работать в кругу, затем, объединимся в тройки и обсудим, с чем удалось встретиться в этом упражнении, затем обменяемся опытом в кругу.

Когда вы обращаетесь к этому феномену, у вас наверняка возникают какие-то ассоциации, образы...

1. Я хочу предложить вам:

а) Напишите как можно больше ассоциаций связанных с феноменом «кризис развития»

б) Изобразите образ кризиса развития.

(бумага, фломастеры, краски, др.)

(время: 5–7 мин.)

2. Теперь выберите себе партнеров, объединитесь в группы по 3 человека и обсудите опыт. На эту работу у вас будет 7 минут.

3. Вернемся в круг.

Вопросы для обсуждения:

- С чем удалось встретиться в ходе выполнения этого упражнения?

ПЕРЕРЫВ 10'

Есть ли что-нибудь, что осталось после первой части нашей работы? Можем двигаться дальше?

Упр. «Линия жизни»

Сядьте поудобнее, опираясь на стул, осмотрите комнату. Смотрите на людей, прислушивайтесь к звукам этой комнаты и за ее пределами... Что вы слышите?...

Если вам достаточно комфортно, закройте глаза и сделайте 2–3 глубоких вдоха и выдоха.... Позвольте дыханию протекать свободно, не старайтесь управлять им...

Отмечайте как воздух входит и выходит ...

Мысленно представьте себя в уютном месте.... там, где вы чувствуете себя особенно комфортно... , где вы легко отдаетесь воспоминаниям...

Это может быть место, хорошо известное вам, место, знакомое с детства, может быть вы видите его впервые....

Что это за место? Поисследуйте его...

Понаблюдайте за тем, что вокруг, рассмотрите как можно лучше...

Как вы чувствуете себя здесь?...

Запомните ощущения, которые вы испытываете в этом месте....

Что Вам может помочь обратиться к своим воспоминаниям? Может быть это фотоальбом... или... Ваш дневник... или Ваше домашнее видео... может быть предметы в заветной шкатулке, напоминающие о прошлом... Рассмотрите внимательно все. Что поможет Вам обратиться к событиям не очень давнего прошлого...

Все еще находясь в этом безопасном месте, обратитесь мысленно к тому периоду в Вашей жизни, когда Вы, окончив школу, входили во взрослую жизнь...

Может быть, это был очень приятный опыт, может быть, вам неприятно вспоминать его, тем не менее, обратитесь к этому опыту...

Как вы поняли, что ваша жизнь теперь изменилась?...

Как изменился круг Ваших отношений? Что происходило с вами? Как изменились Ваши цели, ценности? Что вы делали? Как вы чувствовали себя в новых условиях?

Спросите у себя той (того) изменившегося какую Вашу потребность эти изменения выражали?...

– что Вам, действительно, было нужно

– что вы чувствовали, делали...

Возможно, Вы вспомните, как наступил момент, когда вы иначе отнеслись к этим изменениям...

Как, когда вы почувствовали, что эти изменения в Вашей жизни вас не совсем устраивают?

В чем Вы нуждались тогда?... Как справлялись с этими переживаниями?

В чем и в ком Вы нуждались? Был ли кто-то рядом с вами тогда? Чья поддержка вам помогала? Что происходило вокруг и что происходило с Вами?

Как вам удалось принять себя изменившегося?

Что помогло Вам почувствовать СЕБЯ СОБОЙ? Как это «быть сами собой»?

Что вы чувствуете в связи с этим сейчас?

Какие чувства вы испытываете в связи с изменением вашего образа? Что вы чувствуете сейчас?

А теперь представьте место, куда бы вы хотели поместить свои

воспоминания.... это может быть место внутри или вне вас... какое-то заветное место... Поместите туда ваши воспоминания, куда вам удобно будет к ним обращаться...

Вновь вернитесь в свое безопасное место, с которого вы начали свое путешествие...

Вернитесь к своему дыханию....

Наблюдайте за тем, как вы дышите...

Почувствуйте свое тело. Позу, в которой вы сидите....

Когда будете готовы, медленно откройте глаза и возвращайтесь в круг в удобном для вас темпе.

У вас будет возможность сделать рисунки, записи... А затем вы объединитесь в тройки для того, чтобы обсудить ваш опыт, полученный в этом упражнении.

Возьмите 5 минут для того, чтобы нарисовать образ, образы, с которыми вы встретились... Вы можете нарисовать или записать что-то из этого опыта. Постарайтесь ответить на вопросы:

- С чем вам удалось встретиться в ходе этого упражнения?
- Как изменялись ваши отношения в референтных группах, сферах общения?
- Как изменялось отношение к себе?
- Какие чувства, переживания связаны с этим упражнением?

Теперь выбрав себе партнеров, объединитесь в тройки и обсудите ваш опыт.

На листах ватмана (с линией жизни и смайликами) изобразите в виде кривой изменения вашего миро- и самоощущения.

Вернитесь в круг.

Обсуждение.

МИНИ-ЛЕКЦИЯ

Нормативный кризис – кризис развития

Ситуация развития и ее уровни: объективный, субъективный (ценностный), рефлексивный (тождественность себе, принятие)

Диагностика уровней ситуации развития

ПЕРЕРЫВ 10'

Есть ли что-нибудь, что осталось после второй части нашей работы?

Можем двигаться дальше?

Часть 3.

как применить полученные знания

Задание 3. Имя (код) _____

Представьте, что Вы снимаете фильм о своей жизни и надо отыскать самые главные кадры-события своего прошлого, настоящего и будущего. Событиями могут быть любые перемены во внешнем и внутреннем мире, происходящие достаточно быстро (не длительный этап). Например, событием может быть поступление в институт или окончание института (а не обучение в институте).

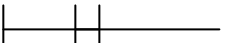
Далее выполняйте инструкцию пошагово. Будьте внимательны!

Шаг I. Подумайте о наиболее значимых для Вас событиях прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. Перед Вами горизонтальная линия – «линия Вашей жизни». Начало этой линии – это день Вашего рождения, напишите его дату в начале линии.

Шаг II. Теперь отметьте на линии точку сегодняшнего дня и подпишите дату.

Шаг III. Теперь точками отметьте, пожалуйста, наиболее существенные, значимые, эмоционально окрашенные события прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. При этом сверху от линии должны располагаться положительные, приятные события, а снизу – негативные, неприятные. Удаленность события от оси обозначает эмоциональную значимость события (чем дальше точка события от оси, тем оно более сильно переживается). Напишите дату каждого события и обозначьте его понятным для Вас ключевым словом или символом.

Шаг IV. Теперь выберите цвет, который больше, по Вашему мнению, подходит к каждому событию, и подпишите его название около точки события (можно раскрасить события цветными карандашами).

Шаг V. Сейчас условными вертикальными границами отделите период, который воспринимается Вами как «настоящее». Теперь отметьте уровень эмоционального переживания этого периода в целом (горизонтальной линией). Пример:

Шаг VI. Теперь вертикальными границами отметьте этап, предшествующий настоящему (это не все прошлое, а именно предыдущий период). И так же отметьте уровень его эмоционального переживания. Пример:

Задание 6.

Имя (код) _____

Инструкция: Закончите предложения.

1. Будущее – это...
2. Будущее кажется мне...
3. Через год я...
4. Через ... лет я...
5. Через ... лет ...
6. Через ... лет ...
7. Через ... лет ...
8. Больше всего в будущем мне хотелось бы...
9. Когда я задумываюсь о будущем, то ...
10. Главное, что меня ожидает в будущем...
11. Больше всего в будущем я боюсь...
12. Я готов(а) на все, чтобы в будущем...
13. Надеюсь, что в будущем...
14. В будущем мне больше всего хотелось бы добиться ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕДЕНИЕ.....	3
Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСОВ И НЕПРЕРЫВНОСТИ РАЗВИТИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ	
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ	
1.1. Общие основания исследования проблемы непрерывности развития в онтогенезе. Понятие развития.....	5
1.2. Принцип развития в философии.....	7
1.3. Психологические концепции развития личности. Непрерывность онтогенеза.....	8
Глава 2. КРИЗИСЫ И НОРМАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ В ПЕРИОДЫ ВЗРОСЛОСТИ	
2.1. Анализ концептуальных подходов к периодизации взрослых периодов онтогенеза. Критические и переходные периоды.....	26
2.2. Анализ подходов к классификации кризисов в психологии. Понятие нормативного кризиса развития.....	39
Глава 3. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ ВЗРОСЛОСТИ	
3.1. Анализ психологического содержания кризисов взрослости.....	45
3.2. Феномен, структура и динамика нормативного кризиса развития в логике культурно-исторического подхода.....	60
3.2.1. Социальная ситуация развития как критерий периодизации взрослости и исследования нормативного кризиса развития.....	62
3.2.2. Новообразования психического развития. Новообразование возраста.....	67
3.2.3. Новообразование нормативного кризиса как психологическая готовность к переходу на следующий возрастной этап.	78
3.3. Гипотеза о психологическом смысле нормативных кризисов взрослости. Динамика нормативных кризисов взрослости. Возрастные задачи и идеальный образ развития.	
3.3.1. Структурно-динамическое содержание нормативных кризисов взрослости.....	81
3.3.2. Роль возрастных задач развития и идеальной формы в интериоризации новообразований.....	85
3.3.3. Эго-идентичность как новообразование нормативных кризисов взрослости.....	87
Часть II. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО КРИЗИСА ПЕРЕХОДА К ВЗРОСЛОСТИ	
Глава 4. ОБРАЗ ВОЗРАСТА КАК НОРМАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМА РАЗВИТИЯ.....	90
4.1. Исследование представления о нормативных критериях взрослых возрастов. Возрастные задачи развития.....	91
4.2. Исследование факторной структуры представлений о возрасте...	101

Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НОВООБРАЗОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ ВЗРОСЛОСТИ. СЭИ-ТЕСТ.....	96
5.1. Особенности изменений статуса эго-идентичности в нормативных кризисах взрослости.....	104
5.2. Методика диагностики структуры эго-идентичности «СЭИ-тест».	110
5.3. Исследование структурных особенностей эго-идентичности в разные периоды взрослости.....	114
Глава 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА ПЕРЕХОДА К РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ (МОЛОДОСТИ).....	119
6.1. Исследование структуры социальной ситуации развития в кризисе перехода к ранней взрослости.....	122
6.1.1. Исследование особенностей самоактуализации в группах с разной структурой социальной ситуации развития.....	124
6.1.2. Исследование системы ценностей в группах испытуемых с разной структурой социальной ситуации развития.....	127
6.2. Исследование динамики системы отношений как субъективной составляющей социальной ситуации развития в кризисе перехода к ранней взрослости.....	132
6.2.1. Структура и динамика системы отношений в кризисе перехода к взрослости.....	133
6.2.2. Особенности динамики жизненных ценностей и их доступности в разных фазах нормативного кризиса перехода к ранней взрослости.....	135
6.2.3. Особенности динамики отношения к ценностям родительской семьи как критерий динамики нормативного кризиса перехода к взрослости.....	137
6.3. Исследование временной транспективы в нормативном кризисе перехода к взрослости.....	138
6.4. Исследование динамики содержания образа будущего как идеальной формы развития.....	155
6.6. «Медовый месяц» как нормативный кризис развития семьи на этапе перехода к взрослости.....	165
6.6.1. Сравнение выборок по параметру «Удовлетворенность браком»	168
6.6.2. Анализ представлений о брачных отношениях в супружеских парах в период «медового месяца».....	169
6.6.3. Сравнение выборок по параметрам «Распределение супружеских ролей» и «Установки семейной пары».....	171
6.7. Особенности проявления показателей креативности в фазах нормативных кризисов взрослости.....	176
7.3. Проблема психологического сопровождения в периоды нормативных кризисов взрослости.....	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	190
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	210

1. Adams, G. R., & Marshall, S. K. (1996). A developmental social psychology of identity: Understanding the person in context. *Journal of Adolescence*, *19*, 429–442.
2. Albert, R. S. (1990). Identity, experiences, and career choice among the exceptionally gifted and eminent.
3. In M. A. Runco & R. S. Albert (Eds.), *Theories of creativity* (pp. 13–34). Newbury Park, CA.:Sage.
4. Amabile, T. M. (1982). Social psychology of creativity: A consensual assessment technique. *Journal of Personality and Social Psychology*, *43*, 997–1013.
5. Barron, F. (1997). Introduction. In F. Barron, A. Montuori, & A. Barron (Eds.), *Creators on creating* (pp. 1–21). New York: Tarcher/Putnam.
6. Berzonsky, M. D. (1992). Identity style and coping strategies. *Journal of Personality*, *60*, 771–788.
7. Berzonsky, M. D. (1994). Self-identity: The relationship between process and content. *Journal of Research in Personality*, *28*, 453–360.
8. Berzonsky, M. D., & Adams, G. R. (1999). Reevaluating the identity status paradigm: Still useful after 35 years. *Developmental Review*, *19*, 557–590.
9. Berzonsky, M. D., & Sullivan, C. (1992). Social-cognitive aspects of identity style: Need for cognition, experiential openness, and introspection. *Journal of Adolescent Research*, *7*, 140–155.
10. *Personality psychology: Recent trends and emerging directions* (pp. 275–285). New York: Springer-Verlag.
11. Cheek, J. M., Tropp, L. R., Chen, L. C., & Underwood, M. K. (1994, August). *Identity orientations: Personal, social, and collective aspects of identity*. Paper presented at the 102nd Annual Convention of the American Psychological Association, Los Angeles.
12. Cote, J. E., & Levine, C. (1988). A critical examination of the identity status paradigm. *Developmental Review*, *8*, 1–38.
13. Dollinger, S. J. (2003). Need for uniqueness, need for cognition, and creativity. *Journal of Creative Behavior*, *37*, 99–116.
14. Dollinger, S. J., & Clancy Dollinger, S. M. (1997). Individuality and identity exploration: An autophotographic study. *Journal of Research in Personality*, *31*, 337–354.
15. S.J. Dollinger, S.M. Clancy Dollinger, and Leslie Centeno Identity and Creativity, INTERNATIONAL JOURNAL OF THEORY AND RESEARCH, 2005(4), 315–339
16. Domino, G., Schmuck, J., & Schneider, M. (2002). An empirical assessment of the GAM theory of creativity. *Creativity Research Journal*, *14*, 331–339.
17. Edinger, M. (2002). An investigation of creativity: A look at two-dimensional artists. *Dissertation Abstracts International*, *63* (1-A), July, 81.
18. Erikson, E. H. (1963). *Childhood and society*. New York: Norton.
19. Erikson, E. H. (1980). *Identity and the life cycle*. New York: Norton.

20. Erikson, E. H. (1982). *The life cycle completed: A review*. New York: Norton.
21. Helson, R., & Pals, J. L. (2000). Creative potential, creative achievement, and personal growth. *Journal of Personality*, 68, 1–27.
22. Marcia, J. E. (1966). Development and validation of ego identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3, 551–558.
23. Marcia, J. E. (1994). The empirical study of ego identity. In H. A. Bosma & L. G. Tobi (Eds.), *Identity and development: An interdisciplinary approach* (pp. 67–80). Thousand Oaks, CA: Sage.
24. Marcia, J. E. (2002). Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2, 7–28.
25. Sethi, R., Smith, D. C., & Park, C. W. (2001). Cross-functional product development teams, creativity, and the innovativeness of new consumer products. *Journal of Marketing Research*, 37, 73–85.
26. Мастерство психологического консультирования. Под ред. А.А.Бадхена, А.М.Родиной. – СПб, 2002 – «Европейский дом» - 184с.
27. Хрящева Н.Ю. Психогимнастика в тренинге – СПб.: «Ювента», институт тренинга, 1999. – 256с.
28. Сидоренко Е.В. терапия и тренинг по Альфреду Адлеру – СПб.: ООО Изд-во «Речь», 2000, - 352с.
29. Кан М. Между психотерапевтом и клиентом. Новые взаимоотношения. Пер. с англ. под ред. В.В.Зеленского и М.В.Ромашкевича. – СПб: Б.С.К., 1997 – 143с.